

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14393

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 2 (15) АПРѢЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14393

ВЪ СТАВКѢ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Его Императорское Величество Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Слѣва отъ Его Императорскаго Величества начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген.-отъ-инф. М. В. Алексѣевъ; главнокомандующій арміями западнаго фронта ген.-отъ-инф. А. Е. Звертъ; бывшій военный министръ ген.-отъ-инф. А. А. Поливановъ. Направо отъ Его Императорскаго Величества главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта ген.-адъют. А. Н. Куропаткинъ и бывшій главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта ген.-адъют. Н. И. Ивановъ; за генераломъ Алексѣевымъ—вице-адмиралъ А. И. Русинъ и чины Ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

Съ фот. фонъ-Гана и К°. (А. К. Ясельскаго) въ Царскомъ Селѣ.

Башня Леандры.

Константинопольское преданіе.

На ласково-шумномъ просторѣ,
Гдѣ Чернаго моря волна
Лазурится въ синемъ Босфорѣ,
Видѣется башня одна.

Въ безмолвіи своемъ опустѣломъ,
Тиха и печальна на видѣ,
Какъ тихая женщина въ бѣломъ,
Та бѣлая башня стоитъ.

У темныхъ вѣковъ есть преданье:
Красавицъ царской семьи
Жрецы изрекли предсказанье:
Погибнуть отъ жала змѣи.

И стали долины и пашины
Ей жутки и ночью и днемъ,
И выстроилъ царь стѣны башни
Царевнѣ на лонѣ морскомъ.

И стала въ неволѣ, плачевно,
Подъ плескъ однозвучный волны,
Томиться Леандра-царевна
Въ цвѣтущіе годы весны.

Но, вѣрныхъ невольницъ имѣя
И моря пустынный предѣлъ,
Отъ жала коварнаго змѣя
Царь дочь охранить не умѣлъ.

Незримо, въ часъ трапезы сладкой,
Свернувшись кольцомъ межъ плодовъ,
Змѣя пробралась украдкой:
Сбылось предсказанье жрецовъ.

Тогда-то, любовью волнуемъ,
Награды ища впередъ,
Леандры женихъ поцѣлуемъ
Ядъ выпилъ изъ юной груди.

И въ сердцѣ ея зазвучали
Счастливыя пѣсни съ тѣхъ поръ,
И Башней Леандры назвали
Ту башню, гдѣ плещетъ Босфоръ.

П. Вильде.

Изъ лѣтописи Старога Петрограда.

Исаакіевскій соборъ въ его прошломъ и
настоящемъ.

Окончаніе*.

Сорокъ лѣтъ строился Исаакіевскій соборъ. Длительность этой постройки слѣдуетъ признать лишь относительной, принимая въ соображеніе съ одной стороны то обстоятельство, что въ другихъ странахъ замѣчательнѣйшіе храмы строились иногда столѣтіями, а съ другой—тѣ исключительныя трудности, которыя сопровождали эту постройку.

Прежде всего явилось очень сложной задачей заложить такой фундаментъ, который могъ бы выдержать всю неимоверную тяжесть Исаакіевского собора, да притомъ еще при условіи болотистости почвы нашей столицы.

Для этого пришлось принять спеціальныя мѣры, которыя свелись къ слѣдующему.

Какъ только, разбирая старый соборъ, дошли до той части его, которая должна была остаться для новаго строенія, внимательно осмотрѣли основаніе ея, вынули то, что не представляло достаточной крѣпости и, увѣрившись въ благонадежности прочаго, для закладки новаго фундамента начали рыть сплошные рвы глубиной отъ 7 до 9 аршинъ; во рвахъ стали забивать сплошь трехсаженныя сосны новыя сваи (общее число ихъ 10.762), одну подъ одинъ уровень и оставшіеся между ними были не болѣе 8 вершковъ. По окончаніи забивки, сваи срублены были подъ одинъ уровень и оставшіеся между ними промежутки плотно утрамбованы землею. Работа эта, которую заняло 11.087 человѣкъ, продолжалась безостановочно цѣлый годъ.

Непосредственно на сваи положены были два ряда гранитныхъ камней, обтесанныхъ въ правильныя формы, длиною въ

Супруга японского посла баронесса Мотано, работавшая в госпиталь в качестве сестры милосердия.

Посоль Японии при Императорском Российском Дворе, баронъ Ичиро Мотано.

ГОСПИТАЛЬ ОТРЯДА ЯПОНСКОГО КРАСНАГО КРЕСТА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Японский госпиталь былъ открытъ 6 декабря 1914 г. Въ теченіе года и 3/4 мѣсяцевъ всего въ госпитальъ перебывало 498 больныхъ, преимущественно тяжело раненныхъ. Число смертныхъ случаевъ было самое незначительное—всего 6. 12 апрѣля японскій персоналъ госпиталя уѣзжаетъ. Госпиталь остается въ вѣдѣніи русскаго Краснаго Креста и будетъ носить наименование «Лазаретъ японскаго обреченнаго Краснаго Креста».

На группѣ изображенъ персоналъ госпиталя. Сидятъ: священникъ Акира Морита (о. Павелъ), хирургъ Юсиносукэ Мива, проф. Синсиро Уэно, врачъ Теруе Нисимура, аптекарь Коя Вада, секретарь Исао Мадуи. Стоять (слѣва): сестра милосердія Фуѳу Нагаи, переводчикъ Косукэ Накамура; сестры милосердія: Рин Фукуда, старшая сестра Томи Томонари, Хару Огури, Мина Юсида, Вана Окава, Фуми Суняма.

Не менѣе труда и усилія было положено и на устройство великолѣпныхъ колоннъ собора.

Сто двѣнадцать колоннъ, украшающихъ Исаакіевскій соборъ и составляющихъ его рѣдкую достопримѣчательность, добывались, какъ и прочій гранитъ для него, въ Финляндіи.

Въ Выборгской губерніи по дорогѣ между Выборгомъ и Фридрихсгамомъ, на берегу одной изъ бухтъ Финскаго залива, въ мѣстѣ, называемомъ Пютерлакскъ, лежитъ гранитная скала, простирающаяся на довольно большое пространство. Эта то скала и была избрана для выломки изъ нея колоннъ на портики Исаакіевского собора. Дѣло это производилось слѣдующимъ образомъ.

Какъ скоро находили на скалѣ мѣсто по формѣ и размѣру годное для дѣла и, сколько возможно было, по вѣншему обзору удовлетворялись, что въ немъ нѣтъ никакихъ трещинъ, жиль и другихъ пороковъ, определяли требуемый для колонны размѣръ и по прямой горизонтальной линіи вырубали дорожку или желобокъ, загибая его на концахъ прямымъ угломъ по направленію къ наружной, вертикально очищенной стороне скалы.

Въ этой дорожкѣ просверливали вертикальныя же, проходящія до самаго подслонка, сваины, одну возлѣ другой (на разстояніи 10 дюймовъ другъ отъ друга) такъ, чтобы требуемая масса гранита могла быть совершенно отдѣлена со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ въ просверленные дыры вставляли огромныя желѣзныя клинья и разставляли около нихъ рабочихъ съ тяжелыми молотами. По данному знаку рабочие разомъ ударили по клинью, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ масса откалывалась по направленію просверленныхъ скважинъ. Дальнѣйшее отдѣленіе массы гранита производилось посредствомъ рычаговъ и воротовъ. Ее опрокидывали на подложенныя брусья, обтесывали чертѣ въ тре-

бусую форму и потомъ по брусьямъ скатывали на берегъ моря на нарочно устроенную для этого пристань, съ которой грузили уже на судно. Въ Петроградѣ же для выгрузки колоннъ была устроена на Невѣ подлѣ Адмиралтейскаго бульвара также особая пристань. Здѣсь привезенныя колонны выгружались съ судовъ по ряду площадей, и по нимъ скатывались въ нарочно устроенный крытый сарай, въ которомъ отдѣлывались уже окончательно. Двѣ первыя большія колонны привезены были въ Петроградъ 5 сентября 1820 г.

Установка 48 большихъ колоннъ, назначенныхъ для портиковъ храма, составляла одну изъ труднѣйшихъ операций при постройкѣ Исаакіевского собора, особенно потому, что примѣры подобныхъ работъ весьма рѣдки. Предварительно по плану архитектора была сдѣлана модель колоннъ, назначенныхъ для подъема колоннъ, потомъ уже приступили къ постройкѣ на мѣстѣ, назначенномъ для портиковъ, самыхъ глыбовъ, массивныхъ, тяжелыхъ.

По окончаніи этихъ подготовительныхъ сооруженій начали уже ставить и самыя колонны.

Первая колонна на сѣверномъ портикѣ поставлена была 20 марта 1828 г. въ часть пополудни. Передъ этимъ было отслужено молебствіе. По прибытіи Государя и Императрицы, когда все уже было готово, раздались сигнальные удары колокола, и «заходили» 16 кабестановъ или воротовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе каждый восемью человѣками; колонна, оснащенная толстыми канатами, стала отдѣлываться отъ земли, и въ 40—45 минутъ стояла уже на назначенномъ ей мѣстѣ. Точно такимъ же образомъ поставлены были на портикахъ и другія 47 колоннъ. Рѣдкое зрѣлище этой работы постоянно привлекало много любопытныхъ.

Чтобы дать понятіе о ея трудности, слѣдуетъ указать, что размѣръ колоннъ различался 7 саж. 2 арш. 2 1/2 верш. въ высоту, 2 арш. 8 1/2 верш. въ нижнемъ діаметрѣ и 7 арш. 14 верш. въ окружности, а вѣсила каждая изъ нихъ по 8.000 пуд.

Двадцать четыре колонны, окружающія башню большого купола, тридцать двѣ колонны малыхъ куполовъ и восемь колоннъ, украшающихъ окна собора, имѣютъ также значительныя размѣры. Стоимость однихъ большихъ 48 колоннъ 2.611.510 руб.

Не мало труда и денежныхъ средствъ было затрачено на оборудованіе и прочія части собора.

Стѣны его были рѣшено обложить сѣрымъ русскопольскимъ мраморомъ. (изъ Финляндіи). Мрамора для этого было доставлено на сумму 4.867.317 руб. въ количествѣ 2.024.386 пудовъ. Общая же стоимость обшивки стѣнъ обошлась въ 7.484.830 руб. асигнаціями.

Четыре угла собора украшены 8 бронзовыми фигурами, а выше ихъ, на кровлѣ храма, поставлены четыре группы ангеловъ.

Фигуры и группы, исполненныя по моделямъ Виттоли, были отлиты гальвано-

Старшая сестра японскаго госпиталя Марія Алексѣевна Ауэрбахъ, рожденная Рутченко.

* Описаніе Исаакіевского собора В. Серафимова и М. Фомина. 1865.

НА ВОЙНѢ.

Партизаны, подравшись къ германскому сторожевому охраненію, убивъ часового и связавъ подчаска, ждутъ идущую сѣтню Нѣмцевъ.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

пластическимъ способомъ на заводѣ германскаго Лейхтенбергскаго. По тому же способу вылиты и барельефы и надписи. Трое большихъ дверей, сдѣланныя изъ бронзы по моделямъ того же Виттори, являются превосходѣйшими художественными произведеніями и своимъ размѣромъ, цѣнностію и изяществу могутъ выдерживать сравненіе съ наилучшими образцами этого рода. Стоимость перваго, украшеннаго выбитыми мѣдными лучами, и наконецъ третій сводъ—наруж-

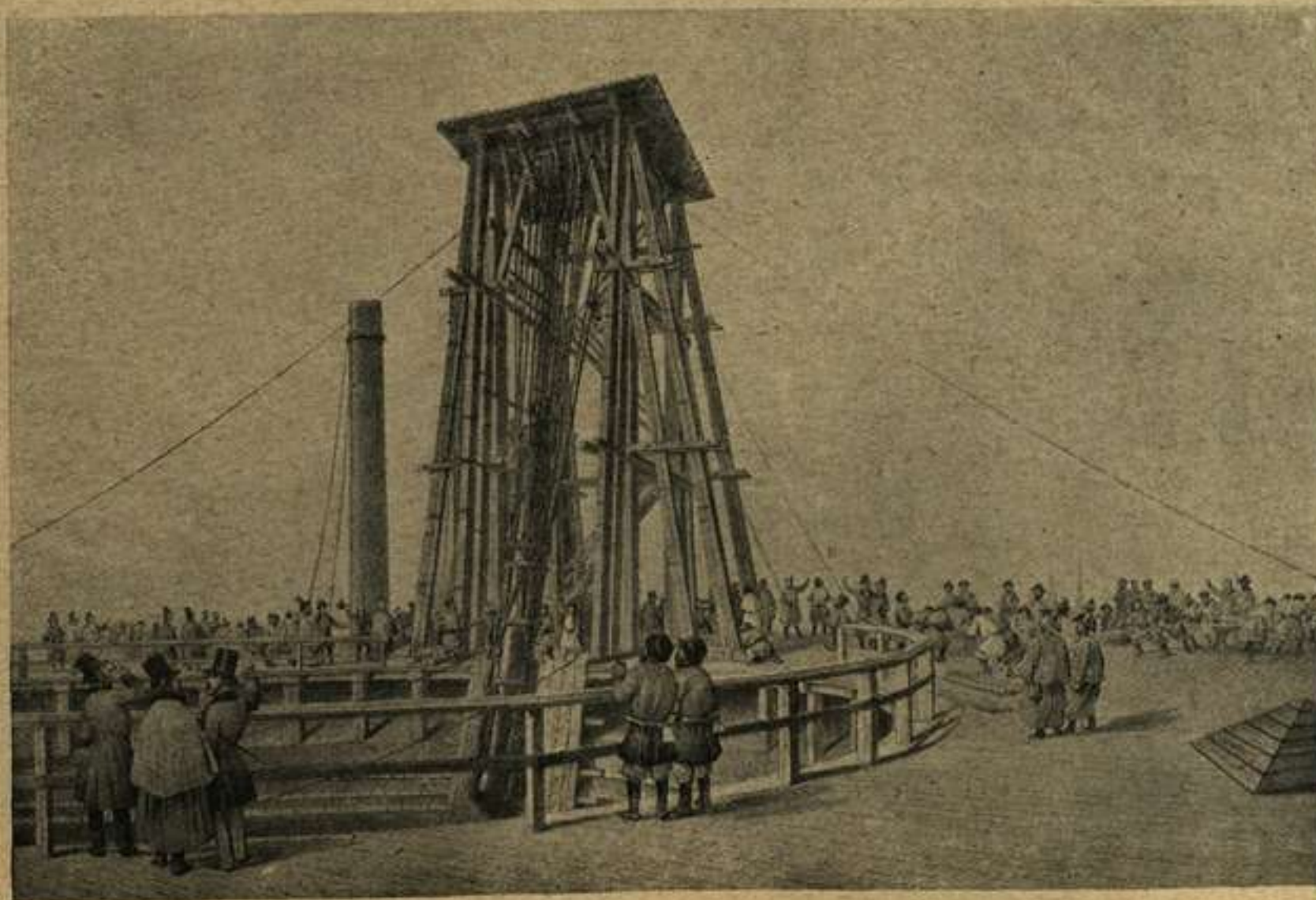
Главный барабанъ (башня), какъ уже

было сказано выше, окаймленъ 24 колоннами; постановка ихъ на высоту 22 саж. изъ казенной мѣди пошло для нуждъ собора 19.378 пуд. Стоимость устройства крыши и куполовъ—2.445.415 руб. 95 коп. изъ сѣраго русскаго мрамора; гладкая же Колоколовъ въ соборъ 11. Общій вѣсъ ихъ 4.349 пуд. 14 фун., и стоимость 62.029 руб. 89¼ коп. сер. Всѣ они отлиты въ Петроградѣ валдайскимъ колокольно-коническій, видимый въ отверстіи мѣдью мастеромъ П. М. Стуколкинымъ. Высота собора 47 саж. 2 арш. Длина 52 саж. 12 вершк. Ширина 45 саж. 2½ арш.

Для отделки внутренности храма были употреблены мраморы русскіе и заграничныя на сумму 1.887.317 руб. Полъ собора, площадью въ 722 кв. саж., сдѣланъ изъ сѣраго русскаго мрамора; гладкая же обшивка стѣнъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора въ количествѣ 1.555 кв. саж. Соборъ расписанъ извѣстѣйшими художниками того времени: К. Брюловымъ, Бруни, Басинымъ, Марковымъ и др. Стѣнная живопись исполнена масляными красками по штукатуркѣ, для чего ее предварительно покрыли маслянистымъ грунтомъ.

Общая стоимость Исаакіевского собора выразилась въ суммѣ 23.256.852 руб.

ИСААКІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕШЪ. См. статью на стр. 113.

Подъемъ колоннъ, поддерживающихъ большой куполь Исаакіевского собора. Всего такихъ колоннъ двадцать четыре.

Подобно тому, какъ при началѣ постройки этого храма въ 1821 г. появилось много критическихъ отзывовъ о проектѣ архитектора Монферрана, стремившихся доказать невозможность соединить старое зданіе съ новымъ, построить фронтоны и, что всего важнѣе,—воздвигнуть куполь съ большими колоннами, такъ точно и черезъ 20 лѣтъ (въ 1841 г.), когда нужно было приступить къ производству внутренняго устройства и украшеній собора, не мало было толковъ о томъ, какъ устроить три алтаря, сдѣлать соборъ свѣтлѣе и проч.

При этомъ, конечно, на Монферрана посыпалась туча упрековъ и нареканій.

Въ особенности яростную кампанію повелъ противъ строителя Исаакіевского собора баварскій архитекторъ Кленцъ. Надо помнить, однако, что планъ Исаакіевского собора не былъ созданіемъ архитектора Монферрана; ему были поставлены опредѣленные требованія и условия, такъ что онъ являлся собственно говоря лишь исполнителемъ чужой воли, и потому замѣчанія, дѣлаемыя и понятыя относительно темноты собора или того, что низка содея и страдаетъ недостатками иконостаза, строго го-

ИСААКІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

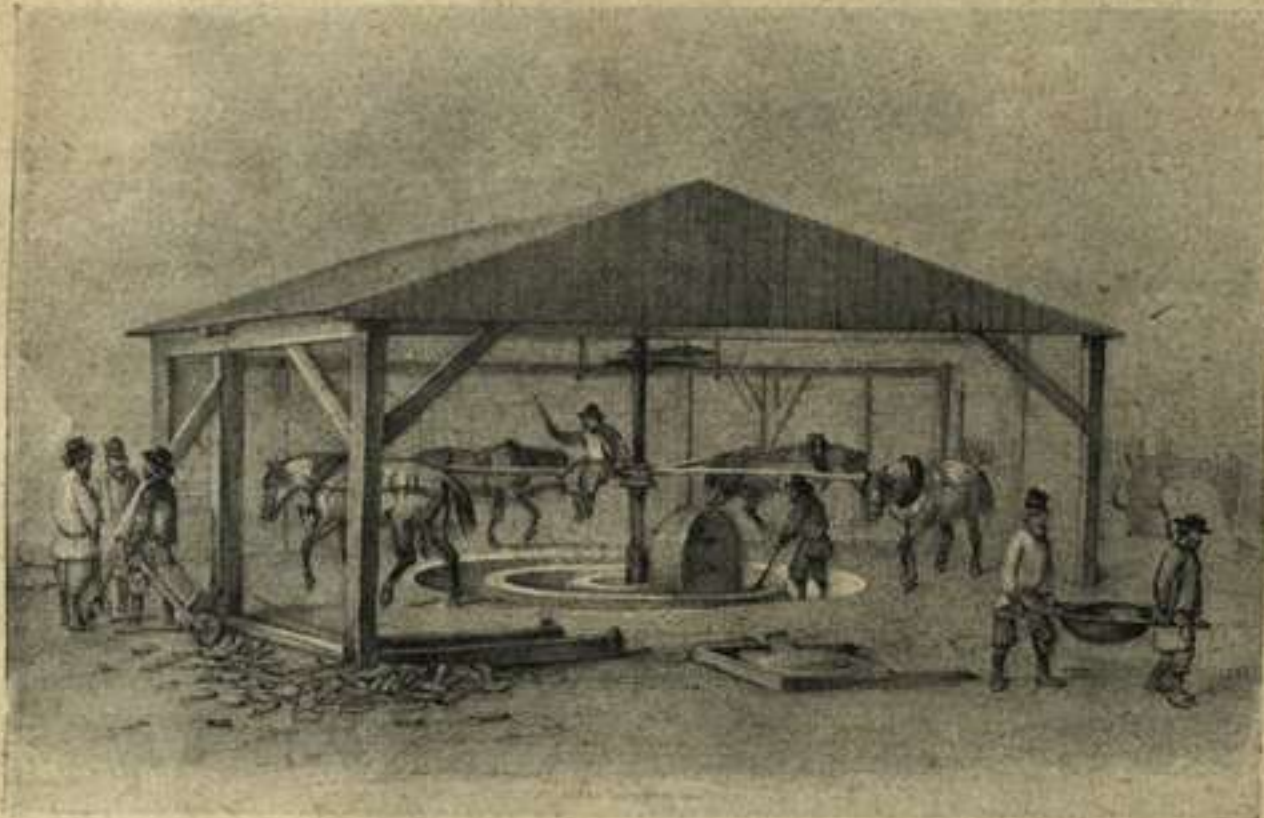
Рисунки изъ рѣдкаго изданія строителя собора, А. Монферрана, «Eglise cathédrale de Saint-Isaac». Вместе съ Высочайшими Особами всего въ Россіи и за границей было 95 подписчиковъ на эту огромную книгу-альбомъ, напечатанную въ Парижѣ въ 1845 году. См. статью на 118 стр.

Гранитная скала на берегу одной изъ бухтъ Финскаго залива, между Выборгомъ и Фридрихсгамомъ, откуда производилась выломка колоннъ на портныя Исаакіевскаго собора.

Пристань на Невѣ вблизи Адмиралтейства, гдѣ выгружались привезенныя изъ Финляндіи колонны для Исаакіевскаго собора. Здѣсь по бревнамъ онѣ снатывались въ особое помѣщеніе, гдѣ уже отдѣлывались окончательно.

На «цементной мельницѣ», устроенной на мѣстѣ работъ по сооруженію Исаакіевскаго собора.

вора, не могутъ быть отнесены на счетъ ствуетъ постоянное художественное со- Монферрана. Его дѣло заключалось лишь вѣщаніе подъ предѣлительствомъ инспек- въ осуществленіи мыслей и желаній импе- тора собора академика архитектуры М. Т. раторовъ: Александра I и Николая I. Пресображенскаго; въ завѣдываніи и на по- гочении этого соборанія и находятся этотъ величественный храмъ.

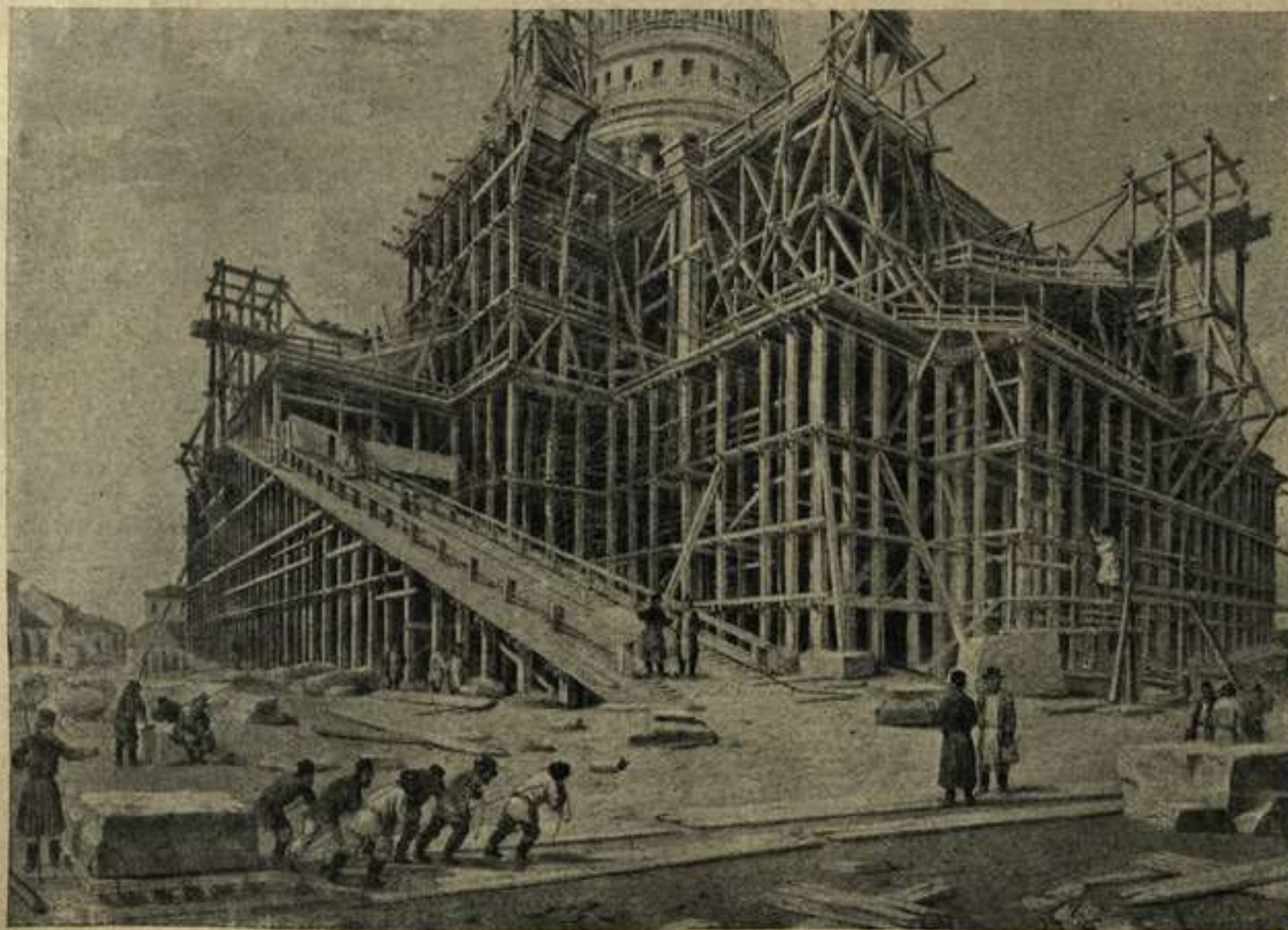
Такое исполненное и художественное со- оруженіе, какъ Исаакіевскій соборъ, имѣ- етъ, конечно, большое значеніе не для одного Петрограда. Можно ли, поэтому, удивляться тому исключи- тельному интересу, съ которымъ и специалисты и все наше общество отно- сится ко всему тому, что такъ для насъ можетъ вліять на дальнѣйшую судьбу этого великолѣпнаго храма? Въ то же время можно искренно радоваться, что въ настоящее время, быть можетъ, впервые за все время существованія Иса- акіевскаго собора, приступлено надлежа- щимъ образомъ къ выясненію тѣхъ при- чинъ, которыя могутъ угрожать его цѣ- лости и дальнѣйшему его существованію. При Исаакіевскомъ соборѣ суще-

Это собораніе взяло на себя въ настоя- щее время ответственную задачу разслѣдо- вать причины, вліющія на замѣченную осадку храма, и принять необходимыя мѣры къ устраненію этихъ причинъ.

Конечно, для веденія столь сложнаго

Большой колоколъ Исаакіевскаго собора. Въ переднемъ медальонѣ — портретъ Великаго Основателя Петрограда. Всего колоколовъ въ соборѣ 11 Общій вѣсъ ихъ — почти 4.400 пуд., а стоимость — свыше 62.000 руб.

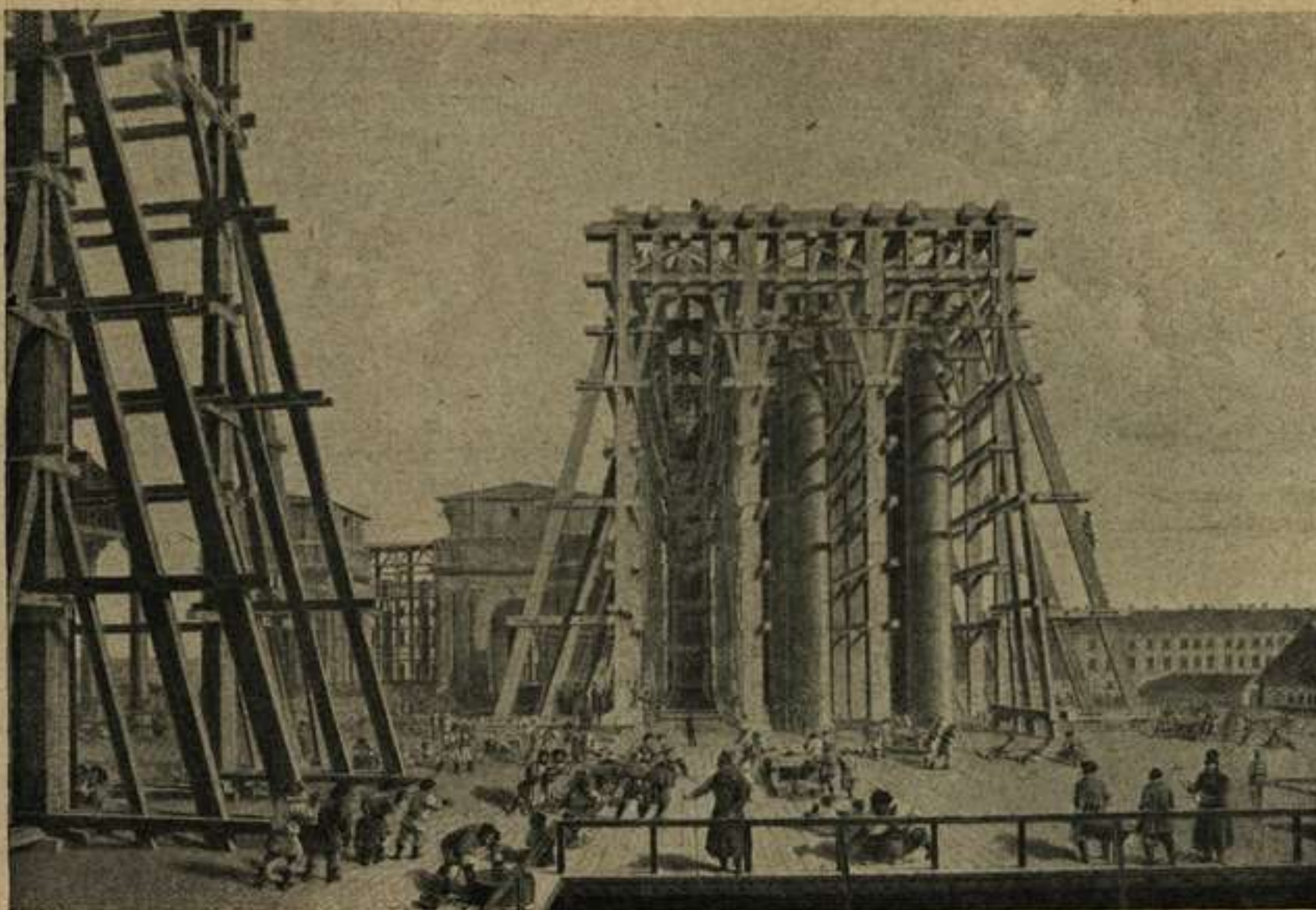

Исаакіевскій соборъ въ лѣсахъ во время окончанія работъ по сооруженію этого огромнаго храма.

техническаго дѣла недостаточно од- нихъ денежныхъ средствъ, а требуется также и опытный и знающій руководи- тель, специалистъ по данному вопросу. Въ виду этого художественное совѣ- щаніе и рѣшило обратиться за со- дѣйствіемъ къ одному изъ такихъ спе- циалистовъ (къ слову будь сказано, у насъ ихъ очень и очень немного), при- чемъ выборъ его палъ на одного изъ вы- дающихся и талантливѣйшихъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, экстраординарнаго профессора Института гражданскихъ ин- женеровъ и Петроградскаго женскаго Политехническаго института П. И. Дми- тріева, специалиста по производству рас- четовъ церковныхъ сооружений, еще не- давно блестяще выполнившаго возложен- ную на него задачу по изслѣдованію устойчивости Житомирскаго собора. Въ то же время, въ видахъ болѣе объективнаго

обсужденія профессорами тического ра гѣрки прини художествен нымъ пригл ры, также с су, профессора училища Им жествомъ — А. По словам уже въ прод

Накъ под большимъ

Колонны Южного портика Исаакиевского собора в момент окончания работ по установке их. Каждая такая колонна весит 8.000 пудов, будучи вышиною почти 8 саж. и 8 арш. в окружности.

обсуждения результатов произведенного работавшего над порученным ему делом живого организм, который в настоящее время болен и потому требует лечения. Но прежде чем врач приступит к лечению, он старается обыкновенно произвести предварительный точный диагноз болезни и установить ее происхождение; иначе говоря, узнать, наследственная это болезнь или приобретенная, как долго страдает ею пациент и т. д.

В совершенно одинаковых условиях с врачом стоит и архитектор, приступающий к ремонту существующего здания.

Таким образом, первой задачей руководителя работами по ремонту Исаакиевского собора является выяснение причин осадки этого здания и их характера, а именно: заложены ли они в самом здании в силу несовершенства его конструкции и материала, из которого он выстроен? Находятся ли они в зависимости от большей или меньшей степени прочности основания и фундамента, или же относятся к состоянию почвы и грунта?

Как же выяснить эти причины,—причины, скрытые, так сказать, в недрах почвы и самого здания?

Задача эта, сама по себе нелегкая, еще более осложняется в применении к Исаакиевскому собору. Не говоря уже про огромный масштаб собора, трудность заключается тут в том, что при производстве исследований нельзя касаться наружных покровов собора, принимая во внимание, что они облицованы мрамором, а стлбы покрыты местами позолотой и украшены мозаикой и художественной живописью.

Остается, таким образом, один выход: изучать старые чертежи и документы, разбросанные по архивам, с целью выяснить как общую картину постройки, так и характер отдельных конструкций, а затем все эти данные сравнить с результатами тех новейших измерений, которые являлись возможностью произвести.

Только имея в руках указанные данные, можно составить правильный математический расчет устойчивости собора.

— Без расчетного исследования устойчивости и прочности собора,—говорил мне проф. П. И. Дмитриев,—нельзя судить вообще о состоянии собора, учесть влияние в будущем всевозможных факторов жизни на равновесное состояние масс собора и наметить рациональные приемы для полного исправления и приведения собора в надлежащий вид. Все будет гадательно и при-

дется идти ощупью. Но подобная гадательность недопустима для такого монументального памятника, каким является Исаакиевский собор, недопустима тем более, что и сам строитель собора, архитектор Монферран, при создании своего произведения пользовался данными расчетного анализа в пределах его размаха в то время.

— В этом направлении ему оказали громадные услуги знаменитые ученые того времени—Ламе и Клайронг. Действительно, правильно произведенный математический расчет устойчивости постройки является основанием всех дальнейших работ по реконструкции существующих или поврежденных зданий. Он один может с точностью указать связь в равновесии и степень напряжения материала в любом месте здания. Помимо этого, он выявляет также и всю игру и комбинацию сил, скрытых в этом здании.

В виду сложности и многообразия конструкций Исаакиевского собора, расчетнику придется иметь дело с целым рядом труднейших задач, еще нерешенных на практике, и потому подвергнуть их самостоятельному решению и создать методы их решения.

В каком же положении находятся сейчас расчетные работы, касающиеся Исаакиевского собора? На этот вопрос существующий и интересный вопрос профессор П. И. Дмитриев дает нижеследующий ответ:

— До сего времени мной были сделаны уже два параллельных расчета собора, но пока по приближенным методам. В настоящее же время эти работы находятся как раз в самом трудном периоде, а именно: в период разработки целого ряда задач по точным методам, без которых нельзя считать расчеты законченными и дать вполне точную оценку их результатов. Одновременно с этим ведется работа по изучению архивных документов и производится наблюдения и исследования, как, например, весьма обширные исследования над колебаниями в соборе. Исследования эти производятся лаборантом при физическом кабинете Академии Наук И. И. Вилиным под руководством академика князя Б. Голицына.

В виду того, что расчетные работы пока

Как поднимали крест на вершину Исаакиевского собора. На помост, сооруженном над большим куполом, происходить молебствие. За священником первым к зрителю стоит строитель Исаакиевского собора Монферран.

Август Монферран (Auguste Monferrand) строитель Исаакиевского собора в Петербурге. Настоящая фамилия его О. Рикар. Родился в 1786 году, участвовал в постройке знаменитой Парижской церкви Madeleine (Марии Магдалины). В 1818 году поступил на военную службу в гвардию Наполеона, оставил службу после Дойлицкой битвы. Приехал через 8 года в Россию, на конкурс проектов сооружения нового Исаакиевского собора в числе победителей и в 1817 году начал строить собор, закончив его через 40 лет. Им же были сооружены Александровская колонна и памятник императору Николаю I против Исаакиевского собора, законченный, впрочем, уже после смерти Монферрана архитектором Ефимовым. Монферран поднял из земли и поставил на каменный фундамент знаменитый Царь-Колокол в Москве. Скончался он в 1858 г. в Петербурге.

еще не закончены, я не имѣю возможности дать въ настоящее время вполнѣ исчерпывающихъ отвѣтовъ на вопросы о прочности и устойчивости Исаакіевскаго собора, но долженъ указать на тотъ весьма утѣшительный выводъ, что результаты расчетнаго анализа по приблизительнымъ методамъ не дадутъ пока никакихъ данныхъ для тревожныхъ опасеній за судьбу Исаакіевскаго собора. Лично я принимаю всѣ мѣры, чтобы ускорить окончаніе возложенной на меня трудной задачи, но по военному времени къ сожалѣнію, лишентъ возможности сейчасъ это выполнить. Я остался безъ своихъ сотрудниковъ, а новыхъ въ такомъ дѣлѣ не скоро найдешь, ибо желающихъ специализироваться въ этомъ направленіи не много.

— Тороплюсь ускорить окончаніе работъ еще и потому, что, освободившись, мечтаю повятить свои знанія и приобретенный опытъ въ области расчетовъ церковныхъ сооружений для всесторонняго аналитическаго изслѣдованія храма Св. Софіи въ Царьградѣ, этого великаго архитектурнаго памятника самыхъ чистыхъ религиозныхъ идей христіанства. Вѣдь чувствуется, что близко уже то время,—я лично въ этомъ глубоко убѣжден,—когда Царьградъ будетъ, наконецъ, русскимъ, и вмѣсто полумѣсяца вновь заблеститъ Крестъ на Св. Софіи...

С. Ильинъ.

Утро.

Ночную тьму разсѣивъ незамѣтно,
Въ угрюмый городъ утро зашло,
Стыдливо крадучись, какъ въ мысли входитъ зло,
Безъ радостныхъ лучей, сѣро и непри-
ятно.
Тускнѣютъ фонари и гаснутъ, свѣта
Родившагося дня смѣняетъ сонъ лѣтний
И тягостно душѣ, больной и сиротливой,
Въ стѣнахъ, куда войти не смѣетъ кра-
сота...
Ей грезится просторъ, подъ нѣжной лаской
утра,
Когда, порозовѣвъ, проснувшійся востокъ
Вдругъ выброситъ лучей сверкающихъ по-
токъ
И снѣгъ заискрится сіяньемъ перламутра.
Послѣдняя звѣзда померкнетъ въ небесахъ,
Очнется лѣсъ отъ сна, раздастся гомонъ
птичій,
Покрадуютъ звѣрьки въ погонѣ за добычей,
И шорохъ, трескъ и шумъ поднимется въ
кустахъ.
Въ недвижномъ воздухѣ вдругъ понесется
пѣнье
Богоколовъ изъ близкаго села
И вознесутъ хвалу Творцу за всѣ дѣла,
И человѣкъ, и звѣрь, и каждое растение!

Гемма.

Мелочи.

Минная война въ исторіи.

Подземная война, при помощи минъ, подкоповъ и траншей, получившая столь широкое распространеніе въ текущую кампанію, не является изобрѣтеніемъ нашей эпохи.

Исторія даетъ намъ примѣры подобнаго способа веденія войны еще въ глубокой древности. Мало того: начала подземной войны приходится искать въ доисторическія времена, когда человѣкъ не изобрѣлъ еще усовершенствованнаго оружія и пользовался отточенными кам-

ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Солистка Ея Величества Марія Ивановна Горленко-Долгина.
Въ ее сотому патристическому концерту и въ 30-лѣтію ея артистической дѣятельности.
Всего эти 100 концертовъ М. И. Долгиной дали на нужды войны болѣе 300 тысячъ рублей.

«НАКАЗАНІЕ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ»

— Если ты не будешь умнымъ, я не позволю тебѣ плевать на Вильгельма!

Рис. Вербо (H. Gerbault).

нямъ и стрѣлами. Это первобытное оружіе требовало отъ человѣка умѣнья искусно прятаться за деревьями, выступами скалъ, въ пещерахъ и рывинахъ почвы, которыя онъ быстро научился углублять, примѣнительно къ цѣлямъ охоты.

Но нѣкоторое стратегическое искусство и система были внесены въ эту первыя траншеи только тогда, когда человѣкъ созналъ необходимость сплотиться съ подобными себѣ, образованію общества. Тогда родились первыя войны, и съ ними первая стратегія. Исторія указываетъ намъ, что при Филиппѣ II Македонскомъ, за четыре вѣка до Р. Х., извѣстны уже были не только мины, но и контръ-мины. Воины умѣли путемъ развѣдки установить направленіе неприятельской мины или подземной галереи и начинали рыть встречную контръ-мину, заканчивая ея глубокимъ поперечнымъ рвомъ. Этотъ ровъ наполняли хворостомъ, покрывая его мхомъ, и поджигали импровизированный костеръ, когда неприятельская галерея упаралась въ него; дымъ проникалъ въ галерею и враги погибали отъ удушья. Иные стратеги пускали контръ-мины на врага рои пчелъ или дикихъ звѣрей.

Въ Аполоніи, напримѣръ, врага встрѣтили потоками кипящей воды, пущенной въ неприятельскую траншею, и пескомъ, накаленнымъ до-красна.

Съ этой поры уже роль развѣдчиковъ, опредѣлявшихъ направленіе подземной галереи, опредѣлилась вполнѣ. При осадѣ города Барка въ Киренаикѣ примѣняли впервые для этой цѣли особаго устройства пшты. Будучи положены на землю, они отзывались слабымъ дрожаніемъ на колебанія почвы, вызванныя подземными работами, и давали возможность осажденнымъ ориентироваться.

Въ ту эпоху траншеи служили двумъ цѣлямъ: проникнуть подъ землю къ стѣнамъ города и подытаться подъ нихъ, а также противостоять натиску врага.

Цезарь признаетъ, что древніе Галлы были неоспоримыми мастерами подземной войны, и объясняетъ это ихъ привычкой къ подобнаго рода работамъ, благодаря обилію желѣзныхъ рудниковъ въ ихъ странѣ.

Подземная война претерпѣла нѣкоторыя измѣненія съ изобрѣтеніемъ пороха. Въ 1500 году Петръ Наварскій примѣнялъ впервые порохъ въ подкопѣ при осадѣ Неаполя.

Онъ провѣлъ траншеи къ стѣнамъ города и наполнилъ ихъ порохомъ въ концѣ. Послѣ этого осажденнымъ предложено было сдатьсь.

Въ отвѣтъ на послѣдовавшій отказъ всѣ мины были взорваны и чрезъ образовавшіяся бреши осаждающіе проникли въ городъ.

Однако, двѣнадцать лѣтъ спустя этотъ же примѣръ доставилъ полководцу горькое разочарованіе и явилъ собою одинъ изъ самыхъ любопытныхъ феноменовъ, отмѣченныхъ исторіей взрывчатыхъ веществъ.

Въ моментъ взрыва стѣны приподнялись на нѣсколько секундъ въ воздухъ, открывшись какъ занавѣсъ, и... упали на то же мѣсто неповрежденными!

Сувѣрное средневѣковое кричалю, что это явное чудо Бога, аявшаго мольбамъ осажденныхъ; наука дала другое объясненіе: порохъ былъ заложень съ изумительной точностью подл самымъ центромъ тяжести стѣны. То же любопытное явленіе повторилось еще и въ 1795 году при осадѣ Фонтарабин.

Но въ отвѣтъ на хитроумное изобрѣтеніе Петра Наварскаго не замедлила народиться и контръ-мина для нейтрализаціи взрыва. Уже въ 1529 году при осадѣ Турками Вѣны мы видимъ ее на дѣлѣ. Вслѣдствіи стратеги, предвидя осаду города, торопились соорудить заблаговременно мины для защиты города или минировали городъ на случай вынужденной сдачи его врагу.

— Неужел

Въ Мадурѣ...
нимъ образомъ...
въ городѣ Нѣм...

Минная война...
пѣта къ нача...
При осадѣ С...
большая часть...
землею. Осажд...
перничали въ...
врага, и резул...
лись,—настоя...
лись въ умѣн...
противника. П...
рить по этому...
такихъ кровоп...
стычекъ подл...
ми ихъ остава...
мое сраженіе...
тѣмъ, при од...
мушкетовъ.

То же проис...
са въ 1634 год...
Но до кон...
ной войны ве...
вано, носило...
ракторъ. Толь...
фикаціи, анос...

Онъ поруч...
произвести ря...
установить от...
пороха и объ...
вомъ земли.
Въ былія в...
лясь еще и д...
взрыва погрѣ...
Такъ при о...
варить галер...
жить и ископ...
расположенны...
города.

Но это был...
на, когда ар...
вдалекѣ отъ...
сти же насто...
собъ со верше...
Въ эпоху п...
скихъ войнъ...
заброшена. ...
ность орудія...
ставитъ враг...
крытомъ пол...
осады крѣпос...
стрателю на...

Севастопол...
зала расштѣ...
щая война, с...
техническимъ...
типу крѣпост...
поль, возрост...
валыхъ досел...

Цѣль оста...
взрывъ подл...
ка и вынуди...
пелъ, что спос...
варьируются...
вая каждыя...
усовершенство...

Въ подзем...
ваются тепл...
приборы для...
отъ газовъ, а...
лефоны, соо...
частью...

Словомъ, а...
легки отъ тѣ...
которыхъ ср...
закъ въ мог...

ТАКТИКА ГЕНІЯ.

— Неужели даже послѣ этого подданные не назовутъ его отцомъ народа? *«Le Rire».*

НА КАВКАЗЪ.

— Гдѣ это тебя такъ угораздило? — Въ Эрзерумѣ—русскимъ попался

Рис. Л. Пелтье (L. Peltier).

Въ Мадудѣ венеціанцы взорвали та-
кимъ образомъ на воздухъ ворвавшихся
въ городъ Нѣмцевъ и Испанцевъ.

Подводная лодка и исторія ея.

Подводная лодка, получившая столь
широкое распространѣніе въ текущую
кампанію, была изобрѣтена давно,—во-
преки установившемуся мнѣнію, что она
является изобрѣтеніемъ послѣдняго
времени.

Первые планы подводной лодки были
составлены въ 1620 году однимъ дат-
скимъ инженеромъ, имя котораго не со-
хранилось для потомства. Въ 1747 году
Англичанинъ Сеймонъ взялся за раз-
работку этой заглохшей идеи, но не до-
бился практическихъ результатовъ.

Въ періодъ американской освободи-
тельной войны въ 1775 году Американецъ
Давидъ Бушнелъ попытка въ первый
разъ примѣнить подводную лодку на прак-
тикѣ. Но его методъ состоялъ въ томъ, что,
подобравшись незаметно на своемъ суд-

нѣ къ неприятельскому кораблю, онъ
прикрѣплялъ къ его кормѣ особаго типа
колоколь съ зарядомъ пороха, должен-
ствовавшего взорваться черезъ опредѣ-
ленный промежутокъ времени. Однако,
несовершенство этой системы не замед-
лило сказаться, и Бушнелъ прекратилъ
свою «вылазку». Тридцать лѣтъ спустя
Робертъ Фульмонъ предложилъ Напо-
леону проектъ подводной лодки, кото-
рая, по его мнѣнію, значительно облеги-
ла бы задачу великаго Корсиканца, за-
ключавшуюся въ блокаду англійскихъ
береговъ.

Но звѣзда Наполеона закатилась ран-
ше, нежели Фульмонъ успѣлъ привести
свое намѣреніе въ исполненіе.

Первая серьезная попытка къ этому
направленію была сдѣлана въ 1850 году
Баварцемъ Вильгельмомъ Бауэръ, и его

лодка явилась наиболѣе подходящей къ
современному типу. Пользы, впрочемъ,
она принесла мало, хотя ее собирались
примѣнить въ войнѣ Пруссіи съ Даніей
за Шлезвигъ-Гольштейнъ. Первые опыты
съ нею въ кильской гавани привели
только къ взрыву нѣмецкаго же корабля.
Въ настоящее время этотъ первообразъ
подводнаго нѣмецкаго флота хранится въ
морскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

Въ 1883 году шведскій инженеръ Нерд-
фельдъ соорудилъ уже настоящую под-
водную лодку въ Стокгольмѣ. Его лодка
была длиною до 64 футовъ и снабжена
была двигателемъ въ 100 лошадиныхъ
силъ.

Съ этого момента собственно и начи-
нается планомерная разработка идеи
подводнаго плаванія. Первое мѣсто при-
надлежитъ, несомнѣнно, Франціи, сдѣ-
лавшей оченъ много въ этомъ направ-
леніи.

Нѣмцы, со свойственнымъ имъ прак-
тическимъ складомъ ума, не пытались за-
водить подводнаго флота до окончатель-
наго достиженія успѣшныхъ результа-
товъ. Они предоставляли сосѣдямъ дѣ-
лать опыты и изысканія, и сами только
тщательно слѣдили за ними, подмѣняя
всѣ усовершенствованія. Лишь въ 1905 г.
рейхстагъ вопиравалъ образованіе под-
воднаго флота на весьма широкихъ на-
чалахъ.

Настоящая война дала возможность
развернуться подводнымъ лодкамъ и по-
казала, что въ будущемъ примѣненіе
ихъ приметъ самыя широкія размѣры.

Гидроавтомобиль.

Во французской печати сообщается о
новомъ типѣ земноводнаго автомобиля,
изобрѣтннаго вѣнскимъ инженеромъ
Цейнеромъ. Машина напоминаетъ обык-
новенный лимузинъ съ тою разницей,
что кузовъ ея значительно выше и, кро-
мѣ колесъ, она снабжена еще гребнымъ
винтомъ, какъ суда. Этотъ гидроавто-
мобиль съ одинаковой легкостью подни-
мается и спускается по отлогимъ или
крутымъ склонамъ, входитъ въ неглубо-
кія рѣчки, пересѣкаетъ ихъ и выѣзжаетъ
на противоположный берегъ безъ всякаго
замедленія хода и затрудненій, съ обык-
ною быстротой.

Изобрѣтеніе это должно принести боль-
шую пользу въ настоящую войну при
маневрированіи. Говорятъ, австрійское
интенданство уже сдѣлало Цейнеру
большой заказъ на такіе гидроавтомо-
били.

Редакторы: Б. А. Суворинъ.
М. Н. Мазаевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ВЫБОРЪ МАСОКЪ.

— Этими всѣми масками уже не испугаешь... Надо будетъ попробовать об-
мануть вотъ той!

Рис. Ч. Леандръ (Ch. Léandre).

Минная война достигла полного рас-
цвѣта къ началу XVII вѣка.

При осадѣ Остенде въ 1691—1694 году
большая часть кампаніи произошла подъ
землею. Осажденные и осаждающіе со-
порничали въ искусствѣ подкопаться подъ
врага, и результаты долго не проявля-
лись,—настоятель обѣ стороны изощри-
лись въ умѣнїи нейтрализовать усилія
противника. Шевалье де Бонуръ гово-
ритъ по этому поводу, что были случаи
тѣхнхъ кровопролитныхъ и жестокихъ
стычекъ подъ землею, что всѣ участни-
ки ихъ оставались бездыханными, а са-
мое сраженіе происходило въ полной
тѣмѣ, при одиѣхъ только вспышкахъ
мушкетовъ.

То же происходило и при осадѣ Арра-
са въ 1654 году.

Но до кон- XVII вѣка искусство ми-
ной войны все же не было урегулиро-
вано, носило вполнѣ эмпирической ха-
рактеръ. Только Вобанъ, отецъ форти-
фикаціи, внесъ въ нее систему.

Онъ поручилъ инженеру Мегрини
произвести рядъ опытовъ съ цѣлю
установить отношеніе между зарядомъ
пороха и объемомъ вытѣсненной взры-
вомъ земли.

Въ былыя времена подкопы примѣня-
лись еще и для уничтоженія путемъ
взрыва неприятельскихъ батарей.

Такъ при осадѣ Турина въ 1706 году
взрывъ галерей подъ батареей уничто-
жилъ и исковеркалъ 13 орудій изъ 16,
расположенныхъ врагомъ подъ стѣнами
города.

Но это было примѣнимо въ тѣ време-
на, когда артиллерія располагалась не-
далеко отъ позицій, при дальнѣйшо-
сти же настоящихъ орудій этотъ спо-
собъ совершенно невозможенъ.

Въ эпоху революціи и наполеонов-
скихъ войнъ минная война была почти
забрана. Относительная дальнѣй-
ность орудій и умѣнїе Наполеона за-
ставить врага принять сраженіе въ от-
крытомъ полѣ, привели къ тому, что
осады крѣпостей почти исчезли изъ
стратѣги на нѣкоторое время.

Севастопольская кампанія вновь пока-
зала расцвѣтъ миннаго дѣла, а настоя-
щая война, сведшаяся благодаря всѣмъ
техническимъ усовершенствованіямъ къ
типу крѣпостной войны въ открытомъ
полѣ, возродила этотъ способъ въ небы-
валыхъ доселѣ размѣрахъ.

Цѣль осталась та же: произвести
взрывъ подъ расположеніемъ противни-
ка и вынудить его очистить свои тран-
шеи, но способы достиженія этой цѣли
варьируются до безконечности, претерпѣ-
вая каждый день новыя измѣненія и
усовершенствованія.

Въ подземныхъ галереяхъ устанавли-
ваются теперь сильныя вентиляторы,
приборы для оживленія пострадавшихъ
отъ газовъ, электрическое освѣщеніе, те-
лефоны, соединяющія саперовъ съ
частью...

Словомъ, эти траншеи безконечно да-
леко отъ тѣхъ примитивныхъ норъ, въ
которыхъ сражающіеся гибли во мракѣ,
какъ въ могилѣ.

БИБЛІА

полная на русскомъ яз. съ параллел. мѣст. и указател. печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художественными картинами, размѣр. кн. 2 толиц. в ѳ. 9 ф., 1550 стр., въ проч. красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ коленкор. футл., ц. 5 р. 50 к., съ перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., упак. 25 к. ПЕРВАЯ и ЕДИНСТВЕННАЯ въ Россіи ПОЛНАЯ иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгу долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій пр., 153, Е. П. МАСЛЕННИКОВУ. Тел. 90-36.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.
ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.
 Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННОЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. Пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3 почтовой сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Могр. адр.: Москва, Калефлюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
 Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничѣмъ общаго не имѣетъ съ химическими изготовленными сѣрминомъ.

УРАЛЬ
 ЗОЛОТОЕ ДНО.
 Громадный выборъ изящныхъ модныхъ золотыхъ вещей, съ настоящими Уральскими камнями у фирмы Драгоценные камни К. А. НАСОНОВОЙ въ Екатеринбургѣ. Иллюстрированный проспек. вые. бесплатно. Фирма суш. съ 1892 г.

Уральская яшма,
 ПАСХАЛЬНЫЯ ЯИЧКИ, ювелирные вещи, аметисты, аквамарины и др. камни, Пушкинская. д. II.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ
 небывало СВѢТЛО и ДОЛГО горячіе. Петроградъ, МОРСКАЯ, 33. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.

Ал. Ксюнинъ. **НАРОДЪ НА ВОЙНѢ**
 Ал. Ксюнинъ. **НАРОДЪ НА ВОЙНѢ.**
 Впечатлѣнія и очерки.
 Любимыя-Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.—Савоморъ.—На Варшаву.—Ракитино.—Ловить.—Ожеринскія.—Бои вокругъ Лодзи.—Вполь, олополь.—Послѣ ночныхъ атакъ.—Передъ Ваурой.—Противъ ста зимнихъ батарей.—Подъ Варшавой.—Сокровища въ разграбленн. городѣ.—Въ Августовскіхъ лѣсахъ.—Въ Карпатахъ.—На Дунайѣ.—Львовъ.—Перемышль.—Перемышль губериск.—Старые города.—Горлицы.—Ясло.—На Черемошскомъ перевалѣ.—Тяжелые дни.—Стихи-бѣженцы.—Подъ Ригой.—Присягнувшие Россіи.—Не отъ міра сего.

ИЗДАНИЕ С. А. СУВОРИНА ВЫХОДИТЪ ВЪ ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ
 Обложка худ. Н. САМОКИША. Цѣна 2 руб.
 Поступила во всѣ лучшіе книжные магазины и кіоски желѣзныхъ дорогъ.
 СКЛАДЫ: Контора изданій Б. А. Суворина. Невскій, 52 («Вечернее Время»).

ЮНОЕ ЛИЦО НѢЖНОЕ БЛЮЕ ЛИЦО
 Глядя на этикія руки отъ знобленія лица дермозонъ превращаетъ кожу въ фарфоръ и вѣнчаетъ.

МЫЛО ДЕРМОЗОНЪ
 СОВЕРШЕНСТВО
 МЫЛО ДЕРМОЗОНЪ МЫЛО САЗОВЪ МЫЛО АЛОЗОНЪ
 Обращайте вниманіе на фирму 1-я СТОЛЫБЕРГЪ и П. Лондонъ, Парижъ, Петроградъ.

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАРСКИХЪ КОСМЕТИЧЕСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ
 по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-художниковъ, которые исправляютъ присылаемыя работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.
 Вышелъ изъ печати 7-й томъ.
 СОДЕРЖАНІЕ: Акварель — А. Г. Деникашъ. Рисованіе частей человѣческаго тѣла — Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками — А. В. Маковскій. Липейная перспектива — Т. И. Катуркинъ. Очерки по исторіи живописи — В. Ф. Шлееръ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 31 черныя рис., 8 многокрасочн. рис., Медотитно — гранюра. Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для господъ-художниковъ и учителей рисованія. Наконецъ, для родителей, занимающихся съ дѣтьми „Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ. Краткій проспектъ бесплатно. Подробный проспектъ „Искусство“ за 15 коп. Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44—73.

НОВАЯ КНИГА
 ИЗABELЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
 „ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
 (ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).
 Продается въ магазинахъ „Новое Время“
 Цѣна 1 рубль.

Поступила въ продажу новая книга:
ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ.
 Историко-художественное описаніе А. Барта.
 248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
 Переведъ Н. М. Лаговъ.
 Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
 Петроградъ.
 Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 1915.
 Цѣна 1 руб. 50 коп.
 Въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Саратовъ и др.) и въ книжныхъ шкапахъ желѣзнодорож. станцій.
 СОДЕРЖАНІЕ: I. Панорама Царьграда.—II. Царьградъ вблизи.—III. Изъ прошлаго.—VI. Сооруженіе Св. Софій.—V. Св. Софія въ наши дни.—VI. Другіе храмы.—VII. Развалины дворцовъ и водопроводы.—VIII. Городскія стѣны и монументы.—IX. Въ древнемъ Царьградѣ.—X. Мечети турецкой постройки.—XI. Серай.—XII. Новые дворцы, базары, фонтаны и пр.—XIII. Кладбища.—XIV. Окрестности.

ЧАСЫ
 ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
 съ высок. качеств. механизмомъ и изящной отдѣлкой вышности. Швейцарскій часовой магазинъ А. БРУДЕРЕРЪ. Пассажи, 24-26, Петроградъ. Имѣетъ постоянный разнообразный въ боръ карманныхъ, стѣнныхъ и настольныхъ часовъ, а также часы съ будильникомъ, дорожн., каб. и т. п.

Рѣдые волосы
 Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній естественный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ естественный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства.
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
 Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
 Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Эдд. 109Е.

Журналъ за 1914—15 г., 85 коп. въ годъ:
„БОДРСТВУЙТЕ, СЕ ГРАДУ СКОРО“, о второмъ пришествіи Спасителя въ 1882-88 году и наступленіи Его 1000-лѣтняго царствія (Пророчество и Исторія). Дан. XII гл., откров. 7 гл., много пророчествъ на годы 1916—25 и 1917. М. Голышевскому, Романская, Киб. обл.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛУДСКІЙ.
 НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской). Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр. Приемъ и быстрое выполненіе заказовъ на всевозможн. ювелирныя издѣлія. Художественная работа. Цѣны вѣт конурици. Телефонъ 168-95.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НАШИМЪ ВОИНАМЪ
ПОХОДНЫЙ БУМАЖНИКЪ.
 Содерж.: 25 л. почт. бум., 25 конв., 10 откр. съ отв., 1 хим. каранда Регистр. писемъ и календ. Цѣна 1 р.—Высылается заказ. банд. по полученіи 1 р. 20 к. (можно марк.). Т-во „Екатеринг. Печ. Дѣло“ (конв. отд.) Петроградъ, Екатеринбург. пр., 7—1.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14400

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 9 (22) АПРѢЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14400

«СВЯТЫЯ ЖЕНЫ У ГРОБА ХРИСТА». — Съ картины Франческо Мантенья (Francesco Mantegna), XV—XVI в.в.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО.

Бронзовый барельеф на фронто́нѣ Исаакіевскаго собора въ Петроградѣ.

Пасхальный гимнъ.

Изъ Ноля Нуз.

Восслазимъ! Воспоемъ! Разверзся небо-
сводъ!
Великій день возсталъ, какъ лилія изъ
водъ.
Расцвѣтшая земля, блистая и лжуя,
Готова возгласить побѣдно: Аллилуйя!
Восслазимъ, преклонимъ глазу! Благосло-
вимъ!
Слился въ одну хвалу небесный хоръ съ
земнымъ.
Разлитъ въ природѣ миръ и ангельская
радость,
Полудни тихій часъ обмываетъ утра сла-
дость,
И голоса весны, вѣгая, таютъ въ немъ,
Какъ радуги цвѣта въ синьнѣ голубомъ.

Святой восторгъ души на праздникъ все-
ленной!
О Возрожденя день! О Свѣтъ зари ве-
твѣтливой!
Весенней жизни ростъ сильнѣе всѣхъ ме-
чей.
Сопрѣтыя тепломъ жизненныхъ лучей,
Разныи облечены въ зеленныя одежды,
Принять Благою Вѣсть исполнились на-
дежды.
Ты свергла смерти плѣтъ, Предвѣчная Лю-
бовь!

Восхваляемъ! Воспоемъ! О смертный, сла-
вословъ!
Хоругвями стоятъ прозрачныя туманы,
И жаворонка трель вся свѣтомъ осіяна,
И звонъ колоколовъ паритъ среди лѣсовъ,
Въ прогнанныхъ поляхъ, надъ кровлями
домовъ,
Въ жасминовыхъ кустахъ, надъ лѣтородью
лѣсной,
Надъ озвѣжьемъ ручейкомъ и рощею при-
брежной.
Какъ длинный рядъ знаменъ, плывущихъ
къ небесамъ,
Съ дыханіемъ цвѣтовъ сольется виміамъ,
И сонмы душъ, творя молитвы, торже-
ствуя,
Наполятъ Божій храмъ побѣднымъ
Аллилуйя!—
Въ то время, какъ луна, стояще въ цвѣту,
Своей трепетъ понесутъ воскресшему
Христу.

О. Г. Каратыгина.

Свѣтозарь - день.

Пасхальный рассказъ.

I.

Спускается ночь, влажная, теплая, на-
поенная весенними дуновѣніями, торже-
ственная, царственно спокойная, несущая
великія и радостныя обѣщанія.

Мигаютъ въ черномъ небесномъ покровѣ
замкнутыя передъ престоломъ Божиимъ
свѣчи-звѣзды, и навстрѣчу имъ закрутятся по
всему лицу великой, пространной Россіи
огни пасхальной утрани.

Спускается великая пасхальная ночь.

Въ эту одну для всѣхъ ночь, въ одинъ
для всѣхъ часъ, опошутся безчисленными блескъ
всенародно и для всѣхъ одина-
огненными поясами всѣ соборы, всѣ храмы, ково,
для самыхъ высшихъ и для
сколько ихъ ни есть на Руси, и мерцаю-
самыхъ низшихъ, раскрываются настѣж-
кими потоками пасхальныхъ огней всюду
храмы, и въ единственномъ торжественно
прорѣжется и разобьется мракъ.

Глубокая торжественная полуночная
тишина всколыхнется, поколеблется мо-
гучимъ гуломъ тяжелыхъ мѣдныхъ коло-
коловъ, и радостнымъ свѣтлымъ трезво-
номъ, ликующимъ и побѣдоноснымъ, на-
полнится воздухъ.

Разъ въ годъ нисходитъ на землю пас-
хальная ночь, символъ побѣды добра надъ
зломъ, свѣта надъ мракомъ, великаго и вѣч-
наго надъ преходящимъ и ничтожнымъ.

Разъ въ годъ въ слазѣ, торжествѣ и въ
радостномъ и ликующемъ служеніи про-
возглашается вѣковѣчное признание еди-
ной неизблемой, единой всѣми алмазкой
и для всѣхъ желанной державы любви,
добра и правды.

И только въ эту ночь, въ великую пас-
хальную ночь раскрываютъ другъ другу
объятія люди и дѣлится радостнымъ вели-
кимъ благовѣстіемъ.

Черезъ сонмы лѣтъ, черезъ тьму вѣковъ
проходитъ неземной, сіяющей красавицей,
среди людскихъ несчастій и неустройствъ,
среди горя и бѣдъ, среди паденія и зла,
проходить пасхальная ночь въ соннотѣни
неразрѣчной съ нею свѣтлой заутрени, и
торжественная, сіяющая, умилятельная
своей кроткой святостью, неизменно
отрадная въ своемъ торжественномъ лико-
ваніи, въ темъ, что она и что отъ
ней, и пріиметъ пасхальныхъ стиховъ, и
горѣнемъ пасхальныхъ огней, и краснымъ
звономъ пасхальныхъ колоколовъ, и сере-
бряными и золотыми ризами духовенства,
и праздничными нарядными одеждами мі-
рянъ, провозглашаетъ, напоминаетъ и под-
тверждаетъ одну великую, сзную и не-
измѣнную въ вѣкахъ истину, что при-
детъ въ міръ и наконецъ придутъ и
утвердятся любовь, а съ нею радость и
счастье.

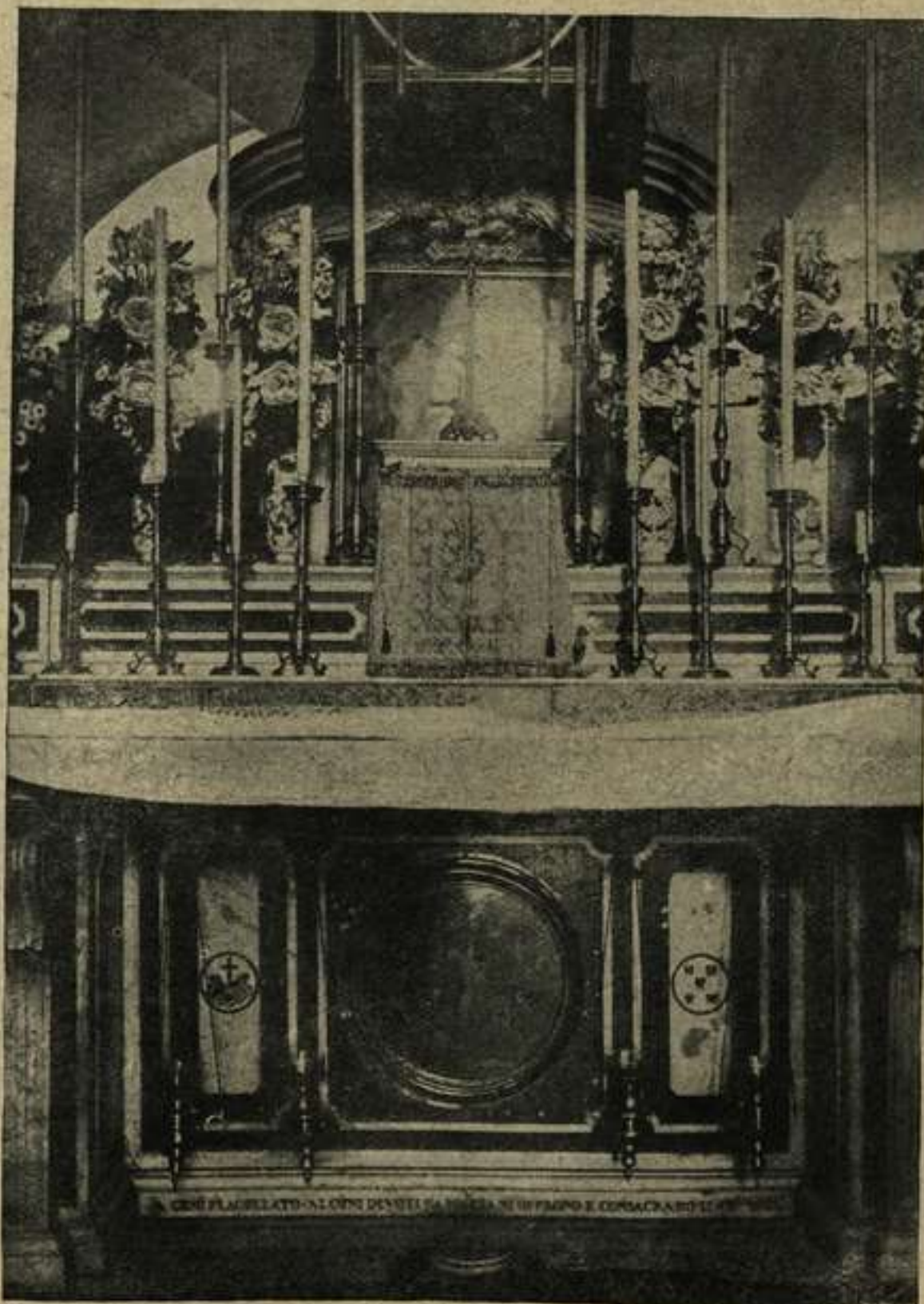
И только въ эту великую ночь, сіяю-
щую огнями пасхальной ночи, настѣжъ
раскрываются, всегда замкнутыя, опусто-
шенныя, несотрѣтыя ни пестрой збрѣй,
ни истиннымъ чувствомъ большыя, толди-
ныя и усталыя сердца, и только въ эту
сіяющую огнями, гремящую хорами, зве-
нящую колокольными звонами ночь хо-
тятъ люди вѣрить и вѣрить въ грядущее
царство добра и правды на землѣ, и вотъ
почему только въ эту ночь объятіями и
лобзаніями встрѣчаютъ они другъ друга.

И вездѣ, и всюду, въ большыхъ, бога-
тыхъ и красивыхъ городахъ, суетныхъ,
гшеглазныхъ, за тревогой напряженной
жизнейской брани забывающихъ о Богѣ,
и въ тихихъ, припущенныхъ, бѣдныхъ
деревушкахъ, гдѣ люди въ робкомъ
упованіи устремляются къ божественному
чертогу, единственному источнику свѣта и
радости въ ихъ жизни, безрадостной и
темной,—всюду проходитъ она, великая
пасхальная ночь, разгоняя мракъ, умиляя
сердца свѣтозарной побѣдной вѣстницей.

Но нигдѣ такъ торжественно, такъ спи-
хійно, слившись во-едино, не встрѣчаютъ
ее, какъ въ сердцѣ Россіи, златоглазой,
блѣкокаменной Москвѣ.

Въ эту ночь встаютъ преданія глубокой
извѣстной старины, въ эту ночь вспоми-

въ святой землѣ.

МѢСТО БИЧЕВАНІЯ СПАСИТЕЛЯ.—Мраморный кружокъ на полу алтаря находится именно тамъ, гдѣ былъ столбъ бичеванія. Это мѣсто принадлежитъ католикамъ.

«Ессе Homo!» — Се Человѣкъ! — Картина Ант. Чизери (A. Ciseri).

наюся великіе историческіе заветы, въ эту ночь въ глубинахъ народного самознания пробуждается дремлющій гонимый величественной страны, и праздникъ Воскресенія Христова заодно является и праздникомъ народныхъ началъ. Воскресаютъ событія великаго прошлаго, и въ свѣтъ пасхальныхъ огней, озаренные, являются святые древніе соборы, и въ огняхъ плашекъ и цвѣтныхъ плашекъ горятъ бѣлыя зубчатые кремлевскія стѣны, и безмѣнными, неустрашимыми и непоколебимыми стражниками высятся надъ ними древніе Кремлевскія башни. И выше ихъ всѣхъ, выше золотыхъ соборныхъ главъ поднимаетъ свою стройную золоченую главу Иванъ Великій, паритъ надъ окрестностью и, мнится, зорко выглядываетъ въ темноту ночи, чутко вслушивается въ медленный, небывало торжественный полетъ ея.

Внизу, далеко подъ нимъ, за толстыми Кремлевскими стѣнами гремитъ, бурлитъ, грохочетъ и шумитъ городъ, но ожививъ шумъ и грохотъ волнующейся, какъ море, жизни, нарастаетъ идущая изъ невидимыхъ глубинъ опромная, значительная, торжественная тишина, полная предвзвѣщеніемъ великаго, всѣмъ съ упованіемъ чаяемаго момента.

Ровно въ полночь тяжело сдвинется, колебнется и поколеблетъ воздухъ окрестъ исповѣдскій мѣдный языкъ, и ударъ его, мощнымъ длительнымъ, звенящимъ гуломъ всколыхнетъ тишину.

И въ отвѣтъ ему въ трепетномъ напряженіи ждавшіе почина его, загудятъ колокола всѣхъ московскихъ сорока-сороковъ, большіе и малые.

Загудятъ, развенчатъ, зарыдають, заплачутъ, засмѣются, разольются стонами, рассыпятся мелкимъ бисеромъ.

Ударили на Иванъ Великомъ! Потекли, поплыли по воздуху, неизре-

ченныя, отъ вѣна внятные и чтимые глаголы, бессмертные священныя клятвы, и допесни до окраинныхъ кладбищенскихъ переклей, до окрестныхъ сельскихъ колоколенъ.

И вотъ уже гудитъ вся Москва вѣдими голосами мѣдныхъ глашатаевъ своихъ, точно гдѣ-то тамъ, въ темной небесной вышинѣ, исполняетъ чудовищный оркестръ гениальную симфонію великаго невидимаго художника, потрясающую, умиляющую, отрывающую отъ земли къ небу, и трогательную, и торжественную.

Гудятъ, гудятъ, гудятъ колокола!

II.

Вся розовая и теплая, разбѣженная крѣпкимъ сладкимъ сномъ, внезапно проснулась чернокудрая, девятилѣтняя дѣвочка.

Обла на постелькѣ, оглядѣлась.

Прозрачнымъ, свѣтлымъ сумракомъ наполнена была дѣтская.

Горѣла въ углу передъ маленькимъ образкомъ темносиняя хрустальная лампадка, и отъ нея весь уголъ и часть потолка надъ нимъ залиты были голубымъ сіяніемъ, и казалась дѣвочкѣ, что тамъ начинается воздушная, сотканная изъ серебряныхъ и голубыхъ лучей дѣстница, ведущая на самое небо.

Прислушалась.

Гдѣ-то высоко-высоко, выше дома, выше самыхъ высокихъ зданій пролетала пасхальная ночь, и гудѣли ей хвалу колокола.

— Няня! — крикнула дѣвочка. — Няня, да зачѣмъ же ты теперь спишь?

Дремавшая у стола старуха поднялась, подошла, наклонилась надъ дѣвочкой.

— Проснулась-таки! Спи, спи, Христосъ надъ тобой.

— Да не хочу я спать, няня. Гдѣ же мое бѣлое платице? Гдѣ мои туфельки?

Ты съ вечера обѣщала мнѣ приготовить все.

— Ложись, ложись, роденькая, рано еще.

— Господи, какая ты, няня! Слышишь, какъ гудятъ колокола? Одѣвай меня скорѣе, позови мнѣ папу. Нѣтъ, лучше маму. Нѣтъ, папу лучше. Папа, папа, папа!

— Да не кричи ты такъ. Вотъ ужъ Неслухъ-царевна, право! Нѣтъ никого. Все къ заутрени ушли — и папаша, и мамаша. — Ушли?!

Дѣвочка горестно всплеснула руками. Затихла, скорбная, удрученная.

И вдругъ вспыхнула. Загорѣлись черные глазенки.

— Врешь, нянька! Врешь, старая, глупая, недобрая. Папа, папа, папа! Мамочка!

— Ну, что я съ тобой теперь дѣлать буду? Не плачь, роденькая, не плачь, красавица. Папаша съ мамашей у заутрени, все равно не услышатъ. А ты послушай-ка, что я скажу тебѣ.

— Молчи, молчи! Какъ они смѣли уйти безъ меня? Няня, милая нянька! Хорошая моя, золотая, бриллиантовая, изумрудная! Неси скорѣе мое платице. Одѣвай меня. Я сама пойду, одна, отведи меня въ перковь.

— Глупенькая, да кто-жъ дома-то останется? Дома-то, вѣдь, только мы съ тобой. Люди пошли пасхи святить.

— Я хочу къ заутрени, няня. Я такъ хочу. Зачѣмъ они меня оставили?

— А ты зачѣмъ крѣпко спала? Папаша-то и хотѣлъ-было тебя разбудить, а мамаша пожалѣла. А ты послушай-ка, что я тебѣ скажу. Къ заутрени ужъ все равно мы съ тобой не попадемъ. Слышишь, какъ колокола-то трезвонятъ? Точно въ плясъ ударились. Значитъ, Христосъ Воскресе ужъ прошѣли. Все равно намъ съ тобой не поспѣть. Давай-ка я тебя перекину, одѣлаемъ укутаю, и спи себѣ съ Христомъ.

Крупныя слезы медленно катятся по огорченному розовому личику. Старуха жалостно качаетъ головой.

— Кто-жъ тебя знаетъ, что ты такъ обидишься. Завтра, какъ встанешь, пасхи отвѣдаешь, куличомъ разговѣешься, папаша съ мамашей, чать, подарочки приготовили.

— Не хочу подарочка. Хочу къ заутрени!

— Ахъ, ты, Господи Боже мой! Да, что-жъ заутрени эта послѣдняя, что ли? Заутрени-то каждый годъ бывасть. На тотъ годъ пойдешь.

— Не хочу на тотъ годъ. И того года, можетъ быть, не будетъ.

— Это, сказала! Какъ это такъ не будетъ? Для тебя-то онъ, правда, когда еще будетъ, а ужъ гдѣ-нибудь онъ и теперь есть. Человѣкъ-то, что свѣчка, зажглась, погорѣла, да и потухла. А Богъ-то всегда. И вся-то жизнь человѣческая, для Бога-то, всего, можетъ, мигну-та одна.

— Минута, нянька, а не мигнута.

— А не все равно? Учи няньку-то. Какая ученая выискалась! Изъ молодыхъ, да ранняя. Не больно ужъ я-то глупѣе тебя, изъ ума еще не выжила.

— Господи, какая ты глупая, няня! Я тебѣ говорю минута. Понимаешь — минута. И слово это не русское, а французское: minute.

— Такъ ты, нѣшто, Францужинка? И выходить ты опять Неслухъ-царевна, и больше ничего. Только бы супротивъ няньки идти. Ну и говори себѣ русскія слова по французскому. А ужъ я русскимъ человѣкомъ была, русскимъ и умру. Однаго глазомъ мигнуть, вотъ тебѣ и мигнута. Слово, милая, само за себя говоритъ.

Дѣвочка задумывается.

— Можетъ быть, правда, няня, — говоритъ она.

Потомъ долго молчитъ, напряженно

«НЕВѢРІЕ АПОСТОЛА ТОМЫ». — Съ картины Чима ди-Конеллиано (Cima di Conegliano), † 1517 г.

...Потомъ говорить Томъ:—Подая персть твою сюда, и посмотри руки Мои, подая руку твою и вложи въ ребра Мои, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ. Іоаннъ, XX, 27.

ловя недогадуюся ей мысль. И, наконецъ, произноситъ раздумчиво, какъ бы про себя.

— Я не была въ Петроградъ.

— Ну, и не была,—съ готовностью подхватываетъ нянька, очень довольная тѣмъ, что ея питомица не возвращается къ заутренѣ: — велика важность Петрограда! Ты вотъ и въ Кіевѣ не была, а говоришь дѣвочка, отвѣчая на свои собственные уголки почиваютъ, пещеры стоятъ, что для меня не было, можетъ быть, уже которыми, можетъ, поболь тысячи лѣтъ.

— Я не была и въ Кіевѣ,—также она задумчиво говоритъ дѣвочка.

— А не была, такъ будешь,—утѣшаетъ ее старуха.—Вырастешь большая, поѣдешь и въ Кіевъ.

Нѣсколько времени ребенокъ молчитъ, потомъ говоритъ:

— Няня, а эти города, въ которыхъ я жила, гдѣ ужъ. Помру, не увижу. А тебѣ не была, вѣдь они есть?

— А гдѣ-жъ имъ быть? Известное дѣло есть. Какъ стояли, такъ и стоять, и еще стоять будутъ. Ты думаешь, коли ты въ какомъ городѣ не была, такъ его и нѣтъ?

— Да, должно быть, это такъ и есть, — говоритъ дѣвочка, отвѣчая на свои собственные вопросы, и продолжаетъ:—а ты очень-то не обижали, богатые съ бѣдными дѣлами не горюй. У тебя еще сколько заутреней будетъ, видимо-невидимо. Ты еще и до Свѣтло-дня доживешь. Мнѣ-то не до-

жить, гдѣ ужъ. Помру, не увижу. А тебѣ отчего не дожить? Доживешь, чай.

— Какъ ты сказала, няня?

— Свѣтло-день, говорю.

— Что-жъ это за день, няня?

— Свѣтло-то день? А вотъ ты послушай-ка, что старые люди про него сказываютъ. Онъ ужъ разъ на землѣ наступалъ. Было это въ первое Свѣтло-дѣно, до самаго Вознесеняго дня. Да бытъ Христу бы ему и послѣ Вознесеняго, только люте Иисусъ Милостивый изъ гроба всталъ, и ди-то живымъ манеромъ Христа забыли. Но Божьему жить не стали, пошли у землѣ ходилъ и людей надзираетъ. И ста-нихъ ссоры, да свары, и сами они все свое житіе нарушили. Огорчился Господь Божьему, по хорошему. Другъ друга Иисусъ Милостивый и приказалъ Онъ святымъ апостоламъ тотъ Свѣтло-день лись, ницую братію почитали, я не стало убирать на небо, а людямъ оставить одно только Свѣтло-Христово Воскресеніе, что-бы видѣли они, какая можетъ быть ра-

какую-нибудь подѣлку празднуютъ, а ежели настоящее-то скавать, такъ только и праздникъ, пока свѣтлая заутреня, а тамъ ужъ все, какъ и обыкновенно у людей. А какъ Христосъ-то ходилъ между людей, такъ у нихъ все время праздникъ былъ. Гостили Христосъ на землѣ, гостили и Свѣтло-день, до самаго Вознесеняго дня. Да бытъ Господь бы ему и послѣ Вознесеняго, только люте Иисусъ Милостивый и приказалъ Онъ святымъ апостоламъ тотъ Свѣтло-день лись, ницую братію почитали, я не стало убирать на небо, а людямъ оставить одно только Свѣтло-Христово Воскресеніе, что-бы видѣли они, какая можетъ быть ра-

дось на ве
дня. Тольк
потому лю
у нихъ во
лову они
подъ ноги
красное, к
не научил
объявится
скоро еще
ръки, про
— Это
вочка.
— Вон
Мала еш
Правда эт
— А в
няня?
— Поч
написано.
жекъ не
Дѣло-то
ужъ все
по волчь
растетъ.
Свѣтло-р
— А т
— Та
жизнь п
жить-то
— Бѣ
— Не
— Зал
— От
— А б
— Ну
ныне-то, м
нѣтъ, ит
ные, ча
а новых
Боли уж
треть-то
га не ста

«ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА СВОИМЪ УЧЕНИКАМЪ». — Картина Жозефа Обера (J. Aubert).

дость на землѣ, и ждали бы Свѣтозарь-дня. Только не скоро еще придетъ онъ, потому люди-то не заслужили. Сердца-то у нихъ всё въ шерсти, звѣринья, и голу они держатъ внизъ, смотреть себѣ подъ ноги, а вверхъ смотрѣть на солнце красное, на звѣзды—очи Божьи ясныя, не научились еще. Ну, а какъ научатся—объявится и Свѣтозарь-день. Только не скоро еще это будетъ. Протекуть слезныя рѣчки, прольются кровавыя моря.

— Это сказка, няня?—спросила дѣвочка.

— Вона! Какая-жъ тутъ тебѣ сказка. Мала еще ты, глупа, несмышленица. Правда это правдинская.

— А въ книжкѣ объ этомъ написано, няня?

— Почему мнѣ знать. Можетъ, и не написано. Небось все-то написать, и книжечку не хватить. Да и что тутъ писать. Дѣло-то само за себя говоритъ. Неужто ужъ все такъ люди-то и будутъ жить, по волчьему? Чай не одинъ умъ, и душа растеть. А вырастетъ душа, придетъ и Свѣтозарь-день.

— А тогда, что будетъ, няня?

— Такъ я-жъ тебѣ говорю, хорошая жизнь пойдетъ. Какъ въ рай люди жить-то будутъ.

— Бѣдныхъ не будетъ, няня?

— Не будетъ.

— Злыхъ не будетъ, няня?

— Откуда имъ быть.

— А больныхъ, няня, тоже не будетъ?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Больные-то, можетъ, и будутъ. А, можетъ, и ибѣтъ, кто ихъ знаетъ? Прже-то больные, чапъ, всё подберутся помаленьку, ну, а новыхъ, можетъ, и впрямь не будетъ. Коли ужъ очень другъ за другомъ смотрѣть-то будутъ, да и увѣчить другъ друга не стануть.

— Очень хорошо тогда будетъ, няня.

— Еще бы не хорошо. Чего ужъ лучше. Я-то не доживу, помру. Не сподобить Господь. Ну, а ты еще маленькая, Богъ дастъ и доживешь.

— А если не доживу, няня?

— А ты Богу молись, чтобъ дожить, вотъ и доживешь.

— А какъ же молиться, няня?

— А такъ и молись. Положи на себя крестъ, да потихоньку и вздохни душой къ Господу: Господи, Христе Милостивый! Умоли Отца Твоего Небеснаго, пусть пошлетъ скорый на землю Свѣтозарь-день. Дѣвочка смотритъ на няню.

Видитъ темное, строгое, сосредоточенное лицо, видитъ обращенные къ лампадкѣ, печальные старые глаза, видитъ, какъ сложенные коричневые пальцы касаются морщинистаго лба,—и молитвенно складываются маленькия ручки, взоры погружаются въ голубое лампадное сіяніе, и пухлыми дѣтскія губки лепечуть за нянкой:

— Господи, Христе Милостивый! Умоли Отца Твоего Небеснаго, пусть пошлетъ скорый на землю Свѣтозарь-день.

Гудать, гудать, гудать колокола.

III.

Прошли, пролетѣли годы.

Давно умерла старая нянька.

Давно далеко назадъ остались дѣтство, юность, Москва.

Давно прошла молодость, и кавула съ нею Беслухъ-царевна, точно ея никогда и не было.

Старой, усталой встрѣчаетъ она эту пасхальную ночь въ чужомъ, незнакомомъ городѣ.

Тихо, пусто и сумрачно въ прибранной по-праздничному комнатѣ.

Не оттого ли такъ пусто, такъ холодно и одиноко, что сегодня канунъ Свѣтлаго почти прошедшей земной путь женщины.

праздника, что встрѣчаетъ она его безъ милыхъ сердцу? Печальной кажется ей эта пасхальная ночь.

Гудать за окномъ колокола, гудать, какъ гудѣли когда-то, и подъ музыку ихъ звенять въ груди ея горячія слезы.

Пусто, тихо, одиноко, мертво.

Со стѣны смотритъ портретъ покойнаго Николая Петровича, точно живой въ сумрачной призрачности неосвѣщенной комнаты, свѣтятся, какъ, бывало, свѣтились, живыми, глаза, и точно спрашиваютъ:

— А ты все еще тутъ? Не надоело?

Въ комнатѣ рядомъ спать, устанъ отъ предпраздничныхъ хлопотъ, такая молоденькая, но уже испуганная жестокостью и печалью жизни дочь, а три сына, юноши, почти мальчики,—тамъ... Они тамъ...

Боже, спаси и сохрани ихъ! Въ чемъ оправданіе? Въ чемъ утolenіе? Разрывается сердце и амаетъ душа высокихъ упований, жаждетъ великихъ, свѣтлыхъ обѣтований.

Надо вѣрить, нельзя не вѣрить, нельзя лишитъ себя этого послѣдняго утѣшенія, что въ звонѣ мечей и въ ревѣ орудій куется новое человеческое счастье, въ мукахъ и стонахъ рождается новая блаженная жизнь, и горячей алой кровью цроевъ-воиновъ лишается златолистая новая книга судьбы человеческихъ, лучезарная, свѣтлая и прекрасная. Такая лучезарная, такая свѣтлая, такая прекрасная, что оправдаются ею все ужасы и печали, все бѣдствія и муки, вся кровь, принесенная въ жертву...

Исчезаютъ сроки, стираются грани.

Какъ сухая шелуха, спадаетъ ветхая оболочка, и обнажается душа. Бѣдная, затерянная, мягущаяся, какъ плѣнная птица, скомканная, тоскующая по-небесному, уставшая отъ земнаго, душа.

Одна и та же у маленькой дѣвочки и у вѣданныхъ безднахъ, закрытыхъ для не-

И, какъ тогда, молитвенно складываются руки, крѣпко прижимаются къ изстрадавшейся груди, и шепчуть уста шептъ не написанную, но навсегда въ памяти сердца запечатлѣвшуюся, удивительную въ простотѣ и умиленія ея молитву:

— Господи, Христе Милостивый! Умоли Отца Твоего Небеснаго, пусть пошлетъ скорый на землю Свѣтозарь-день.

Огнистыми пругами мигаютъ слезы въ широко раскрытыхъ, вперившихся въ ночную тьму глазахъ. Точно раскрыта тамъ за окномъ темная книга судебъ, и страшная невидимая десница выписываетъ въ нее имена обреченныхъ.

Имъ нѣтъ числа. Имъ нѣтъ конца. И ищутъ глаза знакомыя, милыя имена, а сердце съ трепетомъ и мукой не хочетъ найти ихъ.

— Боже, спаси и сохрани ихъ!

Но развѣ есть за ней такая безмѣрная заслуга, чтобы могла купить она ею неизреченную милость, дражайшее, превыше всего право на то, чтобы среди десятковъ тысячъ померкшихъ жизней спасены были эти три драгоценныя ей жизни и ей подарены?

Нѣтъ! нѣтъ! И въ прозрѣніи изстрадавшейся души внезапно ощущаетъ она близость ко всемъ матерямъ и знаетъ, что не одна она, а все матери, сколько ихъ ни есть, все трепещущія за дѣтей своихъ, все, и уже потерявшія дѣтей своихъ и терпящія, и тѣ, что потеряютъ ихъ завтра,—въ эту пасхальную ночь заодно съ нею страдаютъ, плачутъ, молятся...

И хотѣть вѣрить и вѣрить, что не даромъ гибнутъ дѣти ихъ, что ихъ безавѣрнымъ подвигомъ, ихъ доблестной кончиной создается грядущее царство любви.

Тамъ, въ безднанныхъ глубинахъ, въ неизреченныхъ безднахъ, закрытыхъ для неоскѣпшей еще человеческой мысли, быть

Ангелы съ картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна».

любовно имъ дается по двѣ съ полдюжиной пезеты* и вино.

Есть статуи, болѣею частью Мадонны, изъ-за которыхъ отдѣльные кварталы ссорятся и даже дерутся: каждый увѣряетъ, что его Мадонна краше и богаче наряжена...

Въ 6 часовъ утра соборъ закрываютъ, чтобы прибрать его къ 9 часамъ, когда его снова открываютъ для торжественной мессы.

Въ этотъ день совершается въ немъ обрядъ омовенія ногъ, какъ и у насъ, только тамъ вмѣсто священниковъ—нищіе.

Кардинала подполюсываютъ бѣлымъ передникомъ, и онъ, снявъ свою красную мантию, склоняется по очереди передъ каждымъ изъ двѣнадцати нищихъ, возсѣдающихъ на стульяхъ, на возвышеніи главнаго алтара.

Когда обрядъ оконченъ, приносятъ серебряные тазы съ кувшиномъ, кардиналъ моетъ руки, съ него снимаютъ передникъ, его облачаютъ въ пурпуръ, и онъ служитъ дальше торжественную мессу.

Обычай «чистить индюшку».

Страстная недѣля въ Севильѣ—самое интересное время въ году, не столько для прѣзвитеріи, сколько для мѣстной молодежи...

Прѣхавшій туристъ встрѣчаетъ переполненныя гостиницы, гдѣ нормальныя цѣны возрастаютъ втрое и вчетверо, видятъ толпу иностранцевъ на улицахъ, трибуны и эстрады на площадяхъ, и самъ, взявъ по совету швейцара своего отеля, мѣсто на одной изъ трибунъ, сидитъ на ней цѣлыми днями, смотря на ничего не говорящее его сердцу крестные ходы и скачуща.

А для севильской молодежи эти самыя трибуны и эстрады и представляютъ главную прелесть Великаго поста. Ложи эстрадъ разбираются семьями хорошихъ севильянокъ, а къ локамъ можно подходить, можно даже войти въ ложу, сѣсть рядомъ съ той, которая дорога сердцу, и глядѣть другъ на друга, и болтать цѣлый день о чемъ угодно.

На Страстной недѣлѣ болѣею влюбляются, кончатся, сходятся и ссорятся, нежели во все остальные 360 дней въ году.

Въ Андалузій женщины еще ведутъ жизнь замкнуто,—молодая дѣвушка одна нигде не выходитъ. Изъ общественныхъ

мѣсть, гдѣ молодежь видится, есть лишь который играетъ въ Севильѣ роль наше нашего Мариинскаго), въ кинематографѣ церковь да кинематографъ. Но въ церквяхъ оперы и балета (въ немъ абонементы лишь два коротенькихъ антракта. И вотъ кви женщины стоятъ болѣе впереди, на ложи и кресла, и помѣщается онъ въ цѣлый годъ ждуть Страстную недѣлю: это а мужчины сзади, а въ кинематографѣ, театрѣ Санъ-Фернандо, размѣромъ не менѣе самое веселое время въ году для севильской молодежи.

На эстрадахъ, раздѣленныхъ на ложи, сидятъ, какъ на показъ, все хорошенькія дѣвушки города въ кружевныхъ черныхъ мантияхъ, поднятыхъ на высокую гребенку, въ черныхъ платьяхъ... Но черное идетъ къ андалузкамъ.

Молодые люди гуляютъ въ проходахъ и выбираютъ невѣсть. Знакомство происходитъ слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: молодой человекъ узнаетъ отъ кого-нибудь имя, фамилію и адресъ понравившейся ему дѣвушки и пишетъ ей письмо, прося una entrevista (свиданіе) у окна, или у балкона.

Молодая дѣвушка показываетъ это письмо своимъ родителямъ, они навѣдаютъ справки объ этомъ поклонникѣ своей дочери и, если онъ женихъ подходящий, разрѣшаютъ «антревисту».

Тогда они пишутъ ему, назначая часъ, въ который онъ можетъ придти подъ ея окно, и они разговариваютъ по полчаса или по часу два-три раза въ день, иногда въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, и называется это pelar la pava—чистить индюшку! Можетъ быть потому, что когда-то прабабушка какой-нибудь хорошиной Кармелиты или Кончиты чистила у своего окна индюшку, когда къ окну подошелъ ея возлюбленный, и они стали чистить ее вмѣстѣ—и не молча, само собою разумеется!

Въ домѣ женихъ начинаетъ бывать черезъ мѣсяцъ или два послѣ знакомства со своей невѣстой, но часто бывать и сидѣть подолгу не принято.

Этотъ обычай соблюдается всеми классами населенія жизнерадостнаго, веселаго городка съ пестрыми домиками и улицами, усаженными благоуханными апельсиновыми деревьями, сказочно прекраснымъ соборомъ и феерично чудными садами стараго Альказара.

Иногда къ дворцу съ гербомъ надъ дверью подъѣзжаетъ карета съ коронами на дверцахъ и изъ нея выходитъ элегантный юноша; карета остается у подъезда, а юноша подходитъ къ окну, гдѣ его уже ждетъ его невѣста.

Интересно, что обычай не вмѣняетъ молодой дѣвушкѣ въ обязанность безуслов-

СТАРѢЙШАЯ ЦЕРКОВЬ ПЕТРОГРАДА.

Церковь св. Троицы на Петроградской сторонѣ, на площади противъ Петропавловской крѣпости.

На ея мѣстѣ сначала стояла первая церковь Петрограда, сооруженная его Основателемъ въ 1703 году. Со ступеней ея Петръ Великій объявилъ о заключеніи мира со Шведами (въ 1721 г.). Здѣсь же, на этой площади, передъ народомъ провозгласили Государя Императоромъ, Отцомъ Отечества. Эта первая церковь св. Троицы, перестроенная при Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1750 г. сгорѣла, но по повелѣнію императрицы въ 1756 г. восстановлена въ прежнемъ видѣ, какъ она изображена здѣсь на рисункѣ (съ гравюры 50-хъ годовъ). Три года тому назадъ эта реликвія стараго Петрограда опять сгорѣла. Сбоку, за сгорѣвшимъ храмомъ построили новую, очень аляповатую церковь, а исковерканные пожаромъ остатки старой церкви «временно» стоятъ уже три года, безобразя собою площадь и возбуждая печальное недоумѣніе.

* Около рубля.

по уважен
буетъ, что
иптъ непр
вѣка, не
дѣлѣт
время до с
будь родит
своихъ под
Родители
токъ верну
наго несп
Испанка ос
еще болѣе
детъ всегда
Испанскі
строги. Он
хоннымъ д
бы то ни б
Впрочемъ
Испанки н
компромис
шать, чув

«ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ». —Нартина Рубенса (1577—1640 г.г.).

ное уваженіе родительской воли, но требуетъ, чтобы въ случаѣ, ежели она рѣшитъ непременно выйти замужъ за человека, негоднаго ей домашнимъ, она за ней, конечно, въ голову не могло придти, дѣль недѣли покинула родительскій домъ и что это поэтическое произведеніе нашего времени до свадьбы провела у какой-нибудь родственницы или въ семьѣ одной изъ двадцати-четырёхлѣтней дѣвушкѣ.

Родители не дѣлаютъ никакихъ попытокъ вернуть ее домой. Но такіе случаи явнаго неповиновенія бываютъ рѣдко: Испанка остается вѣрной своей матери и еще больше своему духовнику, который будетъ всегда держать сторону родителей.

Испанскіе духовники, повидимому, очень строги. Они запрещаютъ, напримѣръ, духовнымъ дочерямъ своимъ чтеніе какихъ бы то ни было романовъ.

Впрочемъ—«родъ женскій лукавъ», и Испанки нашли выходъ, идя на маленькій компромисъ со своей совѣстью: онѣ грѣшатъ, чувствуя себя невинными.

Одна наша соотечественница подарила прочесть ее и на слѣдующее воскресенье разъ одной севильянкѣ испанскій переводъ Тургеневскаго «Дворянскаго гнѣзда»; вѣка, негоднаго ей домашнимъ, она за ней, конечно, въ голову не могло придти, дѣль недѣли покинула родительскій домъ и что это поэтическое произведеніе нашего времени до свадьбы провела у какой-нибудь родственницы или въ семьѣ одной изъ двадцати-четырёхлѣтней дѣвушкѣ.

Черезъ день онѣ встрѣтились, и Русская спросила, начала ли ее знакомая читать свою новую книжку?

— Нѣтъ,—отвѣтила та,—я могу начать ее лишь завтра днемъ.

— Отчего же только завтра днемъ? — удивленно спросила наша соотечественница.

— Сегодня суббота,—отвѣтила ей дѣвушка,—если бы я начала ее читать вчера, я бы, можетъ быть, не успѣла прочесть ее до завтра, а завтра утромъ я пойду къ исповѣдану, и священникъ запретилъ бы мнѣ читать ее до конца... А если я начну читать завтра днемъ, я за недѣлю успѣю одѣты ангелами.

Въ XVII столѣтіи ихъ одѣли пажками, и въ эту же эпоху многіе высказались за то, чтобы обрядъ этотъ былъ совсѣмъ отмѣненъ. Но севильское духовенство сумѣло его отстоять и по его просьбѣ папа разрешилъ мальчикамъ танцевать до тѣхъ поръ, пока не износится ихъ костюмъ. Но костюмы такъ искусно чинятъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, вставляя куски сѣвѣй матеріи, что они и до сихъ поръ цѣлы.

Танецъ этотъ очень популяренъ въ Севильѣ и одинъ профессоръ тамошняго университета, донъ-Симонъ де-ля-Роза, утверждаетъ въ своей книгѣ—«El baile de los seises», что этимъ образомъ люди наилучшимъ образомъ выражаютъ свое преклоненіе передъ таинствомъ евхаристіи.

Въ фигурахъ кадрили, которую танцуютъ мальчики, онъ видитъ священныя буквы, а въ веселыхъ напѣвахъ слышится ему ангельское ликозаніе чистыхъ

Въ XVII столѣтіи ихъ одѣли пажками, и въ эту же эпоху многіе высказались за то, чтобы обрядъ этотъ былъ совсѣмъ отмѣненъ. Но севильское духовенство сумѣло его отстоять и по его просьбѣ папа разрешилъ мальчикамъ танцевать до тѣхъ поръ, пока не износится ихъ костюмъ. Но костюмы такъ искусно чинятъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, вставляя куски сѣвѣй матеріи, что они и до сихъ поръ цѣлы.

Танецъ этотъ очень популяренъ въ Севильѣ и одинъ профессоръ тамошняго университета, донъ-Симонъ де-ля-Роза, утверждаетъ въ своей книгѣ—«El baile de los seises», что этимъ образомъ люди наилучшимъ образомъ выражаютъ свое преклоненіе передъ таинствомъ евхаристіи.

Въ фигурахъ кадрили, которую танцуютъ мальчики, онъ видитъ священныя буквы, а въ веселыхъ напѣвахъ слышится ему ангельское ликозаніе чистыхъ

Обрядъ этотъ древній, возникъ онъ еще въ XIV вѣкѣ, только тогда мальчики были

сердцем. «Этот танец отнюдь не сближает смѣшивать со свѣтскою пляскою,— говорит онъ,— такъ какъ этою послѣднею никогда не выражалось богопочитаніе, этотъ же танецъ несетъ несомнѣнно релігіозный характеръ и вызываетъ въ насъ чувство умиленія».

И эти разсужденія ученаго шкиго не удивляютъ въ Испаніи!

Чудо одного изъ монастырей Севильи.

Когда въ Севильѣ нашли тѣло Маріи Коронель,—женщины, пролежавшей въ гробу больше пяти столѣтій и не разгнившей,—пригласили лучшихъ профессоровъ медицины освидѣтельствовать ее тѣло, и врачи, удивившись, что тѣло ея сохранило упругость, члены остались гибкими, щеки—пухлыми, объясняли это святостью Маріи Коронель.

Пишущій эти строки видѣлъ эту женщину, которую по всей вѣроятности скоро канонизируютъ. Жила она въ четырнадцатомъ столѣтій и была добра, благочестива и прекрасна собой. Мужъ ее обожалъ, и она была очень счастлива до того дня, въ который увидалъ ее король Кастиліи Педро, прозванный Жестокимъ.

Она очень понравилась королю и отъ рѣшился сдѣлать ее своей любовницей, казнилъ ее супруга. Марія постриглась въ одномъ изъ монастырей Севильи, но это не остановило короля, который, похитивъ ее оттуда, перевезъ въ свой королевскій Алькасаръ.

Тогда несчастная женщина, рѣшивъ сохранить вѣрность умершему мужу, облила себя ядовитой жидкостью, которая такъ показала черты лица ея, такъ ихъ обезобразила, что король оставилъ ее въ покоѣ.

Тогда она превратила свой дворецъ въ монастырь и, ставъ его настоятельницей, остатокъ дней своихъ провела въ благочестивыхъ дѣлахъ, отдавшись вся на служеніе Богу и ближнему. Когда она умерла, ее похоронили въ склепѣ, а потомъ перенесли во внутренніе покои монастыря, и она лежитъ теперь въ тепломъ помѣщеніи, какъ спящая...

Отчего хранить Испанія нейтралитетъ?

Релігіозность часто руководитъ Испанцами и въ политикѣ. Въ симпатіяхъ большинства хаймистовъ къ претенденту на испанскій престолъ Бурбонскому принцу донъ-Хаймэ она несомнѣнно важный факторъ.

Въ 1913 году въ самомъ Мадридѣ вышла и продавалась во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книжка, съ заглавіемъ: «Паломничество вѣрныхъ», въ которой описывалось паломничество тринадцати тысячъ хаймистовъ въ Лурдъ, во Франціи, на свиданіе со своимъ королемъ.

Его въ книжкѣ такъ прямо и называюотъ, высказывая надежду, что скоро «узурпаторъ», какъ хаймисты, или, какъ «Узурпаторъ», какъ хаймисты, или, какъ ихъ называютъ иначе—дегитимисты, величаютъ настоящаго короля Альфонса XIII.

Подробно описанъ пріемъ этихъ 13.000 паломниковъ. Среди нихъ есть и старики, и подростки. Многие пришли пѣшкомъ—только, чтобы взглянуть на своего «короля». У донъ-Хаймэ руки распухли отъ поцѣлуевъ «его вѣроподданныхъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ его въ Мадридѣ». Въ книжкѣ помѣщенъ манифестъ этого претендента, въ которомъ онъ критикуетъ и осуждаетъ распоряженія и дѣйствія главы государства. Главнымъ образомъ онъ ставитъ ему въ вину введеніе «экзотическихъ» реформъ, навязываніе Испанцамъ иностранныхъ обычаевъ и укоряетъ его въ недостаткѣ релігіозныхъ чувствъ. Это послѣднее дѣйствуетъ на народъ, и онъ склоненъ согласиться съ донъ Хаймэ: «Король Альфонсъ женатъ на Англичанкѣ, ех-еретикѣ, онъ вводитъ разныя «экзотическія» новшества въ старыя устои испанскаго общества, а главное—онъ недостаточно набоженъ...

«ВЫБОРЪ НАРЯДА».—Картина В. В. Сыкова.

Съ фот. Ксен. Глибовской.

«Мы любимъ донъ-Хаймэ, считаемъ его законнымъ престолонаследникомъ, кромѣ того—онъ король католическій». И находится это въ вышеупомянутой книжкѣ, все изданіе которой разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ настоящее время всѣ хаймисты стоятъ за сторону Германіи и Австро-Венгріи, такъ какъ донъ-Хаймэ, который нѣкогда служилъ у насъ въ Гродненскомъ полку, живетъ теперь въ Фродорфѣ и кромѣ того, говорятъ, ненавидитъ Англію.

Огромное большинство Испанцевъ съ королемъ во главѣ питаютъ симпатію къ Франціи и многие изъ нихъ дѣлать военственные планы, но хаймистовъ много, хаймисты—сила, а хаймисты симпатизируютъ Германцамъ. Вотъ настоящая причина, отчего Испанія не послѣдовала примѣру своей сѣбки, и все еще хранить нейтралитетъ.

Олегъ Эверовъ.

Куличи.

I.

Александръ Ивановичъ Померанцевъ женился на сорокъ второмъ году, и женился совершенно для себя неожиданно. Прошлой осенью онъ получилъ командировку въ Черниговъ. Тамъ онъ познакомился на благотворительномъ спектаклѣ съ Марьей Семеновной Каслевой, дочерью мѣстнаго домовладѣльца, или просто-на-просто Мурой,—такъ ее называли домашніе и почти всѣ знакомые. Мура лишь годъ назадъ окончила гимназію. Александръ Ивановичъ сразу былъ очарованъ ея непосредственнымъ, веселымъ характеромъ и ея милымъ розовымъ личикомъ съ капризно вздернутымъ носикомъ и съ большими, свѣтящимися дѣтскимъ любопытствомъ, глазами... И онъ съ удовольствіемъ проводилъ всѣ свои свободные часы въ обществѣ Муры, незаметно втягиваясь въ ея

интересы и подчиняясь ея вліянію. А Мура явно предпочитала его всѣмъ другимъ поклонникамъ, что не могло не льстить Александру Ивановичу.

И когда онъ въ октябрѣ вернулся въ Петроградъ, въ свою казенную квартиру на Фонтанкѣ, холодомъ и непривѣтливостью пахнуло на него отъ этихъ четырехъ комнатъ съ высокими потолками, безвкусно мебелированныхъ, съ дешевыми картинами на стѣнахъ, съ множествомъ запыленныхъ книгъ на столахъ и въ углахъ и съ какимъ-то затхлымъ запахомъ. Невольно мелькнула мысль, что хорошо было бы, если бы сейчасъ раздался здѣсь звонкій, серебристый смѣхъ Муры, и если бы ея граціозныя ручки здѣсь похозяйничали. Пользуясь разрышеніемъ Муры, онъ въ тотъ же вечеръ написалъ ей письмо. Отвѣтъ не замедлил получиться, и такимъ образомъ завязалась переписка. А въ результатѣ, спустя два съ половиной мѣсяца, бракосочетаніе статскаго совѣтника Александра Ивановича Померанцева съ Марьей Семеновной Каслевой.

Если бы спросить Александра Ивановича, доволенъ ли онъ своей женитьбой, то, положивъ руку на сердце, онъ затруднился бы отвѣтить. Съ одной стороны, хорошенько личико жены, ея веселый характеръ, задорный смѣхъ и шаловливая нѣжность приводили его часто въ умиленіе и наполняли все существо сознаниемъ, что онъ теперь не одинокъ: съ другой стороны, вѣчный шумъ, вѣчная суета въ домѣ (у Муры оказалось много знакомыхъ въ Петроградѣ), эта ненасытная жадность жены къ зрѣлищамъ всякаго рода утомляли его и порой заставляли съ сожалѣніемъ вспоминать покой и свободу холостой жизни, тѣмъ болѣе, что порядка, который—онъ мечталъ—водворить въ домъ жена, по-прежнему не было. Правда, стало какъ-то уютнѣе и теплѣе, но книги по-прежнему валялись по угламъ, по-прежнему воротнички и рубашки забывали отдавать въ стирку во-время, а дѣловыя бумаги часто, къ своему ужасу, онъ находилъ въ сорной корзинкѣ.

— Вишь, ты какой! Самъ пожилой, а жену молоденькую захотѣлъ? Вотъ теперь и пляши по ея дудкѣ,—говорила про себя Лукерья, исполняющая роль одной прислуги, выпросившая господь или въ театръ или въ гости и съ насмѣшкой глядя на сумрачное лицо барина.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ. Наступила весна, приближалась Пасха.

— Вотъ что, другъ мой,—обратилась Мура къ мужу на Страстной недѣлѣ:—Я пригласила къ намъ разговляться Подтигунныхъ и еще двухъ студентовъ черниговцевъ, поэтому столъ пасхальный у насъ долженъ быть какъ слѣдуетъ.

— Прекрасно. Можно будетъ заказать въ кондитерской куличи и всякія тамъ сладости, а окорокъ и индѣйку я самъ куплю.

— Глупости, глупости,—замахала на него Мура,—ни за что не хочу куличей изъ кондитерской, а хочу домашнихъ, такихъ, какъ у насъ дѣлали въ Черниговѣ. Ты и представить себѣ не можешь, какіе удивительные куличи были у насъ: высокіе, какъ башни; а ужъ о вкусѣ и говорить нечего... разсыпчатые и во рту такъ и таютъ. Наши куличи на весь городъ прославились...

— Но теперь придется, дорогая моя, довольствоваться и кондитерскими. Оттуда же мы другихъ достанемъ?

— Какъ откуда? Очень просто: я сама спеку.

— Развѣ ты сумѣешь?

— Еще бы я не сумѣла! Вѣдь я всегда помогала мамѣ куличи дѣлать, у нея и рецептъ приготовленія есть.

— Прекрасно. Я очень радъ. Зотъ только Лукерья не напутала бы; она, сама знаешь, кухарка неважная.

— При чемъ тутъ Лукерья, когда она все будетъ дѣлать подъ моимъ руковод-

Въ назармахъ на Пасху.

ством? Ты ужь не беспокойся,—все выйдет превосходно... Я и поросенка сама жарю, как у насъ дома дѣлають, а начинку для него такую приготовлю, что ты пальчики оближешь. Вообще у насъ пасхальный столъ будетъ на славу. Я паштеты сдѣлаю, и пасхи разныхъ сортовъ. Ты бы кого-нибудь изъ холостыхъ сослуживцевъ пригласилъ разговляться.

— Хорошо. Можно будетъ Богомыслова и Карасикова пригласить, они очень милые молодые люди. Помнишь, я тебѣ ихъ въ театрѣ представилъ?

II.

Уже со Страстного четверга въ домѣ началось столпотвореніе вавилонское. Мура въ бѣломъ передникѣ и съ засученными рукавами, какъ ураганъ, носилась по комнатамъ, отдавая звонкимъ голосомъ приказанія Лукерья и взятой на это время поденщицѣ. Въ кабинетѣ на письменномъ столѣ стояла тарелка со взбитыми бѣлками и чашка съ миндалемъ, уже очищеннымъ. Въ спальнѣ возлѣ печки на листахъ бѣлой бумаги была разложена мука для просушки. Въ столовой на столѣ красовался окорокъ, еще не запеченный, и только что купленный поросенокъ. Пахло корицей, ванилью и другими пряно-стями.

— Эхъ, барыня, и что вы только вздумали: въ такой печкѣ куличи печь? для этого нужна русская печка,—говорила Лукерья, вымѣшивая своими толстыми, какъ обручи, руками тѣсто въ кадучкѣ.

— Глушости вы говорите. Въ книгѣ ясно сказано, что куличи можно и въ духовую печь. Лучше скажите, положили ли желтокъ въ тѣсто?

— Моложила. Весь стаканъ вылила.

— Боже мой, зачѣмъ весь стаканъ? Я, же говорилъ, что нужно полстакана,—такъ въ книгѣ сказано.—И Мура всплеснула руками.

— Опять вы, барыня, съ книгами! Не доведутъ васъ до добра эти самыя книги, помните мое слово. Масломъ каши не испортишь,—это безъ всякой книги извѣстно.

— Оставьте ваши разсужденія! Я васъ попрошу въ точности исполнять мои приказанія.

Мура надула свои губки и вышла изъ кухни.

— Послушай, дорогая моя,—встрѣтилъ ее мужъ въ дверяхъ кабинета,—мигъ нужно нѣкоторыя письма написать и вообще дѣлами заняться, а ты на моемъ письменномъ столѣ, Богъ знаетъ, что наставила!

— Письма твои успеешь еще написать. Вотъ ты лучше мнѣ миндаль почисти и бѣлки повзбавивай. А то въ самомъ дѣлѣ,—я бѣгаю, стараюсь, ногъ подъ собой не слышу, а онъ хоть бы что! Письма вздумалъ писать.

И Мура повернулась къ мужу спиной и направилась въ столовую, оставивъ его въ застывшей позѣ.

Сорвавъ свое раздраженіе на мужѣ, она уже минутъ черезъ пять напѣвала какой-то веселый мотивъ, растирая ложкой тѣсто для пасхи.

Въ Страстную субботу къ обѣду почти всѣ приготовления уже были закончены: три кулича и сдобная булка были торжественно посажены въ духовую печь, а рядомъ запекался окорокъ и жаривался поросенокъ, начиненный какой-то особенной начинкой. Мура, поглядывая на часы, въ волненіи ходила по комнатамъ, ожидая момента, когда можно будетъ вынимать куличи.

Наконецъ, этотъ священный моментъ насталъ.

Дверцы печки съ шумомъ распахнулись.—п взорамъ Муры предстали три какихъ-то безформенныхъ массы, ничего обшлаго по виду не имѣющія съ куличами.

— Боже мой, Боже мой, что вы только надѣлали?—застонала Мура, всплеснувъ руками.

Въ Свѣтлое Воскресенье.

— Ничего не надѣлала. Я вамъ говорила, что нельзя въ этой печкѣ ихъ печь. Ну, да ничего, что они такіе неказистые. Можеть быть, вкусные.

И Лукерья, отрѣзавъ кусочекъ кулича, подала его Мурѣ. Мура машинально положила его въ ротъ, но сейчасъ же выплюнула.

— Это кислятина какая-то, а не куличъ! Нѣтъ, нѣтъ, я теперь знаю: вы нарочно все это сдѣлали, вы укусу сюда подлили. Это нехорошо съ вашей стороны. Я къ вамъ такъ хорошо относилась,

еще недавно платя свое старое подарилъ, а вы вотъ что!—кричала Мура дикимъ голосомъ, топая ногами.

— Что съ тобой, дорогая? Что случилось?—вбѣжалъ на крикъ въ кухню Померанцевъ.

— А то случилось, что мои куличи погибли. Боже мой, что мнѣ теперь дѣлать?

И Мура залилась горькими слезами.

— Успокойся, успокойся, дѣточка. Ну, что же дѣлать. Видь это же вещь хорошая: я сію минуту поѣду въ конди-

терскую и куплю готовые. Успокойся, Мура.

Онъ вѣжливо обнялъ жену за талию.

— Ахъ, мнѣ такъ хотѣлось домашнихъ куличей—теплыхъ, какъ пекутъ у насъ дома,—всклинула, проткнула Мура.

— Что-жъ дѣлать... Но я постараюсь достать самыхъ лучшихъ куличей...

— Ну, такъ бѣги же скорѣе, не теряй ни минуты,—вытирая слезы, воскликнула Мура.

Александръ Ивановичъ бросился въ переднюю. Онъ былъ уже въ пальто и въ шляпѣ, когда изъ кухни снова раздались крикъ и плачь жены, но на этотъ разъ плачь истерическій... И ему снова пришлось, сломя голову, бѣжать въ кухню. Мура, лежа на кухаркиной кровати, билась въ истерикѣ, зарывшись головой въ грязную подушку.

— Что такое опять случилось?.. Успокойся!

И онъ наклонился къ лицу жены.

— Поросенокъ... поросенокъ... поросенокъ!...—услыхалъ Александръ Ивановичъ въ отвѣтъ.

— Поросенка мы сожгли, да и окорокъ на половину сгорѣлъ,—равнодушно объяснила Лукерья.

Александръ Ивановичъ невольно обратилъ взоръ свой на плиту и увидѣлъ чернаго, какъ уголь, поросенка и такого же цвѣта окорокъ.

— Вы, дѣйствительно, Лукерья, чортъ знаетъ, что натворили. Что же вы смотрѣли?...—вспылилъ Померанцевъ.

— Если неудобна я вамъ, то можете хоть сейчасъ расчесть мнѣ дать... Нешто у порядочныхъ господъ полагается на дому окорока запекать, да куличи печь? Порядочные господа покупное все это имѣютъ.

Но въ это время Мура особенно громко застонала.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать? Этакъ съ ума сойдешь,—вырвалось у Померанцева, и онъ схватился руками за голову.

— Во всякомъ случаѣ, нельзя же оставить лежать ее здѣсь. Нужно перенести ее въ спальню... Помогите, Лукерья.

Онъ осторожно взялъ жену подъ плечи, а Лукерья за ноги, и такимъ образомъ, Мура была перенесена въ спальню и уложена на свою кровать.

— Ну, успокойся же, наконецъ. Выпей воды...

И Померанцевъ поднесъ къ дрожащимъ губамъ Муры стаканъ воды. Мура замахала руками и выбила стаканъ изъ рукъ мужа. Стаканъ далеко отлетѣлъ въ сторону и разбился въдребезги объ полъ.

— Вы всѣ сговорились нарочно мнѣ неприятности сдѣлать, вы меня ненавидите... Нѣтъ, нѣтъ, завтра же уѣду домой, въ Черниговъ!—въ какомъ-то иступленіи выкрикивала она.

— Богъ съ тобой!... Что ты говоришь?... Право, ты заговариваться начинаешь... Я сейчасъ за докторомъ пошлю.

Вдругъ въ дверь раздались рѣзкій звонокъ, а черезъ минуты двѣ вошла Лукерья, шлепая своими туфлями, и подала Александру Ивановичу заказное письмо. Онъ машинально разорвалъ конвертъ и сталъ читать письмо.

«Дорогая Мура! Знаю, какая ты еще неопытная хозяйка и какъ все у насъ тамъ въ Петроградѣ дорого, я рѣшила послать тебѣ окорокъ, колбасы, поросенка, индѣйку и т. п. Все это идетъ въ двухъ ящикахъ. Въ одномъ куличи, а въ другомъ все остальное. Пожалуйста, осторожно открывай ящикъ съ куличами»...

Не дочитавъ до конца письмо, Померанцевъ въ восторгѣ бросился къ женѣ:

— Ну, теперь тебѣ совсѣмъ незачѣмъ плакать... У насъ будутъ и куличи, и окорокъ, и поросенокъ и все, все... Мама твоя прислала.

— Зачѣмъ ты обманываешь меня?—уже другимъ, болѣе спокойнымъ голосомъ спросила Мура и поднялась съ постели.

— Смотри: вотъ письмо отъ мамы, а

«Святой огонь».

Со фот. Нат. Семликовичъ.

ИЗЪ АЛЬБОМА ПРОФ. ВЛАД. ЕГОР. МАКОВСКАГО.

Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. («Старосветскіе помѣщики», Н. В. Гоголь). Рис. В. Е. Маковского.

вотъ и пакладная. Я сію же минуту мчусь на Николаевскій вокзалъ.

III.

Черезъ какихъ-нибудь часа полтора въ столовой стояли два огромныхъ ящика, около которыхъ съ молоткомъ и кухоннымъ ножомъ въ рукахъ хлопоталъ самъ Померанцевъ. Тутъ у Муры слезъ какъ не бывало, и все лицо ея теперь дышало восторженной радостью. Наконецъ, крышка ящика была сорвана, и изъ груди стружекъ были извлечены три огромнѣйшихъ кулича. Когда куличи были поставлены на столъ, Лукерья невольно всплеснула руками:

— И въ какую только печку ихъ сажали? Все равно, что колокольни...

— А вы думали, тамъ такъ, какъ вы, пекуть?—счастливо засмѣялась Мура.

Они такъ увлеклись уборкой пасхальнаго стола, что чуть было не опоздали къ заутренѣ...

Приглашенные сослуживцы прѣхали вмѣстѣ съ Померанцевыми, такъ какъ были въ одной и той же церкви. Едва раздѣлись и вошли въ гостиную, какъ раздались звонокъ и явились Подтягинъ: мужъ съ женой и дочерью.

— Пожалуйте разговляться, чѣмъ Богъ послалъ,—скромно, но съ достоинствомъ сказала Мура и распахнула дверь въ столовую.

Гости невольно остановились на порогѣ столовой, устремивъ восхищенные взоры на пасхальный столъ.

Первый ономнилъ Подтягинъ.

— Какіе куличи, прямо башни вавилонская!

— Да, да, удивительные куличи!—подхватили остальные гости.

— Оказывается, вы идеальная хозяйка, не намъ чета. Вамъ, Александръ Ивановичъ, Богъ кладъ послалъ, а не жену,—сказала жена Подтягина и подошла къ столу.

М. М. Миклашевскій.

Въ церкви.

Тебя я видѣлъ въ сумракѣ кадилъ:
Склонялась ты послушно на колѣни,
Когда священникъ съ чашей выходилъ,
Свершивъ обрядъ таинственныхъ молений.
Тебя я въ церкви видѣлъ каждый разъ
Въ торжественные дни Страстной недѣли:
Твои глаза какъ будто не глядѣли,

Нарадъ былъ простъ, безъ выгуры и прикрасъ.
Моллилась ты у скорбной плащаницы,
И скорбныхъ глазъ мнѣ не забыть во-вѣкъ:

Я помню эти длинныя рѣсницы
Опущенныхъ, полузакрытыхъ зѣвъ...
Я въ церковь шелъ, лишь о тебѣ мечтаю,
Но не посмѣлъ заговорить съ тобой:

Въ кадилъной мглѣ прозрачно-голубой
Ты-ль это здѣсь—безоцѣнная, святая?
Я не посмѣлъ напомнить прежнихъ
встрѣчь,

Мелькнувшихъ дней безумія былого,—
Твой строгій видъ не могъ не одгѣречь
Отъ грушнаго, кощунственнаго слова.
Въ отвѣтъ на мой почтительный поклонъ
Взглянула ты такъ холодно, такъ строго,
Что я остался молча у колоннъ,
Слѣдя тебя до самаго порога,—
Но не посмѣлъ идти на-череръзъ,
Но подавилъ порывы нетерпѣнья...

И только въ ночь ликующаго пѣнья
Ты прошептала мнѣ: «Христосъ воскресъ!»
В. Опочининъ.

«Тугой колокъ». —Рис. В. Е. Маковского.

Съ фот. Коен. Глибочкой.

Оригиналъ Наташи Ростовой въ романѣ „Война и Миръ“.

Молодость Т. А. Кузьминской.

Предисловіе.

Большинство лицъ, введенныхъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ романѣ «Война и Миръ», взяты изъ дѣйствительной жизни. Многие типы описаны имъ изъ давно прошедшаго времени предковъ его, а многіе и изъ его современниковъ, которые и въ настоящее время живы.

Боясь набросить на кого-либо нежелательную тѣнь, Левъ Николаевичъ избѣгалъ называть по именамъ этихъ лицъ, но мы, близко стоявшіе къ нему люди, въ то время безошибочно узнавали въ нихъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ.

Будучи такимъ образомъ стѣсненной въ оглашеніи тѣхъ свѣдѣній, которыми я располагаю благодаря молодости, проведенной въ семьѣ Толстыхъ, я не считала себя въ правѣ приступить къ печатанію этой статьи, если бы не одно случайное обстоятельство: проф. С. А. Венгеровъ, до свѣдѣній котораго дошло, что Левъ Николаевичъ въ своей героинѣ, «Наташѣ Ростовой», описывалъ молодые годы Т. А. Кузьминской, обратился къ ней съ просьбой набросать краткую біографію, рассказавъ именно тѣ эпизоды ея жизни, которые вошли въ романъ «Война и Миръ».

Татьяна Андреевна отказалась говорить о себѣ самой, находя это неудобнымъ, и предложила мнѣ описать тѣ годы, которые мы провели болѣе или менѣе вмѣстѣ, предоставивъ мнѣ касаться ея жизни постольку, поскольку Т. А. послужила для Льва Николаевича типомъ Наташи Ростовой.

Собственно только молодые годы Т. А. Кузьминской дали тему для созданія образа Наташи Ростовой. Когда Левъ Николаевичъ оканчивалъ «Войну и Миръ», Т. А. Кузьминская не была еще замужемъ. Наташа Ростова послѣ замужества ея списана Львомъ Николаевичемъ съ его жены, гр. С. А. Толстой. И, дѣйствительно, когда Льва Николаевича неоднократно спрашивали, съ кого онъ писалъ Наташу Ростову — онъ отвѣчалъ: «Я перемололъ Сою и Таню, и вышла Наташа».

Такъ говорила мнѣ и моя мать, находя это описаніе вполне вѣрнымъ. Она знала сестеръ съ ранняго ихъ дѣтства, и вообще находила между ними большое сходство.

Т. А. Кузьминская восстановила въ моей памяти нѣкоторые эпизоды своей жизни, передавъ мнѣ уцѣлѣвшую переписку ея съ родителями, друзьями и самимъ Львомъ Николаевичемъ.

Вся эта переписка послужила мнѣ основнымъ матеріаломъ къ моей статьѣ. Этотъ матеріалъ представлялъ собой особый интересъ, такъ какъ письма Льва Николаевича къ Т. А. Кузьминской и къ ея родителямъ до сего времени не появлялись въ печати.

В. Нагорная,
рожденная гр. Толстая.

I.

Я знаю Татьяну Андреевну Кузьминскую съ малыхъ лѣтъ. Моя мать, графиня Марія Николаевна Толстая*, была дружна съ ея матерью, Любовью Александровной Берсъ, дочерью А. М. Исленьова. Эта дружба, какъ бы по наслѣдству, перешла и къ намъ. Татьяна Андреевна была подругой моего дѣтства, моей юности.

Хотя съ тѣхъ поръ прошло и много лѣтъ, но пережитое прошлое не забыто и живетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Постараюсь передать тѣ черты ея характера и факты изъ ея жизни, которые

* Сестра графа Л. Н. Толстого.

такъ ярко въ образѣ

Съ дѣтства теперь, бы здоровья. К чала крѣпн былъ очень чуткостью, ливость къ немногу положенію го ее силн беды, чѣмъ. Вообще вос и дисциплин

Таня уч тѣла много. бора, что п

Шестнад у сестры с лянская бл годовъ был ны того в всего и ра магизмъ.

Лень Ни писемъ пиш не увлекай жизнь впер го счастья

Въ друго «Бѣлопу

ли, а книш шей части ны. Какъ что съ тоб ственный ты уже не

Ея непос лась въ не тельности она ни дѣ въ хороше одолимая

По при и часто, у сама, за ч старшихъ.

— Ну, она имъ, душной, ко жаль его!

Этотъ о ча; онъ в предостере этомъ. Во 1863 году

«Таня, ва, одарен це: разъ от назадъ, и мученномъ

Въ нача вичъ част триархаль ный, моа безопасно царившая ему, уже влекала б ма описан Ростовыхъ

Моя те своей въ «Скажу

хочетъ с пятьдесят

Но пат описалъ н также и о увидимъ и ту ея Ал преобразж очень дру жаль домъ выданы ный хара

каленъ сестру. Л зыку, по

* Верх всегда въ

такъ ярко очерчены въ «Войнѣ и Мирѣ» въ образѣ Наташи Ростовой.

Съ дѣтства Тани, какъ я ее буду звать, теперь, была очень худенькая и слабого здоровья. Къ четырнадцати годамъ она начала крѣпнуть и быстро развиваться. Она была очень живого характера и отличалась чуткостью, вызывавшей въ ней участливость къ окружающимъ ее, чѣмъ по-немногу она завоевывала себѣ въ семьѣ положеніе общей любимицы. Вслѣдствіе этого ее сильно баловали и давали болѣе свободы, чѣмъ двумъ ея старшимъ сестрамъ. Вообще воспитаніе ея шло безъ строгости и дисциплины.

Таня училась плохо и неохотно, но читала много, все, безъ всякой системы и разбора, что попадалось ей подъ руку.

Шестнадцати лѣтъ, когда она гостила у сестры своей, графини Толстой, ясполянская библиотека съ журналами 60-хъ годовъ была ей открыта и, конечно, романы того времени нравились ей болѣе всего и развивали въ ней извѣстный романтизмъ.

Левъ Николаевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ ей: «Главное—будь умна и не увлекайся романтизмомъ. У тебя цѣлая жизнь впереди, и жизнь, общающаяся много счастья».

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Блюпушка* по тебѣ въ меланхоліи, а книги твои (съ подлинными, по большей части, романами), для насъ трогательны. Какъ только долго не пишешь, боюсь, что съ тобой сдѣлался какой-нибудь нравственный переворотъ, вслѣдствіе котораго ты уже не придешь къ намъ».

Ея непосредственная натура выражалась въ неудержимой веселости, впечатлительности и страстности во всемъ, что бы она ни дѣлала, какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ. Всюду чувствовалась непреодолимая жизненная энергія.

По природѣ своей она была кокетлива и часто, увлекаемая другими, она попадалась сама, за что ей сильно доставалось отъ старшихъ.

— Ну, какіе вы странные,—говорила она имъ,—я же не могу оставаться равнодушной, когда онъ любитъ меня. Мнѣ такъ жаль его!

Этотъ отвѣтъ смѣшилъ Льва Николаевича: онъ всегда зналъ про ея увлеченія, предостерегалъ ее и не разъ писалъ о этомъ. Вотъ отрывокъ изъ письма его въ 1863 году:

«Таня, милый другъ, ты молода, красива, одарена, мила. Береги себя и свое сердце: разъ отданное сердце нельзя уже взять назадъ, и слѣдъ останется навсегда въ измученномъ сердцѣ».

Въ началѣ 60-хъ годовъ Левъ Николаевичъ часто бывалъ въ семьѣ Берсъ. Патриархальная большая семья ихъ, несложный, молодой дѣвничій миръ трехъ сестеръ, безпечно веселая и любовная атмосфера, царившая тогда въ ихъ домѣ,—правилась ему, уже не говоря о томъ, какъ его привлекала будущая его жена. Этотъ типъ дома описанъ въ «Войнѣ и Мирѣ»—въ семьѣ Ростовыхъ.

Моя тетка, жена дяди, писала сестрѣ своей въ 1862 году:

«Скажу тебѣ по секрету, что Левочка хочетъ описать насъ, когда ему будетъ пятьдесятъ лѣтъ».

Но пятидесяти лѣтъ онъ не дождался и описалъ ихъ, будучи 36-ти лѣтъ. Описаны также и отношенія Тани къ матерѣ, что мы увидимъ впоследствии, и къ старшему брату ея Александру, который былъ тогда преобразившимся офицеромъ. Таня была очень дружна съ нимъ, и когда онъ прѣзжалъ домой въ отпускъ, то бесѣды, пѣнье, выѣзды носили еще болѣе оживленный характеръ. Онъ былъ очень музыкаленъ и часто заставлялъ пѣть свою сестру. Левъ Николаевичъ, любившій музыку, почти всегда аккомпанировалъ Танѣ.

* Верховая лошадь, на которой она всегда ѣздила.

«Дядя Митяй» (Волжские типы).—Рис. В. Е. Маковского.

Ея голосъ, манера пѣть, фотографически описаны въ «Войнѣ и Мирѣ».

Въ обществѣ она пѣла неохотно. Я какъ сейчасъ вижу ее, когда для лучшаго резонанса она становилась посреди зала, съ безжизненно опущенными руками, съ ссутуленностью, то незнаніе своихъ силъ и та средоточенно серьезнымъ лицомъ... Она пѣла, казалось, забывъ обо всѣхъ, кто слушалъ ее. У нея былъ рѣдкій по своему се-ребристому тембру голосъ, и нельзя было оставаться равнодушнымъ, когда она пѣла. тивъ его».

Помню, какъ однажды, находясь въ деревнѣ у друга дяди Левочки, Д...ва, Таня по просьбѣ всѣхъ стала пѣть въ залѣ стариннаго барскаго дома. Была свѣтлая майская ночь. Окна были раскрыты въ садъ и соловьи звонко, до смѣшного перекрикивали ея голосъ.

Между слушателями находился Афанасій Афанасевичъ Фетъ со своей женой Маріей Петровной. Таня пѣла романсы Глинки, Даргомыжскаго и другіе. Когда она перестала, то ее просили пѣть еще. Марья Петровна, подходя къ намъ, говорила:

— Вотъ увидите, что говубчику Фету (какъ она называла своего мужа, не выговаривая буквы л) не сойдетъ это даромъ, и онъ что-нибудь да напишетъ на этотъ поэтический вечеръ».

И дѣйствительно, на другое утро Фетъ принесъ написанное имъ ночью стихотвореніе и поднесъ его Танѣ. Приведу изъ него первыя строки:

Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ.
Лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ
огней,
Рояль былъ весь раскрытъ и струны въ
намъ дрожали,
Какъ и сердца за пѣсню твою.
Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты одна любовь, и нѣтъ любви иной,
И такъ хотѣлось жить, чтобъ только, до-
рогая,
Тебя любить, обнять и плакать надъ то-
бой, и т. д.

Послѣ этого вечера дядя Лева писалъ 25 мая 1865 года письмо Д...ову и Танѣ, приглашая своего друга Д. прѣхать крестить сына Илью. Въ концѣ письма онъ прибавляетъ:

«Фетъ пишетъ мнѣ, что онъ провелъ у васъ, по его словамъ, эдемскій вечеръ съ гитарой и соловьями, и что на этомъ вечерѣ Таня пѣла отъ 8 до 2 часовъ. Это нехорошо, и не вѣрно. Я знаю, ежели бы я тутъ былъ, то первый преступилъ бы предписаніе доктора Развѣтова, но такъ какъ меня не было, то дѣлаю за это выговоръ. До свиданія, милые друзья, съ нетерпѣніемъ жду васъ».

Л. Толстой».

Стихотвореніе это было напечатано гораздо позднѣе, а у Тани до сихъ поръ сохранилась рукопись Фета, поднесенная ей.

Наружность ея была довольно оригинальна и привлекательна. Темные, слегка вьющіеся волосы, тонкое лицо, большой ротъ и замѣчательно нѣжный цвѣтъ лица. Какъ игра тѣней быстро смѣняется на солнцѣ, съ такой же быстротой смѣнялось и выраженіе лица ея, что и составляло главную ея прелесть. Она была очень тонка и отличалась необыкновенной гибкостью и граціей движеній.

Съ дѣтства, несмотря на ея рѣзвость, она проявляла черты дѣловитости. Одинадцати лѣтъ она по собственному желанію выучила читать своего брата. Позднѣе она, уже по желанію отца, присутствовала при его серьезной операціи и вторично при томъ, когда правили сломанную руку дяди Левочки. Она ходила за нимъ, какъ сидѣлка.

Послѣ операціи, по возвращеніи мужа своего въ Яеную, тетя Соля пишетъ сестрѣ своей:

«1865. 14 сентября.—вечеръ».

«Милая Таня, не могу никакъ послать на почту, чтобы не написать тебѣ. Ты мнѣ стала еще во сто разъ милѣе, за всѣ твои заботы о Левочкѣ. Онъ мнѣ рассказывалъ, что ты была его писарь, и другъ, и служила ему, и другъ другу вы confidences дѣлали; я такъ рада, что вы были съ нимъ такъ близки и хороши. Я васъ обоихъ такъ люблю! Я понимаю, что много грустило стало тебѣ безъ него. Онъ напоминаетъ тебѣ собой нашъ миръ, который ты любишь, и онъ понималъ тебя лучше всѣхъ».

«Спасибо, душечка, и за письма, которыя ты писала мнѣ, и за себя, и за него».

«Напельдинеръ».—Рис. В. Е. Маковского.

Съ фот. Ксень. Глибовской.

УЛИЧНЫЯ СЦЕНЫ ВЪ СТАРОМЪ ПЕТРОГРАДѢ.
Рисунки изъ изданія строителя Исаакиевскаго собора, А. Монферрана, «Eglise cathédrale de Saint-Isaac», въ 1845 г.

Обѣдъ на баркѣ.

У «сбитенщика», пропавшаго теперь съ Петроградскихъ улицъ, гдѣ онъ продавалъ,—свой сбитень въ старые годы, литые изъ подслащенной патокой горячей воды.

П.
Первая любовь ея была къ ея кузену Кузминскому, теперешнему ея мужу, когда ей было 14 лѣтъ. У нихъ въ домѣ Александръ Михайловичъ Кузминскій былъ принятъ, какъ свой, и вѣдиль къ нимъ иногда въ отпускъ на Рождество и Пасху. Все въ домѣ его очень любили. Мать не обращала никакого вниманія на чувства дочери, говоря, что это дѣтское увлеченіе пройдетъ безслѣдно.

Но однажды Таня, при объясненіи съ кузеномъ, приблизивъ сначала къ его лицу свою большую куклу Мими и положивъ ему на плечо ея лайковыя руки, обнявъ руками шею его, поцѣловала его и потомъ, сосчитавъ, сколько лѣтъ осталось ему до выхода изъ училища, объявила, что она выйдетъ за него замужъ черезъ четыре года. Въ романѣ «Война и Миръ» между Наташей и Борисомъ эта сцена описана такъ:

«Поцѣлуйте куклу!»—сказала она. Борисъ покраснѣлъ. Какъ вы смѣли,—проговорилъ онъ, нагибаясь къ ней, еще больше краснѣя, но ничего не предпринимая и выжидая... Она вдругъ вожжила на кудку, такъ что стала выше его, обняла его обѣими руками, такъ что тонкія, голыя руки согнулись выше его шеи и, откинувъ двѣденіемъ головы волосы назадъ, поцѣловала его въ самыя губы...

— Наташа, вы знаете, что я люблю васъ, но...

— Вы влюблены въ меня?—перебила Наташа.

— Да, влюбленъ, но, пожалуй, не будемъ дѣлать того, что сейчасъ... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки.

Наташа подумала:

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...—сказала она, считая тономъ пальчикомъ.—Хорошо. Такъ кончено?

Когда вышла первая часть романа, озаглавленная тогда «1805 годъ», Поливановъ, другъ дѣтства ихъ и товарищъ брата по корпусу, пишетъ Танѣ:

«Верно вы прочли «1805 годъ»? Много нашли знакомыхъ? Нашли себя? Наташа-то вѣдь какъ напоминаетъ васъ! Да и въ Борисѣ есть кусочекъ меня, а въ графинѣ Вѣрѣ кусочекъ Елизаветы Андреевны*, и Софьи Андреевны** кусочекъ

есть въ Сонѣ. И Петя*. И свадьба-то наша съ Мимишкой тоже не забыта. (1865 г.): Я съ удовольствіемъ прочелъ все, но особенно сцену, когда дѣти вбѣгаютъ въ гостиную. Тутъ очень много знакомаго мнѣ. А поцѣлуй Наташи не взять ли тоже съ дѣйствительности? Вы, вѣроятно, рассказали ему, какъ облобызнули учителя вашего? Вамъ, вѣроятно, все лично знакомо, съ которыхъ слышалъ Левъ Николаевичъ, или у которыхъ шу онъ мнѣ просто говорилъ: «— Ты думаешь, ты у меня даромъ живешь? Я тебя всю записываю. Боюсь, опишетъ исторію съ Anatole*. Папа крайне недоволенъ, говорить: «Зна-

** Петръ Андр. Берсъ.

Вотъ отвѣтъ Тани на это письмо комы узнаютъ Таню, это повредить ей». «Мнѣ его романъ очень нравится. Все мнѣ, большей частью, читающимъ, отъ которыхъ я слышала сужденіе, или не нравится, или не понимаютъ Pierre'a. Поэтому еще вы думаете, что поцѣлуй Наташи взять лѣтъ времени учителя? Нѣтъ, это изъ времени Саши Кузминскаго». Скажу нѣсколько словъ о Митрофанѣ Андреевичѣ Поливановѣ: родители его, каторжники помѣщики, постоянно жили въ деревнѣ, а онъ воспитывался въ московскомъ корпусѣ и былъ принятъ въ домъ Берсъ, какъ родной. Это былъ умный, добрый и очень хорошей юности, въ высшихъ годахъ старше брата Тани, Александра. Онъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ въ отпускъ въ семью Берсъ, проводилъ у нихъ праздники, а иногда и часть лѣта. Таня была съ нимъ очень дружна и въ перепискѣ.

* Эпизодъ этотъ рассказанъ далѣе.

Покупаютъ завтракъ.

Школьные годы Тани шли своимъ чередомъ. Съ годами она все больше и больше любила свою мать и была съ ней очень откровенна. Любимые разговоры обыкновенно велись по вечерамъ, когда въ домѣ все стихало.

Въ 1862 году Любовь Александровна поѣхала съ дочерью въ Тульскую губернію въ деревню Ивицы, къ отцу своему.

Чтобы веселить юныхъ гостей, у Исленьевыхъ по вечерамъ собирались сосѣди и устраивали танцы. Дядя Левочка тоже пріѣзжалъ въ Ивицы и тамъ, какъ извѣстно, произошло первое объясненіе съ тетей Соней.

Въ этотъ самый вечеръ, когда всѣ легли спать, Таня прибѣжала къ матери съ письмомъ въ рукѣ и, присѣвъ на постель къ ней, начала говорить ей о томъ, что она ошибается, думая, что Лиза выйдетъ замужъ за Льва Николаевича, а что она навѣрное знаетъ, что это Соня. «Развѣ вы не видите, мама, что онъ съ ней глазъ не сводитъ?» Мать со вниманіемъ слушала болтовню ея, когда вдругъ Таня съ гордостью, протянувъ къ ней руку съ письмомъ, сказала:

— Мама, мнѣ сдѣлать предложеніе «маленькій» П... (маленькій—прозвище). Вотъ прочтите.

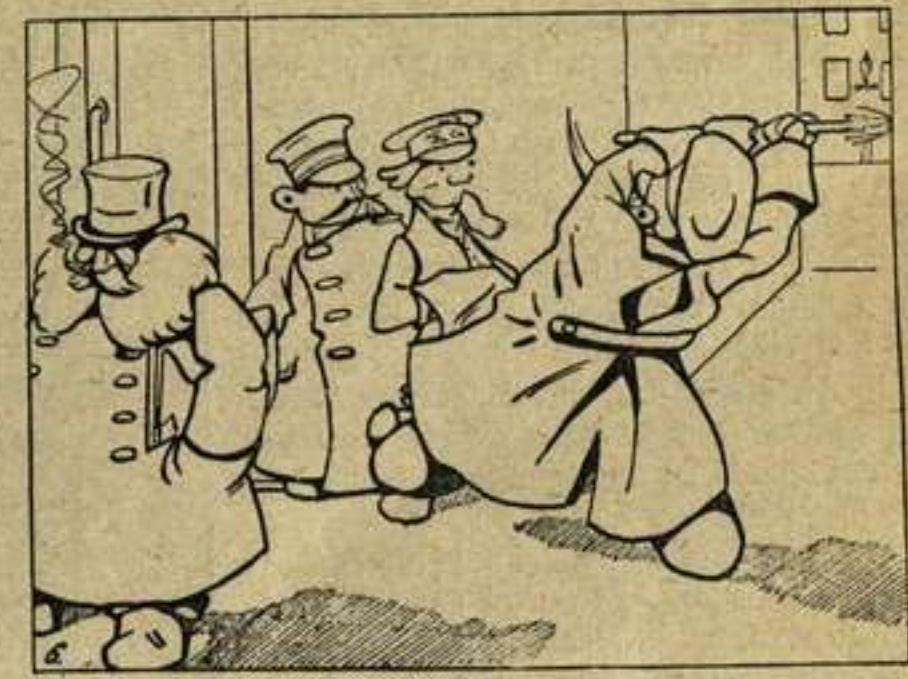
Крайне озабоченная своими старшими дочерьми и постоянными посѣщеніями Льва Николаевича, мать не сразу даже сообразила, что говоритъ ея любимица.

— Что ты говоришь?—спросила она.

— Я говорю, мама, что мнѣ сдѣлать предложеніе, прочтите письмо, видите въ концѣ написано: «Pouvez-vous faire mon bonheur éternel?»

* Старшая сестра Т. А. Кузминской.
** Гр. С. А. Толстая.

ЛЕКЦІЯ О ВОИНСКОМЪ ИСКУСТВѢ.
(Посвящается лицамъ, страдающимъ лекторскимъ зудомъ).

— Да тебѣ и 16 лѣтъ нѣтъ, онъ глупости ишьтегъ. Ты должна объ урокахъ думать, а не о замужествѣ,—сказала мать.

Но, видя гордость дочери и вспоминая о женихѣ и его юности, она стала неудержимо смѣяться, что и обидѣло Таню.

— Вотъ вы всегда такъ, мама... Что-жъ тутъ смѣшного?

— Ну, а Саша какъ же?

— Да такъ. Что же Саша? Я его очень люблю.

— А того какъ же?

— А того? Я не могу его обидѣть, мнѣ его тоже жаль.

— Да нельзя же такъ. Я сама нагнину ему, когда будетъ время, а теперь пойдю, ступай спать,—сказала, улыбаясь, мать.

Простившись съ матерью и поцѣловавъ ее руку, Таня убѣжала къ себѣ. Любовь Александровна осталась одна со своими мыслями и заботами о дочеряхъ.

Приведемъ письмо Тани къ Поливанову, написанное въ 1862 году. Къ сожалѣнію, уцѣлѣла лишь половина письма:

«Груши такъ и валяются, я ихъ все емъ, такіе сладкіе. Съесть большой, но хитрый Янинскаго. Вчера сижу съ дѣдушкой на балконѣ, вдругъ вижу подъѣзжаетъ le comte* на белой лошади. Я была очень рада и дѣдушка тоже. Намъ тутъ очень весело. Вчера вечеромъ были у насъ сосѣди и три барышни и молодежь, и мы танцевали. А завтра пикникъ. Только мама платитъ, какое я хотѣла, не велѣла брать, и мнѣ все въ бѣломъ приходится быть, такъ жалко. Вотъ я вамъ расскажу, что я вчера послѣ танцевъ забралась къ маме и показала ей письмо со стихами. Знаете его? Гдѣ въ концѣ написано: «Pouvez vous faire mon bonheur éternel?» И мама сначала разсердилась, а потомъ начала ужасно смѣяться. Не понимаю, что же тутъ смѣшного? Въ старину выходили замужъ 14—15

* За глаза сестры называли Л. Н.—ча le comte, по привычкѣ говорить съ матерью по-французски.

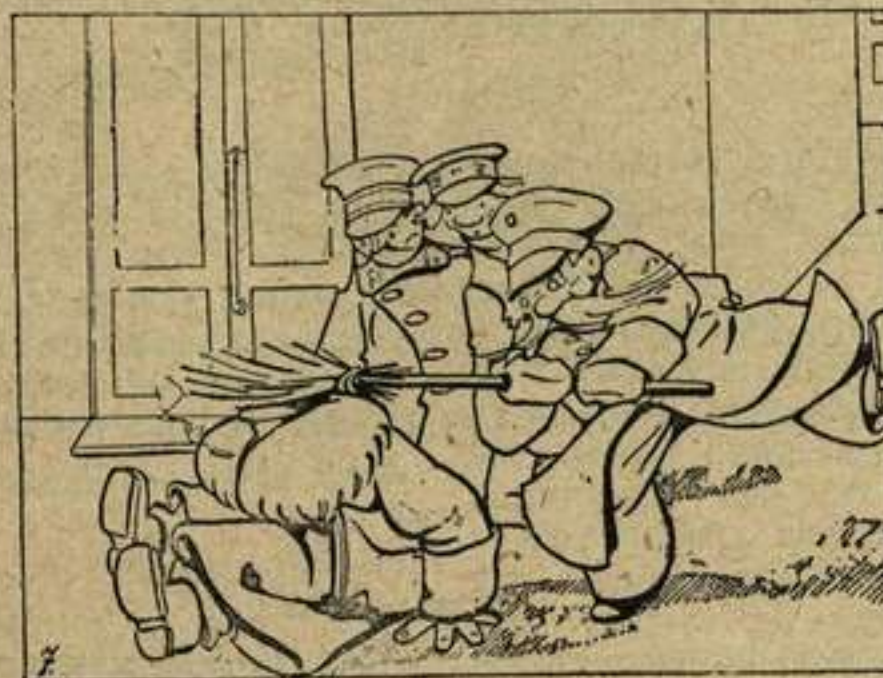

Рис. Энз—Эрв.

лѣтъ. Мама сама шестнадцати лѣтъ вы- Кузминскій, это нехорошо. А мама смѣетъ- шла замужъ. Но я, конечно, не собираюсь, ся и спрашиваетъ: «А Саша какъ же?» но, право, мнѣ жаль его. Онъ такой добрый, Право, точно Саша помѣшать можетъ. Саша мнѣ новые романы ищетъ, порученія все на совѣсьмъ особенное. А у насъ тутъ еще исполняютъ и такъ жалостно говорятъ: другое происходитъ: мама невинная, она «Amusez vous bien, mademoiselle Tatc, que ne видите. Помните, какъ le comte смѣ- ferai-je sans vous?» Я же знаю, почему вы ялся, когда я говорила въ Покровскомъ: все трюните надъ нимъ, а особенно Саша «Мама, вы не понимаете, вы невинная!»

Вотъ такъ и теперь. Лиза влюблена, Соня еще нѣтъ, а le comte на Соню все смотритъ, и когда мы груши собирали съ ней и онъ пришелъ. Я это навѣрное знаю и мамаша сказала. Впрочемъ вамъ и не надо это писать*. Прощайте, милый предметъ, зовутъ обѣдать. А тутъ за обѣдомъ казачокъ Митяка обмахиваетъ мухъ павлиньимъ перомъ. Ольга Исленьева очень хорошая, вамъ кланяется. У нея большая коса впереди положена, по модѣ, и ей это идетъ. Все наши вамъ кланяются. Пробудемъ здѣсь съ недѣлю.

Вашъ другъ Таша».

Въ романѣ разговоръ описанъ такъ:

«— Мама, мама, онъ мнѣ сдѣлалъ...»

— Что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ предложеніе,—кричала она.

Графиня не вѣрила своимъ ушамъ. Де-писовъ сдѣлалъ предложеніе. Кому! Этой крошечной дѣвочки Натаншъ, которая еще недавно въ куклы играла, и теперь еще брала уроки.

— Наташа, полно, глупости,—сказала она,—еще надѣясь, что это была шутка.

— Ну вотъ—«глупости!» Я вамъ дѣло говорю,—сердито сказала Наташа,—Я пришла спросить, что дѣлать, а вы мнѣ говорите: «глупости»...

— Ну, все-таки надо отказать.

— Нѣтъ, не надо, мнѣ такъ его жалко! Онъ такой милый».

Дядя Левочка, узнавъ объ этомъ письмѣ, очень потѣшался и дразнилъ Таню словами: «pouvez--vous faire mon bonheur éternel?»

Осенью того же года была свадьба Льва Николаевича. Таня, разставшись со своею любимой сестрой, очень грустила первое время. Съ нею оставалась ея старшая сестра Лиза, которая чрезвычайно ласково относилась къ ней, но различіе лѣтъ (Таня тогда не было еще шестнадцати) и различіе характеровъ мѣшало ихъ дружбѣ.

И съ тѣхъ поръ Таня уже мало жила дома, а все больше у сестры въ Ясной Полянѣ.

* Поливановъ былъ неравнодушенъ къ Сонѣ.

Сейчас послѣ свадьбы Таня писала сестрѣ своей, что она чувствуетъ и испытываетъ послѣ отъѣзда ихъ.

На это письмо дядя Левочка отвѣчаетъ ей, характеризуя ее такъ (1862, но ни года, ни мѣсяца не похѣчено):

«Мѣсто твоего письма, гдѣ ты пишешь о томъ, какъ тебѣ въ темнотѣ представляются Васенька и Поленька*, и я, и Соня безъ руки**, въ дорожномъ платьѣ—презлестно. Я такъ и увидѣлъ въ этомъ твою милую, чудную натуру, со смѣхомъ и фоновомъ поэтической серьезности. Такой другой Тани правда не скоро потрафишь, и такого цѣнителя, какъ

Л. Толстой».

Эту зиму Таня стала серьезно учиться пѣть и немного выѣзжать, что ее очень тѣшило.

Въ маѣ мѣсяцѣ отецъ Тани долженъ былъ ѣхать на недѣлю въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Чтобы развлечь Таню, онъ взялъ ее съ собой. Приготовлений и сборовъ было много. Укладывались нарядныя платья. Танѣ читались наставленія, какъ себя вести у тетюшекъ, которыхъ было много въ Петербургѣ, и изъ нихъ въ особенности внушила страхъ одна, начальница Николаевскаго института. Познакомившись съ Таней, она говорила про нее: «Elle est très gentille, mais elle n'a pas de tenue. Elle est trop vive».

Послѣ московской патриархальности, петербургская жизнь сразу охватила Таню. Блескъ, выѣзды, непривычная роскошь—все пришло къ ней.

Таню возили по роднымъ, которыхъ она раньше не знала. Отецъ ей, самъ занятый дѣлами, поручалъ ее тетюшкамъ. Онѣ старались веселить ее, возили ее по театрамъ, концертамъ и пр.

У одной изъ самыхъ милыхъ и любимыхъ тетюшекъ бывало много молодежи, въ томъ числѣ и ея дальній родственникъ, молодой человекъ Анатолий Ш., бывший лауреатъ. На праздахъ дальняго родственника онъ сразу началъ ухаживать за Таней. Шестнадцатилѣтняя наивная дѣвочка, такъ мало похожая на тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ привыкъ встрѣчать въ Петербургѣ, нравилась ему. Вовсю, цѣлѣ была она, бывала и онъ. И наконецъ, въ Михайловскомъ театрѣ, куда Таня была приглашена тетюшкой, онъ въ антрактѣ говорилъ ей такъ много лестнаго, такъ смѣло, непринужденно, какъ бы покровительственно относился къ ней, что Танѣ казалось, что этотъ «настоящій», что никто ее до сихъ поръ такъ не понималъ, какъ этотъ изящный, красивый человекъ. Ей нравилось прежде всего то, что ее считаютъ за большую и ухаживаютъ за ней. Танѣ казалось, что она давно уже знаетъ

* Профильсны, московскій губернаторъ и его жена, друзья дяди.
** Прическа того времени.

«Германія отправила въ Турцію большой составъ вагоновъ для перевозки войскъ въ Малую Азію». (Изъ газетъ).

— Вотъ ты, няня, говоришь, что дядя Вильгельмъ обо мнѣ заботится. Посмотри-ка: котокъ прислалъ, а яицъ пожалѣлъ!

его. Ее пугала и вмѣстѣ съ тѣмъ волновала эта близость, которая какъ будто создала вѣтъ той преграды отчужденности, установившаяся между ними. Ш. былъ которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Таня не сознавала, что дѣлалось съ ней, она чувствовала себя счастливой, увлеченной... Она писала сестрѣ своей:

«Соня, недѣля въ Петербургѣ—волшебный сонъ». Левъ Николаевичъ въ письмѣ своей жены прислалъ ей два слова: «Таня, зачѣмъ ты поѣхала въ Петербургъ? Петербургъ!...никъ». Левъ Николаевичъ и его жена звали Таню прѣхать къ нимъ на все лѣто, такъ же, какъ ея старшаго брата Александра. Они приглашали погостить и Александра Михайловича К. и молодого А. Ш., мать

въ «Войнѣ и Мирѣ» сказано объ Анатоли Курягинѣ и Наталш:

«Но, глядя ему въ глаза, она со стра-

которого дядя Левъ Николаевичъ знаетъ еще много раньше.

Пребываніе молодежи въ Ясной Полянѣ внесло большое оживленіе. Казальканды, катанія, прогулки, музыка и гдѣніе смѣшались одно другимъ.

Мой дядя Сергій Николаевичъ* тоже часто прѣзжалъ къ намъ изъ своего имѣнія Пирогова. Его очень любилъ и цѣнилъ дядя Левочка. И действительно, это былъ человекъ тонкаго ума, искренній, правдивый и очень изящный. Онъ слегка подомыслился надъ оживленіемъ, царившимъ въ Ясной Полянѣ, но самъ охотно прѣзжалъ въ немъ участіе. Онъ ѣздилъ съ нами на пикники, всегда внося что-то оное, оригинальное, гдѣ бы онъ ни находился.

Дядя Левочка, по обыкновенію, съ удивительнымъ добродушіемъ относился ко всемъ; молодежи всегда интересовалась его, но на этотъ разъ онъ и Соня критически отнеслись къ ихъ молодому гостю Анатолию Ш., видя Таню увлеченіе, которое они очень не одобряли. Въ деревнѣ, въ чистой здоровой атмосферѣ, его циничное уваженіе выстуало, какъ пятно на солнцѣ, и онъ долженъ былъ уѣхать изъ Ясной Поляны.

Левъ Николаевичъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ въ нескромномъ поведеніи Ш., рѣшилъ, наконецъ, удалить его изъ Ясной Поляны. Онъ велѣлъ заложить тарантасъ и безъ всякихъ объясненій послалъ человека сказать Ш., что лошади въ Тулу готовы. Железныя дороги тогда еще не было, и внезапный отъѣздъ въ Петербургъ былъ весьма затруднителенъ, но все-таки Анатолий былъ принужденъ уѣхать. Отъѣздъ его описанъ въ романѣ «Анна Каренина»:—«Васенька Веселовскій, сидя на сѣдѣ (на бѣду не было сидѣнія въ тарантасѣ), въ своей потлаидской шапочкѣ, подпрыгивая по толчкамъ, поѣхалъ по аллеѣ».

Таня первые дни была очень огорчена какъ отъ разлуки съ нимъ, такъ и отъ того, что чувствовала себя отчасти виноватой въ этой неспрѣятности. Но дядя и сестра ее такъ осторожно и съ такой добротой отнеслись къ ней, что она по-вемному успокоилась; къ тому же мать ее прѣехала въ Ясную къ родамъ Соня, чему она была несказанно рада.

В. Нагорная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Второго по старшинству братъ Льва Николаевича.

Редакторы: Б. А. Суворинъ. М. Н. Мазаяевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе книги женщины врача М. М. ВОЛНОВОЙ „КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“ по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ. Цѣна 80 коп. Складъ изданія въ книжн. магазинѣ „Новаго Времени“.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА, простудныхъ и ревматическихъ болей, дающъ Кефалдоль Дра (торъ). Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни А. Ю. ПИЛУДСКІЙ. НЕВСКІЙ, 96 (уголъ Надеждинской). Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр. Приемъ и быстрое выполненіе заказовъ на всевозможн. ювелирныя издѣлія. Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи. Телефонъ 168-96.

«Книгоизд. Т-во», Пггд. Невскій 158. В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ „ЗАКОНОДАТЕЛИ“, оккульт. ром. . . 2 р. 50 к. „МАГИ“ (изд. 3-ье) . . . . . 1 р. 50 к. „НОВЫЙ ВѢКЪ“ . . . . . 2 р. — к. „ЛАУТИНА“ (Нѣмецкое изданіе) . . . 3 р. — к. „СВѢТОЧИ ЧЕХІИ“ (Борьба за свободу) . . . . . 2 р. — к. Почтв. отавъ Академіи Наукъ. „БЛАЖЕННЫ НИЩЕ ДУХОМЪ“ . . . . . 2 р. — к. и др. окульти., истор. и бытов. ром. вымысл. паложки, платекъ. Катал. и просп.—бесплатно.

Г. ОФИЦЕРАМЪ ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ небывало СВѢТЛО и ДОЛГО горящіе. Петроградъ, МОРСКАЯ, 33. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбрѢТЕНІЙ. ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА: И. ДАВИДОВЪ Стихотворенія. Въ безъонину. — Призракамъ прошлаго. — Смы на яву. — Война. — Поэмы и стихотворенія. — Переводы. Цѣна 1 р. 50 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, Вольфа и др.

Въ апрѣльскихъ номерахъ „ВѢСТНИКА МОДЫ“ помѣщено: 160 рис. дамскаго и дѣтскаго туалетовъ, 43 выкройки, 74 рис. рукодѣлій съ узорами, въ натуральную величину, Военный ваемъ. Последняя ночь Іуды. Э. Гербардъ. Санда. Ряз. П. Бурже. Волѣни дѣтскаго возраста. Дра Винашъ. Гигіена лица. Де-Врустель. Пасха. Е. Николаевой. Чл-ства перчатокъ. Почтовый ящикъ. Журналъ за первую четверть года распоравъ. Открыта подписка съ 1-го марта на годъ,—6 р., 1/2 г.—3 р. 50 к., 1/4 г.—2 р. 25 к. Петроградъ, Итальянская, 16.

Журналъ за 1914—15 г., 85 коп. въ годъ: „БОДРСТВУЙТЕ, СЕ ГРЯДУ СКОРО“, о второмъ пришествіи Спасителя въ 1982-88 году и наступленіи Его 1000-лѣтняго царствія (Пророчество и Исторія). Дан. XII ст., откров. 7 гл., много пророчествъ на годы 1916—25 и 1917. М. Голышевскому, Романовскій, Куб. сб.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14413

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 23 АПРѢЛЯ (6 МАЯ) 1916 ГОДА.

№ 14413

НА ВОЙНѢ. — Дѣло подпоручика 3 Кавказскаго стрѣлковаго полка Воминова 23 декабря.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Крымскій альбомъ.

При въздѣ.

Въ цвѣту въпчальномъ была черешня,
Алѣсть персикъ, не отцвѣлъ миндаль...
А сквозь уборъ вѣтвей, живой и вѣшней,
Безбрежная синѣть моря даль.
И въ сердцѣ—ширь и дуновение моря.
Исцѣлена отъ страсти и тоски,
Душа цвѣтетъ—я, Югу тайно вторя,
Роняетъ грезъ цвѣтныя лепестки.

Никитскій садъ.

Гордость пальмъ. Лилловый цвѣтъ глициній.
Иглы кедровъ. Сѣрый листъ оливы.
Смѣлый очеркъ итальянскихъ пиній,
Горе древнихъ вавилонскихъ ивъ.

Словно въ сердцѣ, глубоко и обильномъ,—
Всѣ призванья, страсти и мечты!
Но надъ всѣмъ, однимъ дыханьемъ сильнымъ,

Рѣетъ власть единой красоты:
Здѣсь чудеса нежданнаго сочетанья —
Лишь науки царственной капризъ,
А душа, краса, очарованье—
Гордость Крыма, черный кланарисъ!

Тысячелѣтнее дерево.

Такъ вотъ оно, пресмыщенное славой,
Забыто смертью. Въ трещинахъ кора.

Командиръ Артиллерійской бригады ген.-майоръ Игорь Константиновичъ ТЕЛЕШОВЪ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Рисов. П. Шиповъ.

Страшилище, какой-то змѣй трехглавый!
Смолистыхъ оучьевъ странная игра.

Вокругъ него, покорно вѣшнымъ чарамъ,
Все въ зелени доврѣчливой давно.
Лучамъ тепла, въ своемъ упорствѣ старомъ,
Оно досель не вѣрилось одно.

Но жизнь сильнѣй, и скоро задымится
Оно листвою, и сквозь оковы сна
Какъ сердце въ немъ тревожно станетъ
Биться:

«Ужели вновь, еще одна весна!»
Ив. Тюржевскій.

Первое представленіе „Отелло“.

Къ 300-лѣтію со дня смерти Шекспира.

23 апрѣля исполнилось ровно триста лѣтъ со дня смерти Шекспира и Сервантеса.

Оба умерли въ одинъ годъ, въ одинъ день.

Но Сервантесъ почти въ шестьдесятъ лѣтъ создалъ свой литературный шедевръ, а Шекспиръ къ пятидесяти годамъ уже пересталъ быть поэтомъ.

Сервантесъ создалъ одинъ безсмертный типъ, а Шекспиръ—цѣлое человечество. О Шекспирѣ драматургъ, поэтъ, мысли-

СЪ ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ ХУДОЖНИКА Н. ТАВАСТШЕРНА.

«Первые привѣты лѣта».

Крейсеръ «Паллада».

тѣмъ исписаны горы книгъ, каждый годъ изыскивается о немъ что-нибудь новое, шекспировская литература, подобно рѣкѣ, течетъ неизмѣнно, и въ юбилейные года широко выходитъ изъ своихъ, уже успокоенныхъ, береговъ.

Существуютъ фанатическіе читатели-шекспиристы, фанатическіе шекспировскіе актеры, фанатическіе комментаторы Шекспира, своего рода кроты, роющіеся подъ текстомъ, для которыхъ комментаріи къ Шекспиру какъ будто дороже самого Шекспира, существуютъ скептики, сомнѣвающіеся въ самомъ авторствѣ Шекспира, наконецъ, существуютъ не только актеры, играющіе Гамлета, но и актрисы, надѣвающія траурные панталоны и траурный плащъ датскаго принца.

О Шекспирѣ-человѣкѣ извѣстно, въ сущности, очень немного.

Да, къ пятидесяти годамъ онъ пересталъ быть поэтомъ и сдѣлался просто мирнымъ обывателемъ. Какъ-будто вулканическая его натура выбросила все, что ей нужно было изъ себя выбросить, и затѣмъ вулканъ остылъ, что-то тлѣло еще въ немъ, не бушуя, не озаря больше яркимъ пламенемъ широкіе горизонты, и къ пятидесяти двумъ годамъ эта жизнь совсѣмъ угасла.

О Шекспирѣ-актерѣ мы тоже знаемъ немного. Знаемъ, что онъ не игралъ первыхъ ролей, и что лучшей его ролью считалась *Тимъ* въ *Гамлетѣ*. Было ли у него достаточно таланта для созданія самого Гамлета или для *Отелло*?

Или же талантъ Ричарда Бѣрбеджа былъ слишкомъ великъ и нечего было пытаться съ нимъ соперничать даже и при хорошемъ актерскомъ дарованіи?

Трудно думать, чтобы человѣкъ, обладавшій такой силой драматическаго поэта, надѣленъ былъ еще въ равной степени силой актера. Одно ослабляетъ другое.

Леонардо да Винчи имѣлъ необыкновенное количество дарованій: былъ и живописецъ, и инженеромъ, пѣвцомъ, музыкантомъ.

Изумительно! Но Вазари указываетъ на то, какъ много вещей Леонардо оставилъ неоконченными.

Не мѣшало ли именно разнообразіе талантовъ?

О Шекспирѣ-режисерѣ ничего неизвѣстно.

А, между тѣмъ, Шекспиръ былъ вѣдь не только драматургомъ и актеромъ, но и хозяиномъ театра, сначала *Black-Friars*, а затѣмъ и *Globe*. Онъ былъ не только поэтъ, но и человѣкъ театральнаго ремесла. Онъ и началъ — то свою театральную дѣятельность вызывальничкомъ кучеровъ знатныхъ

господъ по окончаніи спектакля. Это намъ, какъ въ Италіи болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Шекспира, Брунеллески, а затѣмъ номъ смыслъ слова: лаальщикъ. И, какъ уже и Рафаэль, Леонардо, Микель-Андрже-Викторъ Гюго, въ 1586 году до, творили чудеса декоративнаго и ма-шинно-театральнаго искусства, при Шекспирѣ и въ лучшихъ театрахъ Лондона вестрал юбка какой-нибудь актерской жены, надѣтая на щетку, изображала лошадь рыцаря или короля въ парадномъ чепракѣ, двѣ окрещенныя шпиги представляли собою сраженіе, а человѣкъ, вымазанный известкой, — стѣну, причемъ, если онъ раздѣлывалъ пальцы, это означало, что по стѣнѣ ползли ящеричи.

Какъ ставились пьесы Шекспира, мы тоже мало осведомлены на этотъ счетъ. Но не съ увѣренностью ли можно сказать, что онъ ими руководилъ, что онъ былъ именно режисеромъ?

Подумайте: онъ оставилъ такое изумительное наставленіе актеру въ «Гамлетѣ»!

Вѣдь это настоящая заповѣдь и для актера, и для режисера.

Сколько разъ она забывалась и забылась, но вѣдь на то и заповѣди, чтобы не только ихъ исполнять, но и нарушать.

Мы знаемъ, что шекспировскій театръ сдѣланнаго времени стало, выражаясь вѣднше очень бѣденъ, и въ то вре-

мя, какъ въ Италіи болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Шекспира, Брунеллески, а затѣмъ творили чудеса декоративнаго и машинно-театральнаго искусства, при Шекспирѣ и въ лучшихъ театрахъ Лондона вестрал юбка какой-нибудь актерской жены, надѣтая на щетку, изображала лошадь рыцаря или короля въ парадномъ чепракѣ, двѣ окрещенныя шпиги представляли собою сраженіе, а человѣкъ, вымазанный известкой, — стѣну, причемъ, если онъ раздѣлывалъ пальцы, это означало, что по стѣнѣ ползли ящеричи.

Конечно, это возбуждало нерѣдко смѣхъ публики, державшей себя вообще болѣе скромно, встанъ Шекспиръ изъ могилы, онъ былъ бы восхищенъ нашей театральнаю обстановкой, хотя дѣлать имъ исполнять, но и нарушать. Мы знаемъ, что шекспировскій театръ сдѣланнаго времени стало, выражаясь вѣднше очень бѣденъ, и въ то вре-

шескспировскими же словами, нерѣдко «ужасно подражать природѣ», утрачивая искусство писать перспективу, воздушность линий, впадая въ тяжелую крикливость красокъ, часто преподнося такую мазию, о которой съ наивнымъ ужасомъ говорилъ московскій театральныи сторожъ, встрѣтившійся какъ-то на улицѣ съ отставнымъ управляющимъ московскими театрами Пчельниковымъ (нынѣ покойнымъ):

— Ваше превосходительство, кабы вы зашли да заглянули въ декорационную! Вѣдь погами пипутъ. Истинный Богъ! Вотъ словно полотеры полы патираютъ.

Вѣднше фея Иллюзія отсутствовала на подмосткахъ шекспировскаго театра, вѣднше ея средства уже черезчуръ были наивны.

Но зато эта фея Иллюзія присутствовала во всемъ своемъ блескѣ въ самомъ содержаніи, въ языкѣ пьесъ этого гостріона Шекспира, она царила тутъ, эта фея Иллюзія, и въ области дѣйствительности и въ области самой причудливой фантази: цѣлая англійская исторія выходила на сцену, древній Римъ поднимался изъ гробовъ, воздушный Аріэль поселялся въ воздухѣ, старый Лиръ терялъ свое царство изъ-за страшной болѣзни — тинертрофи самовластія, льва *Отелло* съѣдалъ паразитъ Яго, гибла невинная Корделія, леди *Макбетъ* приковывалась къ своему пятну, какъ каторжницъ къ тачкѣ, и *Прометей* провидѣлъ лучшее будущее человечества.

Какая иллюзія!

И безъ декораций, при смѣшныхъ вѣдншихъ средствахъ театральнаю обстановки, сколько воображенія должно было быть у поэта, чтобы создать эту иллюзію, и сколько живого чувства, живого воображенія у публики, чтобы въ эту иллюзію повѣрить.

Вѣдь публика вѣрила. Куда же живѣе она была, чѣмъ мы.

А вѣдь такъ было.

Вѣдь такіе стихи, какъ эта элегія, написанная на смерть актера Бѣрбеджа, могли быть написаны только тѣмъ, кто переживалъ незабываемыя впечатлѣнія отъ игры артиста, кого онъ трогалъ, потрясалъ.

Въ этихъ стихахъ перечислены всѣ роли Бѣрбеджа въ драмахъ Шекспира, но въ особенности выдѣлена роль *Отелло*: «Не забудемъ главную его роли, въ которой онъ больше, чѣмъ во всемъ остальномъ, трогалъ сердца: роли несчастнаго Мавра».

И вотъ опять она, фея Иллюзія, безъ вѣдншихъ средствъ, во всей своей силѣ. Бѣрбеджъ вѣдь былъ малорослый и толстоватый (какъ и нашъ Мочаловъ). Какъ будто вѣдь и не идетъ къ герою *Отелло*? Быть можетъ, и своего датскаго принца ради фигуры Бѣрбеджа авторъ сдѣлалъ преждевременно тучнымъ? Но вотъ этотъ

КЪ ИСТОРИИ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИРЪ».

Татьяла Андреевна БЕРСЪ (въ замужествѣ — Нузминская), — «Наташа Ростова».

Ген.-отъ-инф. Петръ Александровичъ ФРОЛОВЪ, назначенный 5 апрѣля товарищемъ военнаго министра.

Поручикъ Пророковъ, награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ, контуженъ.

Бѣрбеджъ трогаетъ сердца въ роли несчастнаго Мафра. Онъ именно тогда, на подмосткахъ зачаточнаго театра, не комедіантствуетъ, а человѣчно передаетъ трагедію несчастнаго человѣка, убившаго любимую женщину.

Вѣдь ужъ, конечно, не только одинъ Отелло въ изображеніи Бѣрбеджа, но и Шекспиръ. Конечно, Бѣрбеджъ не только слушалъ чтеніе пьесы своего друга и соговаривалъ, но и совѣтуется съ нимъ и ренетируетъ подъ его наблюденіемъ. Его талантъ далъ ему средства изображенія, но наблюдательность Шекспира при подготовкѣ, конечно, тутъ работаетъ въ полнѣйшей мѣрѣ. Какъ авторъ, онъ можетъ поработать и неожиданно для самого себя тѣмъ эффектомъ, который производитъ роль Отелло въ изображеніи Бѣрбеджа, но это, внутреннее-то, эта трагедія не Шекспиромъ и вѣрно воплощена Бѣрбеджомъ.

Сестра милосердія В. А. Линевичъ, награждена Георгиевскою медалью 4 ст.

Сестра милосердія Т. А. Линевичъ, награждена Георгиевскою медалью 4 ст.

А подумайте: объ одномъ только цвѣтѣ лица Отелло существуетъ цѣлая литература. Шлегель, нужно сказать, съ тупостью истаго Пѣнца, доказывалъ негритянское происхожденіе Отелло, выводилъ весь смыслъ трагической его судьбы изъ наказанія свыше за смѣшеніе двухъ расъ: черной и бѣлой.

Трагедія Шекспира гораздо яснѣе, проще, человѣчнѣе, нежели измышленіе Шлегеля, его морализированія и желанія, что называется, выдумать и тутъ обезьяну.

Туповатый, хотя и знаменитый, Нѣмецъ Шлегель—изъ вѣжливой и чистой любви Дездемоны, полюбившей Отелло «за муки», готовъ сдѣлать, по справедливому заключенію Франсуа Гюго (сына поэта, знаменитаго переводчика Шекспира), какую-то любительницу салыныхъ опущеній, кинувшуюся въ объятія Кафра.

Эпитеты «черный», «толстогубый», которыми не разъ награждаютъ въ пьесѣ Отелло, заставляли въ некоторыхъ критичность, и помимо Шлегеля, и въ некоторыхъ актеровъ изображать Мафра-Отелло чернокожимъ.

Кольриджъ былъ совершенно иного мѣнія, а Франсуа Гюго блестяще разъясняетъ слово «black» (черный), которымъ награждаютъ въ пьесѣ Отелло и которымъ руководились въ некоторые критики и актеры, желавшіе видѣть въ Отелло Негра.

Всѣ советы Шекспира посвящены одной женщинѣ и вездѣ цвѣтъ ея лица опредѣляется словомъ «black». («Клянусь, что сама красота черна, и дурны всѣ тѣ, у кого нѣтъ цвѣта твоей кожи»)*.

* Т. е. «black» нужно здѣсь понимать въ смыслѣ смуглый.

Но Шекспиръ вѣдь не былъ влюбленъ въ негритянку и не воспѣвалъ прелестей женщины черной, какъ сака, съ расплюснутымъ носомъ и съ отвѣсными губами.

Сохранилось описаніе перваго представленія «Отелло».

Правда, нѣтъ въ немъ ничего касающагося игры актеровъ и не говорится о впечатлѣніи, произведенномъ пьесой, но сохранилось описаніе мѣста дѣйствія, нѣкоторыя имена присутствовавшихъ и объясненіе причины этого блестящаго спектакля d'occasion.

«Королевѣ Елизаветѣ было семьдесятъ лѣтъ. Она была печальна. Она неустанно думала о казненномъ любимцѣ графѣ Эссексѣ, и это воспоминаніе овладало ею, какъ тяжелое угрызеніе совѣсти. Въ началѣ 1602 года она говорила французскому послу Бомону, что устала отъ жизни.

«Придворные всячески ухищрялись развлекать тоскующую повелительницу, вовлекали ее въ участіе на балахъ, какъ бы желая увѣрить въ вѣчной молодости,—и старая королева танцевала.

«Въ теченіе всего лѣта 1602 г. дворъ веселился, чтобы веселить Елизавету: концерты, банкеты, всевозможныя galas следовали одинъ за другимъ.

«Лордъ-камергеръ исполнилъ программы всевозможныхъ удовольствій: охоты, танцы на лужайкахъ, катанья въ золоченыхъ каретахъ. Но королева была печальна.

«Тогда дворъ сдѣлалъ послѣднее усиліе. «У одной знатной дамы, графини Дэрби, вышедшей замужъ вторымъ бракомъ за богача сэра Томаса Эдвардса, явилась мысль дать въ честь королевы праздникъ, который напомнилъ бы ей былыя, чудныя празднества Кенильворта.

«И вотъ, въ своемъ замкѣ Гарфильдъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона, лэди Дэрби устроила спектакль: первое представленіе новой пьесы, которую должны были разыграть актеры труппы лорда-камергера.

«Эта новая пьеса принадлежала перу Вильяма Шекспира и называлась: «Отелло, Венеціанскій мавръ».

Сохранился и счетъ расходовъ въ замкѣ Harefield по случаю празднествъ,

дѣившихся въ честь королевы три дня, и между прочимъ уплата десяти ливровъ Бѣрбеджу и его труппѣ за «Отелло».

Сохранились и имена зрительницъ, составившихъ блестящій партеръ перваго представленія «Отелло».

Картина блестящая, пужно думать—чарующая прелестью женскихъ лицъ, лебединыхъ шей, мраморныхъ плечъ и изысканныхъ придворныхъ туалетовъ.

Блестящая и въ то же время какая-то мрачная и, быть можетъ, поучительная картина?

На первомъ мѣстѣ семидесятилѣтняя королева, эта дѣйствительница Елизавета, все изглоданная муками ревности, вѣчныхъ подозрѣній, страшными воспоминаніями.

На сценѣ несчастный Отелло, во власти «чудовища съ зелеными глазами»—ревности, педливая, невинно-казненная имъ Дездемона—и передъ очами королевы, въ ея воображеніи, вѣчто болѣе страшнаго,—нежели этотъ театралъ труппы: отрубленная голова графа Эссекса.

Мысль лэди Дэрби, можетъ быть,

Новый американскій посолъ сэръ Д. Р. ФРЭНСИ.

ВЪ ТРАПЕЗУНДѢ. (См. № 14397 «Новаго Времени»).

Замѣчательный памятникъ старины въ Трапезундѣ—храмъ св. Софїи въ западной части города, построенный въ XIII или XIV в., на фундаментѣ языческаго греческаго храма. Въ 1695 году св. Софїа была обращена въ мечеть.

Развалины дворца великихъ Комниновъ въ Трапезундѣ. Послѣ завоеванія Константинополя латинянами въ 1204 году, одинъ изъ князей династїи Комниновъ, Алексѣй Комнинъ, основалъ въ сѣверо-восточной части Малой Азїи независимую имперїю, со столицей въ Трапезундѣ.

Аллея на греческомъ кладбищѣ въ Трапезундѣ.

«Серра»,—лазскій танецъ. Лазы—жители юго-восточныхъ береговъ Чернаго моря (Лазистана), отличающіеся воинственностью.

Танцующіе берутъ другъ друга за руки и образуютъ большой кругъ. Съ оружіемъ въ рукахъ, подъ звуки барабана и флейты, они производятъ ритмическія движенія, изображая различные моменты битвы съ воображаемымъ врагомъ. Этотъ танецъ очень увлекаетъ путешественниковъ.

была и не изъ удачныхъ? Представленіе, быть можетъ, я не поправилось, Елизаветъ? Пьеса повергла, быть можетъ, ее въ еще большую мрачность? А, быть можетъ, муза несчастнаго Отелло, до известной степени, отвлекла отъ королевы ея живыхъ мужи?

Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Но, не правда ли: какая картина для кисти художника это первое представленіе Отелло?

И. Вильде.

Оригиналъ Наташи Ростової въ романѣ „Война и Миръ“ *

III.

Въ началѣ іюня вся молодежь, кромѣ Тани, уѣхала изъ Ясной Полянъ, и послѣ

* См. № 14400 «Нов. Времени».

ихъ отъѣзда стало тихо. Левъ Николаичъ занимался пчелами и хозяйствомъ, Соня * весело и бодро ожидала великаго сожеть, ее въ еще большую мрачность? бытія для каждой матери—перваго ребенка. Двадцать восьмюго іюня родился сынъ Сергѣй, и всѣ посторонніе интересы отошли въ сторону.

Таня большую часть дня проводила въ библиотекѣ за чтеніемъ или же съ матерью. По вечерамъ она ѣздила верхомъ, почти всегда съ дядей Сергѣемъ **, который все чаще и чаще бывалъ въ Ясной Полянѣ. Не разъ и я и сестра моя ѣздили съ ними. Эти чудные, лѣтніе вечера остались у меня въ памяти.

Въ жаркіе дни мы обыкновенно выбирали лѣсныя дороги. Мы проѣзжали самыя красивыя мѣста застройки, этого казеннаго, вѣкового лѣса, который при за-

* Гр. Софья Андреевна Толстая.

** Гр. Сергѣй Николаевичъ Толстой.

Типы трапезундскихъ христіанъ-Грековъ.

Первый министр Сербіи, НИКОЛА ПАШИЧЪ.
Къ посѣщенію Петрограда: а этимъ видѣвшимъ политическимъ дѣятелемъ южнаго славянства.

катъ солнца казался еще величественнѣе къ старшему, хотя, когда онъ долго не и краснѣе.
Дорогой мы весело болтали. Къ Танѣ спрашивала Льва Николаевича: вернулась ли прежняя живость и беззаботная веселость.
Дядю Сережу ткнуло въ Ясную Поляну. Онъ прѣзжалъ на одинъ день, а оставался гораздо дольше. Иногда онъ ее и скажетъ: «Не знаю». Конечно и онъ, привозилъ съ собой десятилѣтняго сына и Соня замѣчали ихъ обоюдное увлеченіе, Гришу. Мы любили возиться съ нимъ, но сама Таня еще не сознавала этого. Дядя Ганя сажала его сзади себя на лошадь, мы ходили съ нимъ за грибами и играли съ нимъ.
У Сергѣя Николаевича была въ теченіе 15 лѣтъ семья отъ цыганки, прекрасной женщины. Дядя любилъ свою семью, но жаль съ ней врозь: самъ въ своемъ имѣніи Пироговѣ, а семья въ своемъ увлеченіи, обвиняя себя во всемъ. Тутъ.
Таня относилась къ дядѣ Сережѣ какъ * О немъ въ предыдущей главѣ.

ВЪ АНГЛІИ.

Принцъ ГЕНРИ, сынъ короля Георга, воспитанникъ Итонскаго колледжа, принимаетъ участіе въ бѣгѣ съ препятствіями.

У НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Королевичъ сербскій АЛЕНСАНДРЪ на Верденскихъ позиціяхъ. Президентъ республики ПУАНАКАРЪ даетъ объясненія королевичу. По правую руку президента—генералъ ИОФФРЪ.

А онъ говорилъ: «Вы ни въ чемъ не можете быть виноваты въ 17 лѣтъ».

Таня не могла не чувствовать въ дядѣ Сережѣ прасосходства во всѣхъ отношеніяхъ сравнительно съ другими людьми, которыхъ она встрѣчала до сихъ поръ.

Бывало, сидимъ мы съ ней въ липовой аллеѣ стариннаго парка, посаженнаго еще моимъ предкомъ Волконскимъ. Выковылины едва пропускали лучи горячаго польскаго солнца, и мы сидимъ молча подъ впечатлѣніемъ этой чарующей тишины. Но вдругъ послышится издали эонъ бубенцовъ. Таня измѣнится въ лицѣ, глаза заблестятъ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, лицо поворотится нѣжнымъ румянцемъ, она прислушается... бросится ко мнѣ на шею и шепчетъ: «Это Сережа!»

И дѣйствительно, между деревьями по проспекту промелькнетъ его коляска, и мы увидимъ въ экипажѣ его сутуловатую, высокую фигуру въ мягкой коричневой шляпѣ.

Таня домой не идетъ, а поспѣетъ по аллеемъ сада и неистово кричитъ: «Варичка! Какъ я тебя люблю! Какъ я очастлива! Вара, я сейчасъ улечу. Хочешь?»

И она легко вспрыгиваетъ на скамеечку, поднимаетъ къверху руки и дѣлаетъ видъ, что летитъ.

Мать моя *, очень любившая Таню, не могла не замѣтить этого сильнаго вліянія, которое она, какъ старшая, имѣла на насъ. Въ виду нашей молодости, мамаша боялась этого вліянія.

Помню, какъ однажды она внезапно увезла насъ въ Пирогово, говоря, что кокетство и легкомысліе Таня въ особенности дурно вліяетъ на меня, сильно любившую ее и инстинктивно подражающую ей.

Но, проживъ нѣкоторое время дома, мамаша начинала скучать по Ясной, а въ особенности по Танѣ, которая привлекала ее своимъ нѣжнымъ и живымъ характеромъ. Тогда она говорила намъ:

— Видишь вотъ эта Таня просто сирена: видишь ее—осуждаешь, а уйдешь—тоскуешь къ ней, скучно безъ нея.

И мамаша снова приказывала запрягать коляску, и мы, въ нашей общей радости, возвращались въ Ясную, гдѣ жизнь была настолько пріятна и содержательна, что оставила во мнѣ лучшія воспоминанія.

Дядя Сережа продолжалъ бывать въ Ясной Полянѣ. Всѣ домашніе стали замѣчать его чувства къ Танѣ, но молчали, недоумѣвая, что-то будетъ, зная про его семью.

* Сестра Льва Николаевича, гр. Марія Николаевна.

Ротмистръ В. Н. ЗЕНЕНКОВЪ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и орденомъ св. Георгія 4 степени. Убитъ въ конной атакѣ.

Онъ говорилъ брату: «Левочка, Таня оааоно мила. Мнѣ не надо бывать у застѣ». Не знаю, что отвѣтилъ ему на это дядя.

Какъ-то разъ тетенька Татьяна Александровна и тетушка Пелагея Ильинична собрались въ Пирогово—имѣніе моей матери. Таня поѣхала съ ними.

Капитанъ Н. Н. САЛАМАНОВЪ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и орденомъ св. Георгія 4 степени.

ИЛ СЦЕНЪ ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА («МАЛЫЙ») ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

«ЖЕНЩИНА И СЕРГАЛО», пьеса молодого итальянскаго драматурга Нино Оксилла.—1-е дѣйствіе драмы, во время карнавала въ Венеціи. Сцена «танго»: посреди—А. А. Суворина (Марія Лучіани) и г. А. Бенефи; налѣво, у стола,—Б. С. Глаголинъ (Джини Косилліа); направо на переднемъ планѣ—г-жа Е. Валерская и г. Боронихинъ.

Съ фотогр. Я. Либерта, фотографа театра.

Дядя Сережа, узнавъ объ ихъ прѣздѣ, поспѣшилъ къ нимъ и за обѣдомъ предложилъ Танѣ ѣхать въ кабриолетѣ осматривать его усадьбу. Таня просила позволенія у тетушекъ ѣхать съ дядей Сережей. Они выѣхали вечеромъ, не замѣчая надвигавшейся темной тучи. Прѣхавъ въ усадьбу и наскоро ободдя садъ, они были принуждены войти въ домъ, такъ какъ пошелъ крупный дождь и разразилась гроза. Передъ каждымъ ударомъ грома молнія освѣщала полутемную комнату, гдѣ они сидѣли. Въ окнахъ дрожали рамы. Таня сильно боялась грозы. Дядя Сережа не отходилъ отъ нея. Домой ѣхать было невозможно, такъ какъ усадьбу моей матери отъ дядиной отдѣляла рѣка. Мы же тогда были въ другомъ имѣніи. Тетушки очень беспокоились, что отпустили Таню безъ себя. Но послать за нею не было возможности. Хотя гроза и прошла, но дождь лилъ немилосердно.

Этотъ вечеръ былъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній для Тани и дяди Сережи. Хотя все, о чемъ говорили они, и было незначительно, но, какъ это бываетъ, все сказанное въ этотъ вечеръ носило свой особый отпечатокъ чего-то новаго. Таня, сидя на окнѣ, рассказывала, какъ осенью въ Ясной Полянѣ они бѣжали на охоту, и сестра ея съ лорнетомъ въ рукахъ, подозривъ лежачаго зайца и чуть не наѣхала на него.

— И вѣдь вы знаете, Соня желала, чтобы онъ ушелъ отъ собакъ,—смѣясь говорила она.—Ей было жаль его.

Таня вспоминала, какъ однажды она заблудилась въ лѣсу и долго бродила въ немъ. «И какія таинственныя мѣста съ оврагами попадались мнѣ,—рассказывала она,—и этотъ лѣсъ мы называли Швейцаріей, и страшно было, и такъ хорошо... Вы этого чувства не понимаете,—говорила она, волнуясь при этомъ воспоминаніи, вызванномъ въ ней этой грозовой ночью,—а я не умѣю рассказать» *.

Въ романѣ «Война и Миръ» написано:

* Изъ письма Т. А. К. къ другу ея дѣтства Поливанову.

«Князь Андрей успокаивалъ ее, говоря, что онъ понимаетъ, и дѣйствительно, онъ понималъ все, что она хотѣла сказать. Таня была недовольна своими словами и она такъ любила въ ней. Безъ объясненія въ любви, они чувствовали ту близость и единеніе душъ, которыя и безъ словъ понимаютъ другъ друга. Это

А дядя Сережа молча слушалъ Таню, не зѣвая въ будущее счастье, которое возмѣнитъ, поднимаетъ челювѣка и дѣлаетъ его лучше и добрее.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» сказано: «Эту душу ея, которую какъ будто связывало тѣло, эту-то душу я и любилъ въ ней»,—думалъ Волжонскій про Натану.

На второй день погода измѣнилась къ лучшему, и тетушки вернулись въ Ясную Поляну. Соня еще не совсемъ оправилась. Дядя Левочка подробно рассказывалъ, что они дѣлали въ Пироговѣ и о чемъ говорили. Таня ему все рассказала.

Приведемъ письмо Тани, которое она пишетъ другу своему Поливанову:

«Дорогой предметъ *», получила письмо ваше. Вы спрашиваете какъ здоровье Соня? Теперь ей лучше, она встаетъ, но еще бѣдна. Знаете, я вѣдила за докторомъ Шмигаро въ Тулу и привезла его. Мы ѣхали въ каретѣ 15 верстъ и я, и онъ все время молчали, а Левочка встрѣтилъ насъ на проспектѣ, и я, смѣясь, говорю ему: «Знаешь, это мы первое слово говоримъ во всю дорогу». Онъ засмѣялся и говоритъ доктору: «Какова, выдержала! Это вѣдь ея манера не разговаривать дорогой».

Шмигаро—добрый, толстый, неуклюжій и точно вѣчно спитъ. Кабы я была больна, я бы ему не вѣрила. Левочка не въ духъ, Сережа кричитъ, няня все ходитъ и баюкаетъ его, и это замѣчательное не то пѣніе, не то мычаніе такъ переноситъ меня въ Покровское, гдѣ мы жили около дѣтской—три дѣвы. Моя комната тоже около дѣтской... Расскажу вамъ, милый предметъ, какъ я была въ Пироговѣ съ двумя тетеньками. Поддали большую карету. На крыльцо вышли: Алексѣй, Дуниша и Нат. Пет. Я живо прыгнула на козлы. Тетенька говоритъ: «Таня, descendez, ce n'est pas bien à une demoiselle de rester avec le cocher», а тутъ пришелъ Левочка и говоритъ: «Пускай ее, тетенька, для нея законы не писаны». Мы поѣхали. Пирогово

* Таня всегда говорила, что Поливановъ предметъ ея дружбы, и такъ прозывала его.

Яновъ Алексѣевичъ ПЛЮЩЕВСКІЙ-ПЛЮЩИНЪ, юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ, членъ медицинскаго совѣта. † 10 апрѣля.

Я. А. Плющевскій выступалъ и на литературномъ поприщѣ и былъ виднымъ дѣятелемъ въ театральной области. Главнымъ образомъ благодаря ему были разрѣшены спектакли по субботамъ и въ Великомъ посту. Онъ былъ неоднократно избираемъ въ члены Императорскаго Театральнаго Общества. Имъ переведено много пьесъ преимущественно французскихъ драматурговъ и передѣланъ въ пьесу романъ Ф. М. Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе».

См. № 14402 «Нов. Вр.».

40 вереть
нашего ста
ла, караме
С. Н., когд
ченька. Въ
ромъ Мар
ѣбду прѣ
плохой и т
безъ изом
ла меня
лабрилет
за смотрѣ
А потомъ
и рѣка на
нелъ дожд
чай. И я р
думчикъ
«другъ гов
Вы такъ м
ла, что ми
инятъ, пот
умѣхуася
счастье з
Инь каже
дѣвнать и
«Вдругъ
ему и ви
же блеск
ромъ—уж
чила. Ужа
ко мнѣ и
диль все в
на страхъ
такъ какъ
этуго вѣч
знала его
наше дѣт
изла въ
лась, и Со
брядила до
рошо. Сар
кольскіе м
«Про ох
про Анат
вечера, не
воцалъ.
«Ахъ п
черкнуть
Анатолем
«Мы о
спать мнѣ
грѣза ути
говорить.
«Какъ
ли! Это
Левочка
невозмо
глупость.
Пироговѣ
«Проц
ничому п
Прибл
долженъ
свое кур
зайством
Въ де
книгами
ла, за не
Они п
шли въ
съ больш
ихъ гул
Они п
были со
мысли, к
не долж
Въ кол
ныхъ ш
вилотну
школьн
стулья.
— На
ла Тани
тогда п
Слова
какъ бу
должно
* Бра

«О вереть отъ Ясной. Дорогой я угощала нашего стараго кучера, рыскаго Индрюшкина, карамельками, чѣмъ очень потѣшался С. Н., когда ему объ этомъ рассказала тетенька. Въ Пироговъ мы остановились въ домѣ Марьи Ник., домъ былъ пустой. Къ обѣду прѣхалъ Серг. Ник. Обѣда была плохой и тетенька ворчала, что компотъ безъ изюма... Послѣ обѣда тетенька пустила меня въ имѣніе С. Н. Мы побѣжали въ габриолетъ. Когда мы прѣхали, я побѣжала смотреть домъ. Домъ большой, старинный. А потомъ пошли въ садъ, и садъ старинный, и рѣка вдали. Но запрѣмьль промь и пошелъ дождь, и мы вошли въ домъ. Подали чай. И я разливала. Онъ былъ какъ-то задумчивъ и все наблюдалъ за мной, и вдругъ говоритъ: «Вамъ скучно со мной. Вы такъ молоды, а я старъ». Я ему сказала, что мнѣ весело и хорошо съ нимъ, потому что онъ все понимаетъ, а онъ усмѣхнулся и говоритъ: «Не всякому счастье знать и понимать именно васъ. Никъ кажется, что дома васъ не дозволено дѣвять и не понимаютъ, какая вы».

«Вдругъ стало темнѣть, я побѣжала къ нему и вижу—низкая, темная туча и тутъ же блеснула молнія и вслѣдъ за нею громъ—ужасный. Я вскрикнула и отскочила. Ужасно боюсь грозы. Онъ подошелъ ко мнѣ и посадилъ въ кресло и не отходилъ все время грозы. И странно, несмотря на страхъ мой, мы такъ хорошо говорили, такъ какъ-то удивительно сложились весь этотъ вечеръ. Онъ былъ другой, какимъ я знала его раньше. Я рассказывала ему про наше дѣтство, про Покровское, какъ я пропала въ Швейцарію. Помните? Заблудилась, и Соня и Петя* искали и плакали. А бредила долго и страшно было одной и хорошо. Сарра Из. меня дома бранила. А итальянскіе мужики указали дорогу.

«Про охоту говорили. Опять спрашивалъ про Анатоля, но я сказала: «Не портите вечера, не говорите объ этомъ». И онъ замолчалъ.

«Ахъ предметъ! Если бы я могла вычеркнуть изъ своей жизни это время съ Анатодемъ!

«Мы сидѣли долго, а дождь все лилъ, и спать мнѣ не хотѣлось. Зажгли лампы, гроза утихла, а мы все находили о чемъ говорить.

«Какъ мнѣ хочется, чтобы вы его знали! Это такой человѣкъ удивительный, и Левочка его очень любитъ. Но мнѣ иногда неловко какъ-то при немъ. Боюсь сказать глупость. Но только не въ этотъ вечеръ въ Пироговъ.

«Прощайте, пишите, и не показывайте никому письма.

Таня».

IV.

Приближался сентябрь, и дядя Сережа долженъ былъ на три мѣсяца ѣхать въ свое курское имѣніе и тамъ заняться хозяйствомъ и охотиться.

Въ день отъѣзда дяди Таня пошла за книгами въ пустой флигель, гдѣ была школа, за ней послѣдовалъ дядя Сережа.

Они поднялись во второй этажъ и вошли въ большую свѣтлую комнату съ большимъ итальянскимъ окномъ. Шаги ихъ гулко раздавались по всему дому.

Они шли молча; казалось, что оба они были сосредоточены на одной и той же мысли, которую высказать они не могли и не должны были.

Въ комнатѣ стояли два большихъ книжныхъ шкафа. Къ одному изъ нихъ была выдвинута придвинутъ длинный, высокій школьный столъ. По стѣнамъ стояли стулья.

«Надо скорѣе выбрать книги», сказала Таня,—не то уже становится темно, и тогда ничего не разберешь.

Слова ея звучали, какъ бы заученныя, какъ будто она знала, что вотъ сейчасъ должно произойти что-нибудь значитель-

У НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Маленькія Эльзаски.

ное, необыкновенное, чего она боялась, а книги, надо было вѣзти на столъ. Таня въ то же время и страстно желала, а что пока надо заглушить это, хотя бы пустымъ разговоромъ.

Дядя Сережа подставилъ ей стулъ къ столу и сказалъ ей:

«Выберите и мнѣ книгу, пожалуйста—взять на дорогу.

«Какую?»—спросила Таня.

«Да какую хотите, полагаюсь на вашъ вкусъ.

Шкафъ былъ высокій, и чтобы достать книжку, надо было вѣзти на столъ. Таня по стулу прыгнула на столъ и, отворивъ верхнія дверцы шкафа, стала выбирать старые журналы «Современника» и подавать ихъ Сергѣю Николаевичу.

Они оба молчали. Солнце уже совсѣмъ закатывалось за деревья стараго дубоваго лѣса, съ слегка пожелтѣвшими и покраснѣвшими листьями видѣвшася въ большое итальянское окно. Въ саду и въ домѣ царилъ тишина, и лишь слышно было, какъ боль-

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

ВЪ ВЕРДЕНЪ.

Старая лиса.—Подойди поближе, не бойся! Лисенокъ.—Нѣтъ! Увидѣмъ лучше отсюда. Виноградъ здѣсь невѣрный.

шай осенняя муха жужжа, билась объ стекло.

«Какой онъ странный сегодня,—думала Таня,—молчаливый... беспокойный... Если эта большая муха поползетъ вверхъ, загадала она, то это будетъ. Она пристально глядѣла на окно. Муха поползла вверхъ.

«О чемъ вы задумались?»—спросила она ее.

«Такъ, ни о чемъ. Вамъ журналъ или другую какую-нибудь книгу выбрать?»—спросила она, обернувшись къ нему.

«Что хотите»,—сказалъ онъ, близко подойдя къ тому мѣсту стола, гдѣ она стояла.

«Надо домой идти поскорѣе,—думала она,—Левочка и Соня будутъ недовольны, что мы ушли вдвоемъ».

И она хотѣла уже стать на стулъ, чтобы слѣзти со стола, но дядя Сережа сидѣлъ на немъ.

Она взяла двѣ выбранныя книги, заперла шкафъ и, смѣясь, сказала ему:

«Какъ же я слѣзу? Пустите, или я прыгну.

«Нѣтъ, прыгать нельзя, высоко, вы ушибетесь, сойдите по стулу!»—тихо, но рѣшительно сказалъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

Невольныо повинуясь его внушительному тону, Таня осторожно ступила одной ногой на самый край стула. «Что я дѣлаю! Не надо»,—мелькнуло у нея въ головѣ, но было уже поздно. Потерявъ равновѣсіе, она выронила изъ рукъ книги, запнулась... и не поддержи ее дядя Сережа, она упала бы на полъ. Ея сильный испугъ и его волненіе должно было вызвало въ немъ уже давно назрѣвшее обласненіе.

Предчувствіе не обмануло Таню: это «значительное» совершилось въ ея юной жизни. Дядя Сережа сдѣлалъ ей предложение. Ей было тогда 17 лѣтъ. Въ эти счастливыя минуты она не сознавала, какое ослѣпленіе влечетъ за собой 15-лѣтняя привязанность Сергѣя Николаевича къ сестрѣ и его возрастъ,—ему было тогда 28 лѣтъ. Изъ семьи его она, кромѣ сына его Гриши, никого не знала. Она сознавала лишь одно, что онъ любитъ ее, что она разстанется съ нимъ на три мѣсяца, и слезы счастья мѣшались съ горемъ разлуки.

Дядя Сережа рассказывалъ обо всемъ брату, а Таня—сестрѣ, отъ которой она ничего не скрывала. Рѣшено было отложить свадьбу на годъ, въ виду юности Тани и устройства дѣла.

Таня приняла это рѣшеніе, какъ приговоръ, но безропотно покорилась ему. Она, какъ будто, взяла на себя быть твердой и сложно жить въ Ясной. Благодаря, опять-таки, сердечной добротѣ Соли, и разумно осторожному отношенію дяди Левочки, ей это казалось не трудно.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» написано:

«Цѣ-лый годъ!»—вдругъ сказала Наташа, теперь только понявъ то, что свадьба отсрочена на годъ... Да отчего же годъ? Отчего годъ?»

Близъ Андрей сталъ ей объяснять причину этой отсрочки. Наташа не слушала его.

«И нельзя иначе?»—спросила она.

Близъ Андрей ничего не отвѣтилъ, но въ лицѣ его выразилась невозможность измѣнить это рѣшеніе».

Помню, какъ осенью мы гостили въ Ясной Полянѣ и проводили вмѣстѣ 17 сентября, именины Соли. Недалеко отъ насъ стоялъ полкъ. Командиръ полка—полковникъ Юлоша и нѣкоторые офицеры полка, въ томъ числѣ и съ дѣтства знакомый намъ офицеръ Г. А. Колоколыцевъ, иногда прѣзжали въ Ясную.

Левъ Николаевичъ, желая сдѣлать сюрпризъ Соли, пригласилъ полковую музыку въ Ясную на ея именины и сказалъ намъ объ этомъ, прося хранить это втайнѣ. Пріготовленій было много: обдѣянный столъ на торжествѣ былъ украшенъ букетами, мы

* Братъ и сестра Т. А.

ТРАГИЧЕСКАЯ МИНУТА.

... Когда богатая тетушка прѣбывает неожиданно и видит, какъ распорядилась съ ея портретомъ, присланнымъ ею въ подарокъ къ празднику.

„The Life“.

всѣ были одѣты въ легкія, бѣлыя, наряд-лаевича, полнаго полковника Юноши и легкими шагами поплыла на встрѣчу Колокольцеву.

При первомъ звукѣ липо Соня озарилось радостнымъ изумленіемъ, даже слезы удивленія выступили на глазахъ ея.

Послѣ обѣда, такъ какъ было много молодежи и насть, барышней, затѣялись танцы.

Кто-то бросилъ ей платокъ. Подхвативъ его на лету, она, уже не заботясь объ окружающихъ, пласала такъ, какъ будто она никогда ничего другого не дѣлала.

Мы всѣ были въ восторгѣ. Мнѣ самой, слушая эту увлекательную вещь Глинки, и видя Таню, хотѣлось присоединиться къ нимъ, но я не рѣшалась.

Весело, беззаботно и молодо жилось тогда.

В. Нагорная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОПРАВКА. Въ иллюстрированномъ приложеніи къ «Новому Времени» отъ 19 марта въ замѣткѣ о Д. Г. Яичевскомъ вырвалась неточность, на которую обращаютъ наше вниманіе. Д. Г. Яичевскій не былъ основателемъ портъ-артурской газеты «Новый Край», какъ сказано въ замѣткѣ, а только ея главнымъ сотрудникомъ. Основатель эту газету скончавшейся недавно П. А. Артемьевъ, авторъ книги «У стѣнъ недвижнаго Китая».

Редакторы: Б. А. Суворинъ, М. Н. Мазалева.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

Подписи и Его И.

С. А. М. первая стѣна

Advertisement for 'Конст. Мальмъ' featuring a list of products like 'для похода и биваковъ' and 'Непромок. пальто, нанкини, сапоги...'.

Advertisement for 'ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА' with an illustration of women's faces.

Large advertisement for 'СЛѢДЫЕ ВОЛОСЫ' (Hair Follicles) with a central illustration and text describing the product's benefits.

Advertisement for 'НОВАЯ КНИГА: САДЫ-ГОРОДА И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АНГЛІИ' by П. Г. МЯКУЕВА.

Advertisement for 'ЕДИНСТВЕННО УДОБНЫЯ ДЛЯ ПОХОДА' (Electro-lanterns) with technical details.

Advertisement for 'В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ' listing various books and their prices.

КЪ 10-ЛѢТНЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (27-го апрѣля 1906—1916 г.).

Таврическій дворецъ, — здание Государственной Думы.
Съ фот. К. К. Булла.

М. В. Родзянко, членъ Гос. Думы отъ Екатеринославской губ. Избранъ председателемъ Гос. Думы третьяго созыва 22-го марта 1911 г. и оставался имъ до окончанія полномочій Гос. Думы 1-го июня 1912 г. На первомъ засѣданіи четвертой Гос. Думы 15-го ноября 1912 г. вновь избранъ ея председателемъ.

Подписи Его Императорскаго Величества Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА въ «Золотой Книгѣ» Государственной Думы.

Цѣна честолюбія.

Разсказъ Х. Робинсъ.

Съ англійскаго М. Дѣлшиной.

— Боюсь, что съ Мери опять нехорошо... Сидѣлка пишетъ, что два дня назадъ у нея былъ сильный сердечный припадокъ. Если сегодня я не получу хорошихъ извѣстій, то непременно съѣзжу ее навѣстить!

Въ отвѣтъ на слова жены, Филлишь Рэлли только пожалъ плечами. Его сволочница слишкомъ часто кричала «болкъ», чтобы можно было повѣрить въ действительную опасность. Она надѣдала ему

А. И. Гучковъ. Избранъ председателемъ Госуд. Думы третьяго созыва 8-го марта 1910 г.; сложилъ полномочія 15-го марта 1911 года.

Зеленѣютъ березы,
Зацвѣли тополя,
Мимолетныя грозы
Льютъ веселыя слезы
На луга и поля.

И изъ ласковой дали
Пережитыхъ годовъ
На душѣ зазвучали
И былыя печали,
И мечты прежнихъ сновъ.

А. Семеновъ-Тянь-Шанскій.

С. А. Муромцевъ. Председатель Гос. Думы перваго созыва. Избранъ на первомъ засѣданіи 27-го апрѣля 1906 года и оставался имъ до роспуска Думы.

О. А. Головинъ. Председатель Гос. Думы втораго созыва. Избранъ на первомъ засѣданіи 20-го февраля 1907 г. и оставался имъ до роспуска Думы 1-го июня 1907 г.

Н. А. Комаровъ. Избранъ председателемъ Гос. Думы третьяго созыва 1-го ноября 1907 г.; сложилъ полномочія въ мартѣ 1910 года.

тѣмъ, что тревожила его жену, и въ концѣ концовъ онъ возмѣлъ по отношенію къ ней родъ неприязни и пересталъ вѣрить въ действительности ея сердечныхъ припадковъ.

— Мери пользуется твоей добротой и даже злоупотребляетъ ею! — возразилъ онъ женѣ. — Ты избаловала ее тѣмъ, что вѣчно торчишь у нея, и готова хоть ночью вѣхать по первому ея зову. Право, для нея даже полезно будетъ, когда въ слѣдующій разъ ты, на ея капризъ, отвѣтишь отказомъ!..
— Ты знаешь, что я этого никогда не сдѣлаю, — торопливо отвѣтила жена. — Мери моя единственная сестра и вообще родственница, и, конечно, я дорожу ею. Ты всегда слишкомъ легко относился къ ея бо-

Видъ Таврическаго дворца со стороны пруда.
 Въ лѣвой сторонѣ рисунка—о. В. П. Юзьковъ, членъ Государственной Думы отъ русскаго населенія Видеенской губ.

ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ СОЗЫВОВЪ

В. А. Харламовъ
 (Обл. Войска Донскаго).

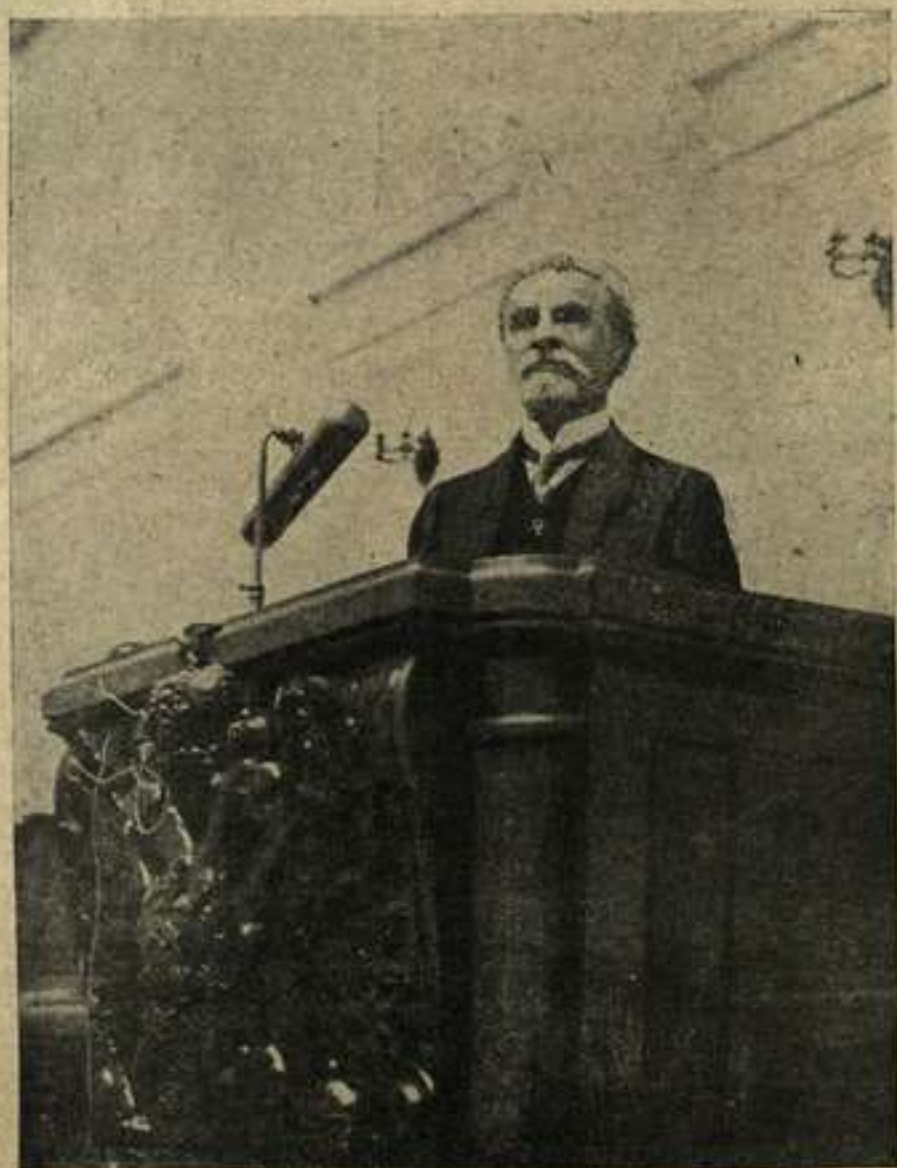
В. М. Родичевъ
 (Петроградъ).

Н. Л. Бардинъ
 (войск. насел. Кубанск. каз. войска).

А. И. Парчевскій
 (Налишская губ.).

Н. П. Шубинской (отъ Тверской губ., чл. Гос. Думы 3-го и 4-го созывовъ).

лѣзни, Филиппъ!.. Но повѣрь, что она ее не выдумываетъ, и ты самъ когда-нибудь убѣдишься въ этомъ, но только будетъ поздно...

— Да я и не говорю, что выдумываетъ!.. Всѣ доктора находятъ, что у нея действительно слабое сердце... Но только мнѣ кажется, что и припадки бы повторялись у нея рѣже, если бы она поменьше объ этомъ думала!.. Пусть она чѣмъ-нибудь займется, и вотъ увидишь, какъ полегчею эти припадки совсѣмъ пройдутъ...

Констенсъ Разли вздохнула. Она уже давно потеряла всякую надежду на то, что мужъ справедливо отнесется къ болѣзненности сестры, но все-таки каждый разъ ей было очень неприятно выслушивать, когда мужъ начиналъ называть истеріей действительно серьезную болѣзнь Мери.

— Немного погодя я позволю къ сдѣлать,— твердо возразила она,— и если окажется нужнымъ, то я сегодня же поѣду въ Борнемусъ...

Разли живо поднялъ голову и сердито посмотрѣлъ на жену черезъ столъ. Они завтракали.

— Ѣхать въ Борнемусъ? — повторилъ онъ сухо.— Но объ этомъ и рѣчи быть не можетъ сегодня!.. Ты развѣ забыла, что вечеромъ официальный обѣдъ у лорда Гавершама, а ты знаешь, что значить для насъ этотъ обѣдъ!..

Констенсъ отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, не забыла. Я знаю, насколько зависитъ отъ этого обѣда наше будущее положеніе въ обществѣ, но все же, если Мери понадобится мое присутствіе, то я поѣду не туда, а къ ней.

— Право, мнѣ кажется, ты не совсѣмъ въ своемъ умѣ,— съ досадой возразилъ мужъ.— Какъ можно думать покинуть Лондонъ въ такое горячее время!.. Ты и не воображаешь, какъ велика ставка и насколько отъ сегодняшняго обѣда зависитъ,— буду ли я нэрромъ королевства!.. И если не для меня, то ради Джимми, я прошу тебя хоть только на-сегодня бросить твои заботы о сестрѣ и подумать о моихъ...

Констенсъ вздохнула съ усталымъ видомъ и посмотрѣла въ окно. Какъ душно и пыльно въ Лондонѣ въ это время года... Какъ жаждало ее сердце снова увидѣть зеленѣющія поля и лужайки, на которыхъ прошло ее беззаботное дѣтство. Вздохнула она также и о домикѣ, маленькомъ и скромномъ, гдѣ началась ее брачная жизнь, и гдѣ ей мужъ еще не предавался теперешнимъ честолюбивымъ мечтамъ и не жертвовалъ для него многимъ.

Прежде, чѣмъ сдѣлаться огромной и яркой величиной въ политическомъ и финансовомъ мѣрѣ, Филиппъ довольствовался ея обществомъ и всегда искалъ его, а теперь они видѣлись все рѣже и рѣже, и то больше въ публикѣ, требовавшей отъ него столько времени и труда...

— Ради Джимми!— сказалъ онъ ей, зная, что она жизнь положитъ за своего золотоволосаго, кудряваго мальчика, поправляющагося теперь въ деревнѣ отъ жестокой инфлуэнцы. Тамъ, на вольномъ воздухѣ, онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, подъ наблюдениемъ преданной няньки и воспитателя, и все его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы на слѣдующій годъ быть въ школѣ первымъ въ крикетѣ.

Н. М. Тевкелевъ
 (Уфимская губ.).

А. Н. Демановичъ
 (Бессарабская губ.).

С. Т. Варунъ-Секретъ (отъ Херсонской губ., членъ Гос. Думы 1-го, 2-го и 4-го созывовъ, товарищъ председателя, Гос. Думы 4-го созыва. Кальво отъ него членъ Гос. Думы Н. А. Ростовцевъ)

Члены Государственной Думы
 всѣхъ четырехъ созывовъ.

В. Ф. Яронскій
 (Нѣлѣцкая губ.).

Я. С. Гарусевичъ
 (Ломжинская губ.).

Констенсъ
 голубые г
 себя, что

— Мол
 ся мнѣ в
 Констенсъ

И онъ у
 влѣтвенн
 какъ зна
 долъ пра

А межд
 димо, что
 днѣшнемъ

Пустое
 Констенсъ
 сильно ра
 ши Филип

ловину ег
 нѣ, ея та
 сти. Даж
 замѣчаній

нея онъ
 предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

Предетавл

В. А. Майлаковъ (отъ гор. Москв.; членъ Гос. Думы 2-го, 3-го и 4-го созывовъ). Кальво отъ него А. М. Александровъ (отъ Екатеринославской г.).
Съ фот. Н. Ольшанскаго.

Констенсъ ярко представились его веселые голубые глаза, и она не могла не сказать себѣ, что онъ стоитъ жертвѣ...

— Можетъ быть, совсѣмъ и не придется мнѣ выбирать, куда ѣхать!—отвѣтила Констенсъ на послѣдній вопросъ мужа.

И онъ уѣхалъ въ городъ по дѣламъ, удивительный только на половину, такъ какъ зналъ, что жена всегда предпочтетъ долгъ нравственный долгу общественному...

А между тѣмъ было совершенно необходимо, чтобы она присутствовала на сегодняшнемъ обѣдѣ...

Пустое мѣсто за столомъ и отсутствіе Констенсъ нарушить планы его шефа и сильно разсудаетъ его... Въ глубинѣ души Филиппъ не могъ не сознаться, что половину его успѣха слѣдуетъ приписать жеманству и очарованію всей ея личности. Даже и его рѣчи безъ ея жеманствъ замѣчаній не значили бы такъ много. Безъ нея онъ часто не умѣлъ выпутаться изъ представлявшихся ему затрудненій.

П. Н. Крупенскій (отъ Бессарабской губ.; членъ Госуд. Думы 2-го, 3-го и 4-го созывовъ).

Изъ главной квартиры онъ уже давно получилъ самое достоверное извѣстіе, что въ празднованіе слѣдующаго дня рожденія высокой особы некое и важное назначеніе его не минуетъ, и потому приготовилъ для сегодняшняго официалаго обѣда особый ужинъ, который долженъ былъ всѣмъ показать, чего онъ достоинъ... Новый титулъ онъ приметъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что заслужилъ его собственнымъ умомъ и личными достоинствами, и поэтому могъ съ понятной гордостью передать его сыну...

Джимми, его единственный сынъ, былъ альфой и омегой существованія Рэлли. Онъ любилъ его за все, и главное потому, что онъ во многомъ походилъ на него самого и подавалъ всѣ признаки того, что въ мірѣ спорта онъ сдѣлается такимъ же извѣстнымъ, какъ его отецъ въ мірѣ политики и финансовъ.

«Ради Джимми» было формулой, передъ которой одинаково покорно преклонялись оба супруга и на чей поклонился всѣ ихъ надежды и желанія.

И мысль, что вся его жизненная задача можетъ быть попорчена капризомъ истеричной свояченицы, выводила Рэлли изъ себя. Мери всегда была камнемъ на его дорогѣ, и камнемъ, который не такъ-то легко спихнуть... И тѣмъ онъ больше думалъ объ этомъ, тѣмъ больше сердился и наконецъ довелъ себя до того, что вернулся домой въ неистовомъ гнѣвѣ, готовомъ вспыхнуть при малѣйшемъ неловкомъ шагѣ со стороны жены.

Констенсъ его встрѣтила при входѣ.

— Мери немного лучше сегодня,—сразу же начала она:—я сейчасъ только что говорила съ сидѣлкой. Она спала хорошо, и докторъ доволенъ ею. Но если ей внезапно станетъ хуже, то они мнѣ протелефонируютъ сегодня до восьми...

Лицо Филиппа, просвѣтлѣвшее было при началѣ фразы, снова нахмурилось при концѣ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свояченицу сердечные припадки чтобы не понять, что ухудшеніе можетъ наступить неожиданно. Его всего передернуло при мысли, что жена не совсѣмъ еще свободна отъ внезапнаго зова, и что легко можетъ

случиться, что въбѣто обѣда она отправится въ Борнемусъ.

Его такъ мучила эта мысль, что сейчасъ же послѣ чаю онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ былъ телефонъ, чтобы быть тутъ, если позвонятъ...

Онъ ежеминутно ждалъ, что вотъ-вотъ зазвонитъ телефонъ, и зналъ, что тогда жену ничто не остановитъ отъ исполненія долга, какъ она его понимала. Поэтому онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда время шло, а до сихъ поръ не вызвали...

Но однако не можетъ же онъ сидѣть здѣсь цѣлый вечеръ на-стражѣ! Въ половинѣ восьмого онъ долженъ былъ встать, чтобы идти одѣться для обѣда, и у него на душѣ было до того неспокойно, что, уходя изъ комнаты, онъ не могъ не обернуться у порога и не бросить пристальный взглядъ на телефонъ. А вдругъ позвонятъ, когда его жена будетъ сходить внизъ, чтобы уже сѣсть въ автомобиль!.. Всѣ его планы тогда разлетятся!.. И эта мысль такъ мучила его, что прежде, чѣмъ онъ ясно представилъ себѣ, что дѣлаетъ, онъ подошелъ къ телефону и снялъ трубку...

Теперь никакая опасность больше не грозитъ!..

Онъ глубоко вздохнулъ при мысли, что теперь Мери имъ не можетъ помѣшать, и постарался себя убѣдить, что онъ поступилъ правильно.

Но все же ему было не совсѣмъ по себѣ и когда, полчаса спустя, онъ ждалъ въ передней жену, опускавшуюся къ нему въ пышномъ нарядѣ, съ брильянтами, которые онъ такъ любилъ на ней показывать, онъ не смѣлъ взглянуть ей прямо въ лицо.

Онъ всегда гордился своей Констенсъ. Она была такъ хороша, и половина его успѣховъ въ свѣтѣ принадлежала ей.

— Пора ѣхать?—спросила она.

Дрожавшими руками онъ вынулъ часы.

— Какъ разъ время,—замѣтилъ онъ, и быстро повернулъ къ выходной двери, какъ бы не желая терять ни одного момента. Констенсъ шла за нимъ; онъ уже началъ было свободно дышать. Еще минута, и они поѣхали бы, не ставя ногу на подножку автомобиля, она осталась, какъ бы прислушиваясь.

— Что это!.. Не телефонъ?—взволнованно спросила она.

Рэлли нетерпѣливо махнулъ рукой. Его совѣсть была не особенно спокойна, и онъ вовсе не желалъ, чтобы ему напомнили о телефонѣ.

А. Д. Протопоповъ (отъ Костромской губ.). Тосарищъ председателя Г. Д. 4-го созыва.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Удивительно, право, какъ эта Мери съ своей болѣзью засѣла у тебя въ головѣ!..—съ досадой воскликнулъ онъ.—Оставь, пожалуйста, въ покоѣ и ее и телефонъ!..

Констенсъ слегка улыбнулась, и онъ

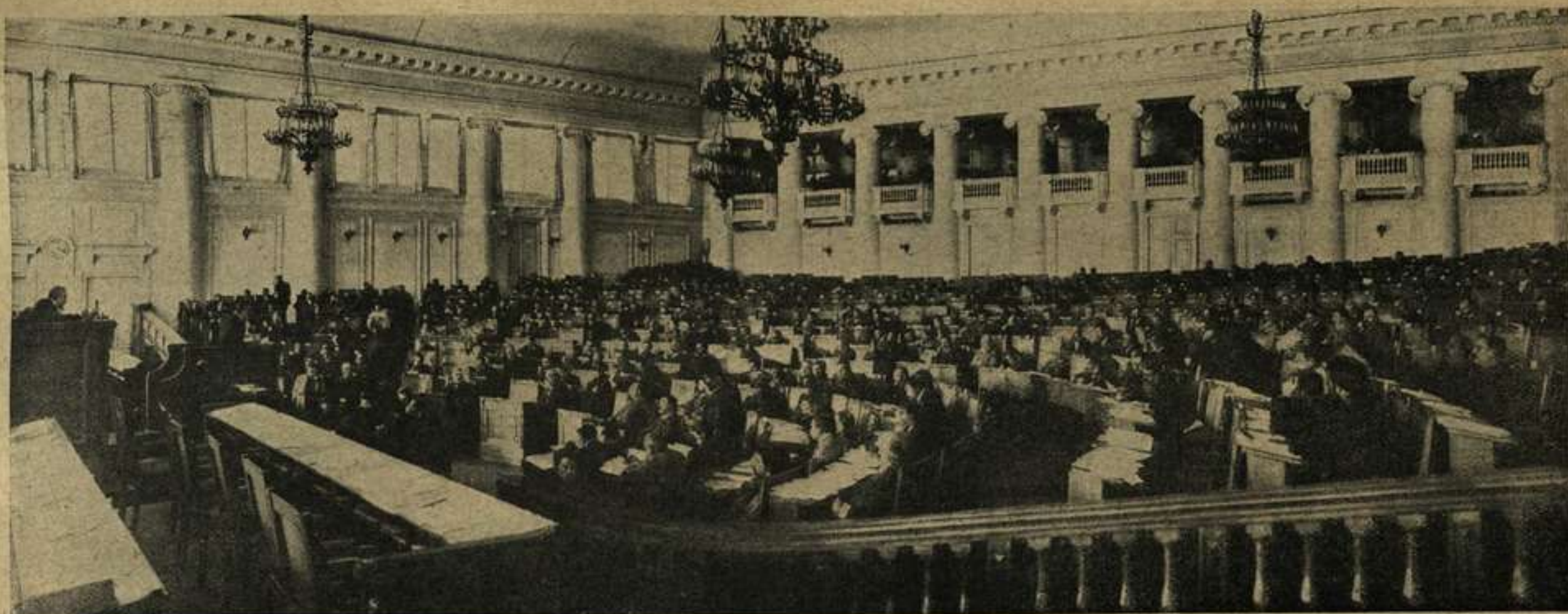

И. И. Дмитренко (отъ Галужской губ.; членъ Гос. Думы 3-го и 4-го созывовъ); секретарь Гос. Думы 4-го созыва.

И. Н. Ефремовъ (отъ Области Войска Донскаго; членъ Гос. Думы 1-го, 3-го и 4-го созывовъ) и П. Н. Милуновъ (отъ Петрограда; членъ Гос. Думы 3-го и 4-го созывовъ).

Съ фот. Н. Ольшанскаго.

ЗАСЕДАНИЕ 1-й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Съ фот. К. Булла.

постарался сделать то же. Телефона не фурорь, и среди похвал и поздравлений было, и стало быть ее сестры были лучше, свояченица и ее болельщи совершенно вы и потому она приготовилась приятно провести вечер. Зато Филипп казался очень озабоченным, когда, наконец, они приехали и шли по широкой лестнице, наверху которой их ждали хозяева.

Лорд и леди Кершамп встретили их очень приветливо, так как Констанс была настолько же популярна в свет, насколько ее муж в парламент.

Его послышавшая речь произвела

Въ центрѣ группы—гр. В. А. Бобринскій (отъ Тульской губ.; членъ Гос. Думы 2-го, 3-го и 4-го созывовъ). Направо отъ него на скамейкѣ—М. Л. Нидковъ. Направо стоятъ: Я. А. Львовъ 3-й, В. П. Басаковъ и И. П. Демидовъ.

Выходъ членовъ Гос. Думы послѣ засѣданія. На первомъ планѣ, наверху—Н. Е. Нарковъ 2-й (отъ Курской губ.; членъ Гос. Думы 3-го и 4-го созывовъ).

замѣтилъ онъ женѣ, пока экипажъ мягко катился по Паркъ-лену.—Я подарю тебѣ нитку жемчуга за сегодняшний вечер. Ее свѣтлость леди Ралли изъ Беллорна должна имѣть подобающія ей сану драгоценности!—добавилъ онъ съ тихимъ счастливымъ смѣхомъ.

Констенсъ вложила свою руку въ его. — Я бы лучше хотѣла израсходовать эти деньги на поездку куда-нибудь подальше.—шепнула она.—Поехали бы куда-нибудь втроемъ: ты, Джими и я, и больше никого!..

Онъ наклонился и поцѣловалъ прелестное личико, прижавшее къ его плечу.

— У тебя будетъ и то, и другое,— сказалъ онъ.—Я найму яхту Ферфильда, и мы отправимся куда-нибудь по озареннымъ солнцемъ водамъ...

Глаза Констансъ засвѣтились.

— Джими будетъ въ восторгѣ! — быстро замѣтила она.—Но, Филиппъ, подумай: какъ было бы хорошо, если бы мы и Мери съ собой взяли!.. Морской воздухъ ей будетъ такъ полезенъ, и я бы очень хотѣла пожить съ ней!..

Обнивавшія ее руки разомкнулись, и

В. М. Пуришкевичъ, членъ Гос. Думы 2-го, 3-го и 4-го созывовъ. Последний разъ избранъ отъ Курской губ.
Съ фот. Н. Ольшанскаго.

Направо—А. И. Шнигаревъ (отъ гор. Петрограда; членъ Гос. Думы 2-го, 3-го и 4-го созывовъ) и А. М. Маслениковъ (отъ Саратовской губ.; членъ Гос. Думы 3-го и 4-го созывовъ).

Къ 50-лѣтню со дня открытія судебныхъ установленій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ Императора АЛЕКСАНДРА II 20-го ноября 1864 г. Первые судебныя установленія были открыты въ Петроградѣ 17-го апрѣля 1866 г., а въ Москвѣ въ томъ же году 17-го мая.

Памятникъ Императору АЛЕКСАНДРУ II, творцу русскаго новаго суда, въ здании судебныхъ установленій въ Петроградѣ. Надъ памятникомъ, слона Императора: «Творите судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ». Внизу надпись: «Сооруженъ 20-го ноября 1883 года издѣлываемиъ чинами С.-Петербургскихъ судебной палаты и окружнаго суда и С.-Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и нотариусовъ».

Мих. Евгр. НОВАЛЕВСКИЙ, оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената († 1884 г.).

Георгій Никол. МОТОЕНЛОВЪ, председатель Петроградскаго окружнаго суда († 1879 г.).

Членъ Госуд. Совета, сенаторъ Никол. Никол. ШРЕЙБЕРЪ, бывшій первымъ прокуроромъ Петроградскаго окружнаго суда.

ПЕРВЫЕ ДѢЯТЕЛИ НОВЫХЪ СУДОВЪ.

Дм. Никол. ЗАМЯТНИНЪ, бывшій министромъ юстиціи во время обнародованія судебныхъ уставовъ и открытія судебныхъ установленій. † 1881 г. Съ портрета, снятаго въ бытность Д. Н. Замятинна директоромъ старшаго класса.

Никол. Ив. СТОЯНОВСКИЙ, бывшій товарищемъ министра юстиціи при Д. Н. Замятинѣ. Одинъ изъ видѣннѣйшихъ дѣателей судебной реформы Императора АЛЕКСАНДРА II. † 1900 г.

Дм. Григ. фонъ-ДЕРВИЗЪ, оберъ-прокуроръ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

Филиппъ выпрямился. На цѣлыхъ пять блаженныхъ минутъ забылъ онъ о существованіи Мери, и напоминаніе о ней было для него неожиданнымъ ударомъ. — Пожалуй, и для нея найдется мѣстечко, — сказалъ онъ, послѣ почти полминутной паузы. Теперь, когда онъ достигъ своего, онъ могъ быть съ ней любезнѣе прежняго!.. Да и упреки съѣсти, напомнившіе ему телефонъ, который онъ заставилъ молчать, помогли ему не разсердиться. — Я думаю, ей пріятно было бы услышать объ этомъ сегодня же, — сказалъ онъ. — Что, если мы позволимъ къ ней, какъ только прійдемъ?.. Глаза его жены мягко блистали. Филиппъ такъ рѣдко выказывалъ интересъ къ ея сестрѣ и теперь она такъ радовалась его вниманію..

— О вѣтъ! — сказала она. — Сегодня это по ступенькамъ, но внезапно онъ остался только се позволнуетъ, но зато завтра увидя, совершенно пораженый. Передъ нимъ стоялъ запыхавшійся отъ быстрого бѣга по лѣстницѣ, молодой че-

Филиппъ былъ радъ въ душѣ ея отказу, потому что очень боялся, что она пойдетъ сейчасъ въ его кабинетъ и увидитъ снятую трубку. Но все-таки на всякій случай, боясь, чтобы она не передумала, онъ прежде всего отправился въ кабинетъ, едва взглянувъ на пачку ожидавшей его въ библиотекѣ корреспонденціи.

Онъ зажгъ свѣтъ и только что хотѣлъ повѣсить трубку, какъ вдругъ его удивилъ шумъ мотора, остановившагося у ихъ дома.

Онъ остановился съ трубкой въ рукахъ и прислушался къ быстрымъ шагамъ, раздававшимся на лѣстницѣ. Кто могъ быть такъ поздно?..

Онъ повѣсилъ трубку и поспѣшилъ навстрѣчу позднему посетителю. Большая Мери не выходила у него изъ ума, и онъ теперь чего-то ждалъ. Вдругъ припадокъ повторился и теперь все было кончено?.. Единственная сестра Констансъ переселилась въ лучшей мѣрѣ безъ ея смягчающаго присутствія, на рукахъ постороннихъ! Развѣ простить ему когда-нибудь жена, если узнаетъ все?..

Его ноги дрожали, когда онъ сходилъ

Барельефъ надъ входомъ въ здание судебныхъ установленій въ Петроградѣ, на Литейномъ проспектѣ. Барельефъ изображаетъ судъ Соломоновъ; подъ нимъ надпись: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

ПЕРВЫЕ ДѢЯТЕЛИ НОВЫХ СУДОВЪ.

Влад. Андр. ГОДЕ, товарищ прокурора Петроградскаго окружнаго суда, выступавшій обвинителемъ въ первомъ засѣданіи этого суда съ участіемъ присяжныхъ заседателей. (†).

Оскаръ Ильичъ КВИСТЪ, председатель Петроградскаго столичнаго съѣзда мировыхъ судей, мировой судья 1-го участка († 1890 г.).

Матв. Бас. ПОЛЫКОФЪ, старшій председатель Московской судебной палаты († 1882 г.).

минуту.—Онъ сказалъ, что ушибъ серьезный, такъ какъ черепъ проломленъ. Онъ сказалъ также, что спасти мальчика можетъ только немедленная операція, а что мы должны сейчасъ же съговориться съ вами, такъ какъ по закону онъ не имѣетъ права производить трепанацію черепа безъ согласія родителей. Тогда мы начали звонить къ вамъ и звонили почти часъ, но отвѣта не было. И докторъ рѣшилъ, что лучше ехать моторъ и послать меня къ вамъ въ Лондонъ. Телеграму мы послать не могли, такъ какъ вечеромъ почтовая контора въ деревушкѣ закрывается.

Рэлли не шевелился, точно превратился въ столбъ. Онъ только не спускалъ глазъ съ дщери, и этотъ взглядъ, полный отчаянія, говорилъ такъ много...

— Вы хотите сказать,—наконецъ хрипло заговорилъ онъ,—что они до сихъ поръ ждутъ моего согласія. И неужели вы хотите еще сказать, что мой сынъ умираетъ, такъ какъ я не произнесъ нужнаго слова и тѣмъ приговорилъ его къ смерти?

Воспитатель утвердительно кивнулъ головою.

— Да, я съ вашего позволенія я сейчасъ поѣду туда, а вы переговорите съ докторомъ... Видите,—дрожащимъ голосомъ добавлялъ онъ,—до Лондона два часа пути и за это время многое могло случиться...

РУССКІЕ ВЪ МАРСЕЛИ.

Русскіе офицеры, прибывшіе въ Марсель съ нашимъ отрядомъ.

ловѣкъ,—воспитатель его сына, на похороненіи котораго они оставили Джимми въ деревнѣ.

— О, господинъ Рэлли!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Слава Богу, что вы здѣсь!.. Я никакъ этого не ожидалъ, такъ какъ мы звонили къ вамъ весь вечеръ, и являя съ позвонивъ восьмого. Вашъ телефонъ навѣрно испорченъ, такъ какъ намъ не отвѣчали...

Филиппъ смочилъ языкомъ пересыхавшія губы. Почему-то онъ зналъ, что это служить вступленіемъ къ чему-то гораздо худшему... Его сердце внезапно сжалось.

— Телефонъ, кажется, въ порядкѣ,—замѣтилъ онъ слабо.—Но мы обѣдали не дома и потому... Скажите: съ Джимми ничего не случилось дурнаго?..

Его собесѣдникъ ближе придвинулся къ нему и, избѣгая смотреть ему въ глаза, тихо сказалъ:

— Случилось, и случилось очень дурное... Вдвѣяжка упала сегодня послѣ обѣда съ велосипеда и съ тѣхъ поръ лежитъ безъ сознанія... Сперва мы думали, что онъ убитъ на смерть, но потомъ, когда вносили его въ домъ, то увидѣли, что онъ еще живъ...

Рэлли прислонился къ двери, и его лицо приняло зеленоватый оттѣнокъ. Потомъ невѣроятнымъ усиліемъ воли онъ заставилъ себя думать и быть готовымъ къ дѣйствию.

Онъ быстро оглянулся вокругъ. Только бы роковая вѣсть не дошла до матери мальчика! Онъ ввелъ воспитателя въ кабинетъ и затворилъ дверь.

— Что же потомъ?—спросилъ онъ, поблѣввшими губами.

— Мы сейчасъ же позвали доктора,—продолжалъ губернаторъ, чувствуя всю тяжесть задачи, лежавшей на немъ въ эту

Статуя Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II въ зданіи судебныхъ установленій въ Петроградѣ. Какъ извѣстно, зданіе судебныхъ установленій въ Петроградѣ прежде было арсеналомъ. Въ числѣ достопримѣчательныхъ предметовъ, хранившихся въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, была статуя Императрицы Екатерины II, изваянная въ Римѣ по заказу князя Потемкина. Императоръ Александръ II приказалъ передать эту статую министерству юстиціи съ тѣмъ, чтобы она была помещена въ зданіи новыхъ судебныхъ установленій. Такимъ образомъ составительница «Наказа» заняла мѣсто по соседству съ Государемъ, давшимъ новый судъ Россіи.

Прошла цѣлая вѣчность прежде, чѣмъ со станціи имъ отвѣтили и наконецъ соединили... И Рэлли, внезапно постарѣвшій на десятки лѣтъ, заранѣе зналъ отвѣтъ!

Джимми, его Джимми скончался полчаса тому назадъ... И въ головѣ доктора слышалась безконечная печаль, что онъ не могъ спасти молодую жизнь только изъ-за порчи телефона.

Когда Филиппъ повѣсилъ трубку, онъ внезапно позналъ истинную цѣну своему честолюбію и началъ чувствовать всю тяжесть долга, съ которымъ ему не расплатиться всю его жизнь.

Никогда больше не будетъ фразы: «ради Джимми»—этого могущественнаго рычага, двлазшаго его карьеру...

А худшее еще представало ему, значало для него въ торопливыхъ шагахъ Констансъ, приближавшахся къ кабинету.

Онъ слышитъ шелестъ ея платья, сейчасъ увидитъ ея изумленіе по поводу такого поздняго посѣщенія!

Что онъ отвѣтитъ на ея торопливые, безпокойные вопросы?..

Какъ онъ скажетъ ей, что пожертвовалъ дорогой жизнью ради честолюбія!..

Дверь кабинета тихо открылась, и на порогъ появилась высокая, стройная женщина, шурша тяжелымъ платьемъ и блестя драгоцѣнностями.

Какъ передать это ожиданіе на порогѣ и трагическое молчаніе, во время котораго можно было слышать біеніе двухъ волнующихся сердецъ?

Прошло много времени, пока, наконецъ, будущій лордъ Рэлли изъ Беллорна поднялъ голову и повернулся лицомъ къ матери Джимми.

Я люблю в
Въ этихъ д
Камней жем
Будто въ в

Жемчугъ сл
И умереть,
Онъ живетъ
И касаясь а

Твои нѣжн
Въ украшен
Странно: ж
И въ тебѣ

Ты прабабу
О которой
Но прабабу
Въ этихъ

Юбилейна
Въ току
торгуютъ
ютъ 150 г
омраченна
150 лѣтъ
рингизъ бл
къ Франці
сальскому
Германіи.
По этому
вспомнилъ
рингизу, од
осмысливъ
временемъ
пинскую,
Несторія
1725 году
ринъ Лешн
ше его на
въ скором
отъ супру
жамъ въ т
ролевы ца
Теперь п
реабилити
Лешинско
Ленотръ
возстанав
то же вре
утвердилъ
Короля-Со
Мы оста
слие факт
не Лотар
только лю

Русские в Марсели.

Жемчугъ.

Д. В. Дудыкевичъ.

Я люблю въ этой формѣ овальной,
Въ этихъ длинныхъ старинныхъ серьгахъ
Камней жемчуга отблескъ печальный,
Будто въ вѣчно застывшихъ слезахъ.

Жемчугъ станеть тусклѣй и тусклѣе,
И умреть, запертой на замокъ,
Онъ живеть на атласистой шеѣ
И касая атласистыхъ щекъ.

Твои нѣжныя щеки люблю я
Въ украшеннѣ старинныхъ серегъ,
Странно: женщину будто иную
И въ тебѣ старый жемчугъ сберегъ.

Ты прабабушкой, мнѣ неизвѣстной,
О которой я слыхивалъ лишь,
Но прабабушкой юной, прелестной
Въ этихъ серьгахъ старинныхъ глядишь.

Н. Вильде.

Мелочи.

Юбилейная страничка изъ исторіи Лотарингіи.

Въ текущемъ году Франція и ея отторгнутая дочь — Лотарингія вспоминаютъ 150 годовщину радостнаго событія, омраченнаго войной 1871 года.

150 лѣтъ назадъ, въ 1766 году, Лотарингія была присоединена окончательно къ Франціи, до момента, когда по версальскому договору часть ея отошла къ Германіи.

По этому поводу французскіе историки вспомнили ту, которая дала имя Лотарингіи, одну изъ непонятныхъ исторій, осмѣянныхъ современниками и забытыхъ временемъ королева Франціи — Марію Лешинскую, супругу Людовика XV.

Исторія говоритъ намъ кратко, что въ 1725 году Людовикъ XV женился на Маріи Лешинской, что невѣста была старше его на семь лѣтъ и вѣдѣвие этого въ скоромъ времени король отвернул отъ супруги и увлекся балами и кутежами въ то время, какъ на половинѣ королевы царило суровое ханжество.

Теперь историки пытаются нѣсколько реабилитировать память королевы Маріи Лешинской.

Ленотръ по неизданнымъ документамъ восстанавливаетъ истину, давая намъ въ то же время яркую картинку нравовъ, утвердившихся при Версальскомъ дворѣ Короля-Солнце.

Мы оставимъ въ сторонѣ все политическіе факты, сопровождавшие присоединеніе Лотарингіи, и займемся заберъ только любопытные и мало извѣстныя

моменты изъ жизни королевы, даровавшей эту провинцію Франціи.

Когда въ 1725 году возникъ вопросъ о бракѣ юнаго пятнадцатилѣтняго короля, бракъ, имѣвшемъ цѣлю удержать его отъ пагубнаго примѣра его знаменитаго прадеда Людовика XIV, весь дворъ былъ потрясенъ, когда король произнесъ официально имя своей невѣсты.

— Какъ, — возмущались придворные, — мы беремъ въ королеву дочь изгнаннаго польскаго короля, получившаго корону лишь въ силу симпатій къ нему Карла XII и не могущаго удержать ее послѣ его паденія... дочь шляхтича Лешинскаго и шляхтянки Опальской... шчотажную принцессу безъ приданнаго и

связей... воспитывавшуюся изъ милости въ Виссембургѣ... весь дворъ которой состоялъ изъ 21 дворянъ, оставшихся вѣрными ея отцу...

— Принцесса въ рубинѣ, — заявили другіе, — штупающая свои старыя платья!.. Воображаемъ ея появленіе при самомъ элегантномъ дворѣ Европы...

— И подумайте, — подхватывали дамы, — она не употребляетъ ни притираний, ни румянъ, ни пудры для волосъ... это коровница кака-го, а не будущая королева Франціи...

Разумѣется, негодованіе придворныхъ не ограничилось одними словесными нападками. Пока одни старались повліять на молодого короля, говоря ему, что Марія калѣка и уродъ, что у нея на лѣвой рукѣ срослись пальцы, что она горбата и подвержена энцефалическимъ припадкамъ, другіе приняи болѣе серьезныя мѣры — такъ было произведено нѣсколько покушеній на жизнь отца невѣсты.

Между прочимъ ему былъ отправленъ въ подарокъ отравленный похотельный табакъ, и только случай открылъ это злоумышленіе.

Любимый шутъ короля распаквалъ посылку и принялся пробовать качество посылки и принялся пробовать подарокъ. Не прошло и получаса, какъ онъ умеръ въ мучительныхъ конвульсіяхъ.

Но все происки и интриги не привели ни къ чему, наоборотъ, побудили регента ускорить бракъ короля, и 15 марта 1725 года въ Страсбургѣ было отпраздновано бракосочетаніе Маріи Лешинской съ королемъ Франціи, замѣстителемъ котораго въ церковной церемоніи явился герцогъ Орлеанскій.

Встрѣча съ королемъ проходила весьма благополучно. Настроенный придворными, Людовикъ съ тревогой ждалъ прибытія старой уродливой жены, и поэтому сразу очарованъ ею. Первые годы супружества проходили очень согласно. Не въ примѣръ развращенному двору, королева являетъ собою образецъ прекрасной семьянины и умѣетъ удерживать короля при себѣ.

Въ 1727 году она даритъ королю двухъ дочерей-близнецовъ: «Madame Первую и Madame Вторую». Подъ такой нумера-

Защитникъ Кутъ-эль-Амара, англійскій генералъ-майоръ Чарльзъ Тауншендъ.

Болѣе 20 недѣль отрядъ англичанъ, окруженный Турками, мужественно отразилъ все нападенія превосходящихъ силъ непріятеля, но изуродованный голодомъ и лишенный всякой возможности получить подкрѣпленіе, принужденъ былъ сдаться.

цей, въ еслу установившейся традиціи, фигурировали принцессы крови до крещенія, происходившаго весьма поздно. Въ слѣдующемъ году повлается на свѣтъ Madame Третья. Королева начинаетъ волноваться: три дочери, и до сихъ поръ нѣтъ желаннаго наследника престола. Она предпринимаетъ паломничество къ святынямъ Парижа, и 4 сентября 1729 году желаніе народа исполнилось: родился дофинъ. Это апогей вліянія королевы. Придворные куртизаны зовутъ ее «Звѣздой Сѣвера». Но только еще четыре года король не уходитъ изъ-подъ вліянія семьи, увлекаясь ролью юнаго отца семейства.

Со смертью регента, герцога Орлеанскаго, мѣсто его занимаетъ кардиналъ Флери. Онъ ненавидитъ королеву и увлекаетъ Людовика XV въ вихрь свѣтскихъ развлеченій. Охоты смѣняются балами, затѣмъ на очереди пышныя путешествія по провинціямъ, словомъ, королева не видитъ теперь своего супруга иной разъ по недѣлямъ. Она прячетъ свое горе въ тѣнистыхъ аллеяхъ Триана, гдѣ впоследствии другая королева Франціи, Марія-Антуанета, создала свою «деревушку», навѣянную идеями Жанъ-Жака Руссо.

Немного придворные остаются вѣрны королеву въ опалѣ, и «малый дворъ» живетъ соебѣмъ обособленно, погруженный въ интеллектуальную жизнь. Здѣсь въ почетѣ художники, поэты и ученые, сама королева увлекается живописью. Въ большихъ залахъ дворца идутъ пиры и оргіи, и одна фаворитка смѣняетъ другую по капризу короля.

У королевы одно горе — разлука съ дѣтьми. При ней остается только дофинъ, а дочери въ силу этикета отданы въ монастыри на воспитаніе въ возрастѣ десяти лѣтъ и возвращаются ко двору уже взрослыми принцессами.

Отчужденіе короля перестало ее тяготить, вскорѣ она примиряется съ ролью матери и воспитательницы дофина и философски не требуетъ отъ жизни больше, чѣмъ она можетъ ей дать.

Капризъ дипломатова даруетъ Станиславу Лешинскому герцогство Лотарингію, и послѣ его смерти въ 1766 году королева наследуетъ это владѣніе и приноситъ его въ даръ Франціи, какъ заповѣднее приданое безприданницы-принцессы.

Блестящій пѣкъ разврата не могъ конечно, оцѣнить по достоинству эту затворницу, скромную королеву, прошедшую тихую тѣню по страницамъ исторіи Франціи. Немногое близко знавшю ее, не пользовались достаточнымъ вліяніемъ, чтобы выставить во всемъ блескѣ ея прекрасныя душевныя качества. Весь дворъ короля былъ противъ нея. Еще бы! Она являлась «черной тѣнью», омрачавшей пиры и праздноствія, удерживавшей короля отъ безумствъ и излишествъ въ годы своего вліянія...

При ней Версаль рисковалъ утратить былую славу самаго элегантнаго, пышнаго и веселаго двора всей Европы!

И этого оказалось достаточно, чтобы современники произнесли самый суровый и безощадный приговоръ по адресу «неудачной, пеловкой и скучной» королевы.

Теперь же исторія съ успѣхомъ мо-

къ 300-лѣтію со дня СМЕРТИ ТВОРЦА ДОНЪ-КИХОТА.

Мигуэль де-Сервантесъ Сааведра.

Родился 9-го октября 1547 г. въ Алькуль-де-Тенаресъ, маленькомъ мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Мадрида. † 23-го апрѣля 1616 г.

жетъ примѣнить къ ней изреченіе, сказанное какъ-то ею съ мягкой улыбкой въ отвѣтъ на одинъ изъ обычныхъ сарказмовъ кардинала Флери: «Женщины, о которыхъ лучше всего говорить послѣ ихъ смерти, это тѣ, о которыхъ меньше всего говорили при ихъ жизни».

Новые американскіе миллионеры.

Война разоряетъ Европу и обогащаетъ Америку. Въ «American Review of Reviews» помѣщена любопытная статья о новыхъ американскихъ миллионерахъ или миллиардерахъ, какъ мы ихъ называемъ обычно. До войны ихъ было въ Соединенныхъ Штатахъ 4.100 человекъ; если же война затянется еще года на два, то число ихъ увеличится, пожалуй, еще на нѣсколько сотъ человекъ.

Америка дѣлаетъ колоссальные торговые обороты. Выяснено, что къ началу 1916 года она уже заработала чистогомъ не меньше 2 миллиардовъ долларовъ. Въ особенности называются сталелитейные, оружейные и пороховые заводы. Въ прежніе годы Америка вырабатывала 11 миллионъ тоннъ стали въ годъ, а теперь 40 миллионъ; цѣна же на сталь возросла непомерно.

Компанія пороховыхъ заводовъ Дюпонъ приняла въ октябрѣ заказъ болѣе чѣмъ на миллиардъ франковъ, и могла раздать своимъ акціонерамъ 200 проп. дивиденда. Всѣхъ заводовъ у фирмы пять, и каждый изъ нихъ представляетъ настоящій маленький городъ. Плата рабочимъ и служащимъ достигаетъ ежемесячно 2.225.000 рублей на наши деньги по теперешнему курсу; нѣкоторые рабочие зарабатываютъ отъ 30 до 40 рублей въ день. Заводъ изготовляетъ ежедневно до 920.000 ф. пороха и вырываетъ тысячъ веществъ. Фирма Corney's Point вырабатываетъ ежедневно 73.000 фунтовъ бездымнаго пороха; чистая ея прибыль доходитъ до полутора тысячъ рублей въ день, такъ какъ фунтъ пороха продается ею за долларъ, а себестоимость его меньше одной трети этой цѣны.

Bethlehem Steel Co.—самый громадный оружейный заводъ въ мирѣ; онъ греетъ заводы Круппа и Крезо. Его прибыль за послѣдній годъ достигла 112,5 миллионъ рублей; директоръ завода г. Швабъ получаетъ въ видѣ вознагражденія 10 проц. этой прибыли, т.е. 11¼ миллиона въ годъ.—жалованье неслыханное въ нашей скромной Европѣ.

Военные заказы, сыпавшіяся на Америку градомъ въ началѣ войны, теперь

ВЪ НЕДАЛЕКОМЪ БУДУЩЕМЪ.

... Когда женщины будутъ воевать.

Life.

перь стоятъ заводы, гдѣ занято по нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Наблюдается въ Америкѣ еще одно любопытное явленіе: поставщиками воюющихъ державъ выступаютъ не только промышленныя компаніи и фирмы, но и цѣлые города. На ряду съ этимъ значительно увеличилось городское население во многихъ штатахъ; сельскіе жители бѣгутъ въ города на сказочные заработки.

Сильно разбогатѣли и отдѣльные лица: изобрѣтатель Исаакъ Рейсъ «взялъ» 15 миллионъ франковъ; предсѣдатель компаніи Ремингтонъ, Доджъ—60 миллионъ. Джонъ Уиллисъ, работающій на электрическихъ лампочкахъ, десять лѣтъ назадъ былъ бѣднымъ, незамѣтнымъ механикомъ, а теперь имѣетъ состояніе въ сотни миллионъ. Не такъ давно изъ Нью-Йорка прѣехали на короткій срокъ 32 американца для принятія крупнаго заказа; прѣехали они въ пулеметовскихъ вагонахъ и какой-то досужій репортеръ высчиталъ, что одно путешествие съ накладными расходами стоило имъ 250.000 рублей.

Только по окончаніи войны можно будетъ сказать вполнѣ точно, на какую фантастическую сумму облагодѣтельствовала Соединенные Штаты.

Отъ редакціи. Продолженіе очерка г-жи В. Нагорной «Оригиналъ Паташи Ростовской» въ романѣ «Война и миръ» будетъ въ слѣдующемъ приложеніи.

ПОПРАВКА. Въ № 14413 «Нов. Врем.», на стр. 139 подъ портретами сестеръ милосердія, награжденныхъ георгиевскими медалями, сдѣлана ошибочная подпись. Слѣдуетъ читать В. А. Литвинова и Т. А. Литвинова.

Редакторы: Б. А. Суворинъ, М. Н. Мазлевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

ДЛЯ ПОХОДА И БИВАНОВЪ. Непромокъ, палатки, валядки, сапоги, мѣшки, снаряды, водонепроницаемые свѣтляки электр., огниво карман., флаги, термосы, очки, дорожные ванны, тѣсные складные, спясающее поплава. Поставщикъ Двора Его Величества. **Конст. Мальмъ.** Петроградъ, Морская, 34.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ» НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ **ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX столѣтія** Томъ первый. 1800—1850 гг. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи. Изданіе 2-е. Исправленное и дополненное. Стр. XII+617. Цѣна 3 рубля. Томъ второй. 1850—1900—1915. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи алфавитнаго указателя къ обѣимъ томамъ и очерка развитія формъ и направленій новѣйшей русской литературы (1899—1900—1915). Стр. VIII+602. Цѣна 3 руб. 50 коп.

ЗАСТАРЬЛЫЕ ХРОНИЧЕСКИЕ ЗАПОРЫ несвареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейера. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отлупокъ. **ЗАПОРЫ** изъ всѣхъ апт. по рецепту. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» продается романъ **М. ЛЕВЛАНЪ** Необычайныя приключенія Арсена Люизна. Изданіе 8-е. Цѣна 50 коп.

ЕДИНСТВЕННО УДОБНЫЕ **ДЛЯ ПОХОДА** съ отдѣльн. рефлекторомъ **ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ,** Петроградъ, МОРСКАЯ, 33. **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ.**

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ по изданію **«Искусство для всѣхъ»** подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладнаго искусства. Вышелъ изъ печати 7-й томъ. **СОДЕРЖАНІЕ:** Акварель. В. А. Давидовъ. Рисованіе частей человѣческаго тѣла—А. Г. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Макогонскій. Лицевая перспектива—Т. Н. Катуркинъ. Очерки по исторіи живописи—В. Ф. Шлеверъ. **ИЛЛЮСТРАЦИИ:** 81 черная рис., 8 многоцвѣтн. рис., 8 мед. цвѣтн. рис.—трафар. Изданіе **«Искусство для всѣхъ»** вылетаетъ въ матрикѣ искусства и охватываетъ всякому человеку, любящему искусство и желающему сочетательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прѣдвѣвшихъ никакой серьезной школы; для господъ художниковъ и учителей рисованія. **Исконъ»** для родителей. **«Искусство для всѣхъ»** издается незамѣтнымъ вниманіемъ ихъ съ дѣтьми. **«Искусство для всѣхъ»** по билетамъ. Краткій проспектъ безъ цѣны. Подробный проспектъ **«Искусство»** за 15 коп. Т-во **«БЛАГО»**, Петроградъ, Никлаевская, 44—73.

Сѣдые волосы Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній естественный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ естественный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.** Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. **Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА, Отд. 108М.**